

**ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

**Юрий Мухин
Виктор Суворов
Марк Солонин
Михаил Барятинский
Михаил Мельтюхов
Мирослав Морозов**

**Великая
Отечественная
катастрофа**

Трагедия 1941 года

**ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФОРУМ**

**Юрий Мухин
Виктор Суворов
Марк Солонин
Михаил Барятинский
Михаил Мельтюхов
Мирослав Морозов**

Великая Отечественная катастрофа

Трагедия 1941 года

**Составитель
А.Д. Кошелев**

Москва
«Яуза»
«ЭКСМО»
2007

ББК 63.3(0)62
В 27

Оформление серии художника *П. Волкова*

В 27 **Великая Отечественная катастрофа: Сборник статей /**
Ю. Мухин, В. Суворов, М. Солонин, М. Барятинский,
М. Мельтюхов, М. Морозов, А. Мартиросян, Д. Хмель-
ницкий, О. Расстренин, Ю. Житорчук; сост. А. Кошелев. —
М.: Яуза, Эксмо, 2007. — 384 с. — (Военно-исторический
форум).

ISBN 978-5-699-21324-5

Несмотря на целые библиотеки книг, посвященных трагедии
1941 года, эта величайшая военная катастрофа до сих пор остается од-
ной из самых спорных и загадочных страниц отечественной истории.

Что произошло летом 41-го на западных границах СССР?

*Почему могучая и хорошо вооруженная Красная Армия была наголову
разгромлена за считанные недели боев и Советский Союз оказался на гра-
ни полного военного и политического краха?*

*В чем главные причины Великой Отечественной катастрофы 1941
года?*

Свой ответ на эти до сих пор болезненные вопросы дают самые
известные, самые популярные современные историки.

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-699-21324-5

© ООО «Издательство «Яуза», 2007

© ООО «Издательство «Эксмо», 2007

Юрий Мухин

«КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ!»

Причины поражений Красной Армии в первый период Великой Отечественной войны достаточно многочисленны, и мы для начала должны окинуть взглядом хотя бы основные.

ЧИСЛЕННОЕ ПРЕВОСХОДСТВО

Расспросите любого действительно воевавшего ветерана, любого генерала, и вам скажут, что для победы в бою очень важным является численное превосходство над противником. Известнейший военный теоретик Карл фон Клаузевиц писал (выделено мною. — Ю.М.): *«Всякому понятно, что численное превосходство, доведенное до известной высокой степени, должно преодолеть все остальное.*

С этой точки зрения надо согласиться, что численное превосходство представляет важнейший фактор боя, но оно должно быть достаточно велико, чтобы явиться противовесом всем прочим сопутствующим обстоятельствам. Непосредственный вывод из этого: на решительном пункте надо ввести в бой возможно большее число войск.

Окажется ли этих войск достаточно или нет, но в этом отношении нами будет сделано все, что позволяют наши средства. Это первый принцип стратегии».

Древнеримский сенатор Катон Старший вошел в историю тем, что любое свое публичное выступление на любую тему обязательно заканчивал словами: «Ceterum censeo Carthaginem esse delendam», что дословно означает: «В остальном я полагаю, что Карфаген нужно разрушить». Я не готов полностью уподобиться сенатору Катону, но буду использовать любой повод, чтобы лишний раз напомнить: в Великой Отечественной войне СССР, тогдашней численностью около **190 млн.** человек, воевал не с 80 млн. тогдашних немцев — он воевал практически со всей Европой, численность населения которой (за исключением союзной нам Англии и не сдающейся немцам партизанской Сербии) была около **400 млн.** человек.

В ходе Великой Отечественной войны шинели в СССР надели 34 476,7 тыс. человек, то есть 17,8% населения. А Германия мобилизовала в свои вооруженные силы аж 21% от численности населения. Казалось бы, немцы в своих военных усилиях напряглись больше, нежели СССР. Но в Красной Армии в большом количестве служили женщины, как добровольно, так и по призыву. Была масса чисто женских частей и подразделений (зенитные, авиационные и т.д.). В период отчаянного положения Государственный Комитет Обороны принял решение (оставшееся, правда, на бумаге) создать женс-

кие стрелковые соединения, в которых мужчинами были бы только заряжающие тяжелых артиллерийских орудий. А у немцев, даже в момент их агонии, женщины не только не служили в армии, но их было очень мало и на производстве. Почему так? Потому что в СССР один мужчина приходился на трех женщин, а в Германии — наоборот? Нет, дело не в этом.

Для того чтобы сражаться, нужны не только солдаты, но и оружие с продовольствием. А для их производства тоже нужны мужчины, которых женщинами или подростками заменить нельзя. Поэтому и вынужден был СССР посылать на фронт женщин вместо мужчин. У немцев такой проблемы не было: их обеспечивала оружием и продовольствием вся Европа. Французы не только передали немцам все свои танки, но и произвели для них огромное количество боевой техники — от автомобилей до оптических дальномеров. Чехи построили весь парк немецких бронетранспортеров, большое количество танков, самолетов, артиллерии. Поляки строили самолеты, польские евреи производили синтетический бензин и каучук, шведы добывали руду и поставляли немцам комплектующие для боевой техники (к примеру, подшипники), норвежцы снабжали гитлеровцев морепродуктами, датчане — маслом... Короче, вся Европа старалась как могла.

И старалась она не только на трудовом фронте. Лишь элитные войска фашистской Германии — войска СС — приняли в свои ряды 400 тысяч «белых бестий» из других стран, а всего в гитлеровс-

кую армию вступили 1800 тыс. добровольцев со всей Европы, сформировав 59 дивизий, 23 бригады и несколько национальных полков и легионов. Самые элитные из этих дивизий имели не номера, а собственные имена, указывающие на национальное происхождение: «Валлония», «Галичина», «Богемия и Моравия», «Викинг», «Денемарк», «Гембез», «Лангемарк», «Нордланд», «Нидерланды», «Шарлемань» и др.

Европейцы служили добровольцами не только в национальных, но и в немецких дивизиях. Так, скажем, элитная немецкая дивизия «Великая Германия», казалось бы, хотя бы из-за названия должна была комплектоваться только немцами. Тем не менее, служивший в ней француз Ги Сайер вспоминает, что накануне Курской битвы в его пехотном отделении из 11 человек — немцев было 9, а кроме него плохо понимал немецкий язык еще и чех.

И все это помимо официальных союзников Германии, чьи армии плечом к плечу жгли и грабили Советский Союз — итальянцев, румын, венгров, финнов, хорватов, словаков, — помимо болгар, которые в это время жгли и грабили партизанскую Сербию. Даже официально нейтральные испанцы прислали под Ленинград свою хренову «Голубую дивизию»!

Чтобы оценить по национальному составу всю ту европейскую сволочь, которая в надежде на легкую добычу полезла к нам убивать советских людей, я приведу уже неоднократно дававшуюся мною таблицу.

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ВОЕННОПЛЕННЫХ, ВЗЯТЫХ
КРАСНОЙ АРМИЕЙ В ПЕРИОД С 22.06.1941 Г. ПО 2.09.1945 Г.**

Национальность военнопленных	Общее количество, чел.
Немцы	2 389 560
Японцы	639 635
Венгры	513 767
Румыны	187 370
Австрийцы	156 682
Чехословаки	69 977
Поляки	60 280
Итальянцы	48 957
Французы	23 136
Югославы	21 822
Молдаване	14 129
Китайцы	12 928
Евреи	10 173
Корейцы	7785
Голландцы	4729
Монголы	3608
Финны	2377
Бельгийцы	2010
Люксембуржцы	1652
Датчане	457
Испанцы	452
Цыгане	383
Норвежцы	101
Шведы	72

Эту таблицу, впервые опубликованную в конце 1990 г., следует повторять еще и вот по каким причинам. После воцарения на территории СССР «демократии» таблица непрерывно «совершенствуется» в

плане «укрупнения строк». В результате в «серьезных» книгах о войне, скажем, в статистическом сборнике «Россия и СССР в войнах XX века» или в справочнике «Мир русской истории», данные этой таблицы искажены. Часть национальностей из нее исчезла. В первую очередь исчезли евреи, которых, как вы видите из подлинной таблицы, служило Гитлеру столько же, сколько финнов с голландцами вместе взятых. А я, к примеру, не понимаю, почему мы из этой гитлеровской песни должны выбрасывать еврейские куплеты. Между прочим, поляки сегодня пытаются столкнуть евреев с должности «главных страдальцев Второй мировой войны», а их в списках пленных больше, чем официально воевавших с нами итальянцев.

Да ведь и приведенная мною таблица неполна. Прежде всего, в ней не представлены наши отечественные подонки, которые либо в силу благоприобретенного идиотизма, либо из-за малодушия и трусости служили немцам, — от бандеровцев до власовцев. Кстати, наказывали их за это до обидного легко.

Хорошо, если власовец попадал в руки фронтовиков. Тогда он чаще всего получал то, что заслужил. Но ведь предатели исхитрялись сдаваться тыловым подразделениям, передевались в гражданское, при сдаче в плен прикидывались немцами и т.д. В этом случае советский суд их буквально по головке гладил. В свое время отечественные антисоветчики издавали за рубежом сборники своих воспоминаний.

Один из них описывает судебные «страдания» владовца, который защищал Берлин: переоделся, пленившим его советским солдатам отрекомендовался французом и таким образом добрался до военного трибунала. А дальше читать его хвастовство оскорбительно: *«Дали мне пять лет дальних лагерей — и то повезло. Наспех-таки посчитали за рабоче-крестьянскую мелкоту. Солдатам, захваченным с оружием, и офицерам — лепили десятку»*. При конвоировании в лагерь он сбежал на Запад.

Пять лет за убийство советских людей и измену Родине! Это что же за наказание такое?! Ну хотя бы 20, чтобы у вдов и сирот душевные раны зарубцевались и было не так обидно смотреть на эти подлые хари...

По той же причине не числятся в списках военнопленных крымские татары, штурмовавшие для Манштейна Севастополь, калмыки и т.п. Не числятся эстонцы, латыши и литовцы, имевшие в составе гитлеровских войск свои национальные дивизии, но считавшиеся советскими гражданами и отсидевшие в связи с этим свои мизерные сроки в лагерях ГУЛАГа, а не в лагерях ГУПВИ. (ГУЛАГ — Главное управление лагерей — занималось содержанием преступников, а ГУПВИ — Главное управление по делам военнопленных и интернированных — пленными). Так что через ГУПВИ проходили далеко не все пленные — это управление подсчитывало только тех, кто попадал в тыловые лагеря из фронтовых пересылочных пунктов. Но с 1943 г. в СССР начали формироваться национальные дивизии поляков, чехов, румын для борьбы с немцами. И пленных этих национальностей на-

правляли не в ГУПВИ, а сразу в пункты комплектования таких соединений — воевали вместе с немцами, пусть повоюют и против них! Таких, между прочим, было 600 тысяч. Даже де Голлю в его армию послали 1500 французов.

Казалось бы, о чем тут говорить, если численность европейской сволочи вдвое превосходила численность наших отцов и дедов? Естественно, что поражения Красной Армии были обусловлены этой причиной... Были-то они были, но не все здесь так просто.

28 июля 1942 г., спустя чуть больше года после начала войны, Сталин отдал приказ № 227, который больше известен, как «Ни шагу назад!». В нем есть такие строки: *«Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах,*

ни в запасах хлеба. Отступить дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину».

Через несколько месяцев после этого приказа Красная Армия начала наступать и после еще трех лет тяжелейшей войны дошла до Берлина. Что же получается — когда противник превосходил нас по численности вдвое, мы отступали и терпели поражения, а когда стал превосходить вчетверо — начали наступать и победили?

Отсюда следует, что превосходство гитлеровцев в численности, безусловно, важный фактор, но это не решающая причина поражений Красной Армии в начальный период войны.

ПРЕВОСХОДСТВО ВРАГА В ТЕХНИКЕ И ОРУЖИИ

То, что в начале войны мы уступали немцам в качестве оружия и боевой техники, — несомненно, как и то, что этим Красная Армия обязана своим доверенным «стратегам» и «гениям», в первую очередь предателям типа Тухачевского, хотя в данном случае слабость РККА определялась не столько их предательством, сколько их военным кретинизмом и безграмотностью.

Давайте смотреть на Тухачевского не как на предателя, а как на собственно военного специалиста, хотя это, по большому счету, и невозможно. С 1931

по 1936 г. он был заместителем наркома обороны по вооружению Красной Армии, а на начало 1937 г. — первым заместителем. Как блеснул его «военный талант» за довольно большой срок на этой ответственной должности? Вопросов тут много практически по каждому виду оружия и техники, говорить об этом можно очень долго, но я коснусь всего нескольких моментов.

Для любой страны становится огромной трагедией, если она вынуждена вести войну не тем оружием, которое накопила до ее начала. Это означает, что огромный человеческий труд и усилия были потрачены зря, это означает, что сотни тысяч, миллионы людей были убиты в боях из-за несовершенства вооружения.

Немцы начали и закончили войну тем оружием и той техникой, которые они разработали в период, когда и Тухачевский заказывал советским конструкторам, что проектировать, а советским заводам — что и сколько выпускать для Красной Армии.

Немецкий основной средний танк Т-IV, сравнимый с нашим Т-34 и провоевавший всю войну, был заказан конструкторам в 1935 году. Истребитель «Мессершмитт-109» — по мнению некоторых, лучший истребитель войны — был начат конструированием и испытаниями в 1934 году. Пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-87» — в 1935-м, бомбардировщик «Юнкерс-88» — в 1936-м, «Хейнкель-111» — в 1935 году. Даже истребитель «Фокке-Вульф-190» — и тот в 1938 году. То есть к началу войны немцы имели на вооружении отработанные и освоенные образцы

военной техники, которая была настолько совершенна, что не устаревала до самого конца войны. Достаточно сказать, что Сирия применяла немецкие танки Т-IV даже в «шестидневной войне» 1967 года.

А вот из оружия и техники, которые заказал для Красной Армии «выдающийся военный профессионал» маршал Тухачевский, к концу 1941 г. практически ничего не производилось — ни легкие танки серии БТ, ни средние Т-28, ни тяжелые Т-35, ни истребители И-16 и И-153, ни тяжелые бомбардировщики ТБ-3, летавшие со скоростью мотоцикла, ни «скоростные» бомбардировщики СБ. По широко известному замечанию конструктора артиллерийских орудий Грабина, задержись Тухачевский на посту замнаркома еще немного, — и у Красной Армии не было бы и артиллерии.

Та наша техника и оружие, которые сделали войну (танки Т-34 и КВ, штурмовик Ил-2, бомбардировщик Пе-2, истребители Як, МиГ, ЛаГГ, зенитные орудия, минометы, «Катюши» и многое другое), были заказаны без Тухачевского.

Его действия на посту замнаркома по вооружению привели к столь тяжелым последствиям для Красной Армии, что только за это его следует считать либо отъявленным мерзавцем и негодяем, либо дураком, случайно попавшим на военную службу.

Военный человек, особенно руководитель, не может не обладать образным мышлением. Абстрактное мышление в военном деле губительно. Если Тухачевский не был мерзавцем и честно хотел сделать, как

лучше, то тогда он начисто лишен образного мышления — он не способен был представить себе ни будущих боев, ни способа применения в боях заказываемой им техники. Троцкистская прослойка генералитета Красной Армии организовала Тухачевскому мощную рекламу, хотя по сути своей он не тянул на звание выше поручика и, уж во всяком случае, его и близко нельзя было подпускать к вооружению Красной Армии.

Что интересно, Сталин, похоже, видел неспособность Тухачевского образно мыслить, но, сам не будучи военным, Иосиф Виссарионович тушевался перед дутым военным авторитетом этого маршала-стратега. К примеру, в 1930 г. Сталин весьма скептически и очень точно отозвался об одном из военных проектов Тухачевского, написав Ворошилову, что осуществить эти планы — значит наверняка загубить и хозяйство страны, и армию. Но в 1932 г., когда будущий маршал затеял очередную склоку с Ворошиловым и с обидой напомнил Сталину об этом письме, Сталин перед Тухачевским письменно извинился:

«В своем письме на имя т. Ворошилова, как известно, я присоединился в основном к выводам нашего штаба и высказался о Вашей «записке» резко отрицательно, признав ее плодом «канцелярского максимализма», результатом «игры в цифры» и т.п. Так было дело два года назад.

...Мне кажется, что мое письмо на имя т. Ворошилова, — продолжает Сталин, — не было столь резким по тону, и оно было бы свободно от некоторых не-

правильных выводов в отношении Вас, если бы я перенес тогда этот спор на эту новую базу. Но я не сделал этого, так как, очевидно, проблема не была еще достаточно ясна для меня. Не ругайте меня, что я взялся исправить недочеты своего письма с некоторым опозданием.

С ком. приветом, И.Сталин».

Здесь характерно даже не то, что вождь просит прощения за слова «канцелярский максимализм» и «игра в цифры», а то, что Сталин правильно распознал абстрактный характер мышления Тухачевского, но никак не связал это с его профессиональной пригодностью.

У поражений начала войны много составляющих: это и неспособность нашего Генштаба распознать планы немцев, и острейшая нехватка младшего и среднего комсостава, и необученность войск, и несовершенство техники, и недостатки организации. Но, думаю, ни одна из этих причин не вызвала столь катастрофических последствий, как отсутствие в Красной Армии радиосвязи. Формально радиостанции существовали, но их было так мало и качество их оказалось настолько низким, что можно считать, мы начали войну без радиосвязи. И вина за это лежит на Тухачевском — именно он не развил радиосвязь, а после него для этого уже не хватило времени.

Почему я начал говорить об отсутствии у Тухачевского образного мышления? Потому что он, изнуря молодую промышленность СССР, заказывал для армии огромное количество танков, он органи-

зовывал танковые корпуса (соединения, на вооружении которых находился 1031 танк!) — но без радиосвязи и танки, и их соединения были фактически бесполезны.

Тут надо было образно представить реальный бой. Вот, скажем, атакует наш передний край немецкая танковая рота. Все 10—15 ее танков связаны рациями. Танки приближаются к переднему краю, и тут по ним открывает огонь наш противотанковый артиллерийский дивизион. Командир роты по рации немедленно дает роте команду отойти, одновременно по рации сообщает об этом в штаб. Штаб по радио посылает к месту боя артиллерийских наблюдателей и те по радио вызывают и корректируют огонь гаубичных батарей по позициям нашего дивизиона. Одновременно штаб связывается по рации со станциями наведения люфтваффе, а те по рации вызывают пикирующие бомбардировщики. Дивизион подавлен, немецкая танковая рота вновь атакует и прорывает оборону без потерь.

А наша танковая рота? Командир на исходной позиции вылезает из башенного люка и машет флажками: «Делай, как я». Рация есть только у него. Он идет в атаку впереди всех, его танки натываются на такую же противотанковую оборону, но вовремя остановить их без радиосвязи невозможно, и они вынуждены, исполняя приказ, идти на расстрел. Чтобы спасти роту, командир, если он еще не убит, вынужден снова вылезти из танка и махать флажками, и это на виду пехоты противника, ее снайперов и пулеметчиков.

В армии один в поле не воин. Сила ее подразделений, частей, соединений и объединений в том, что на противника наваливаются все сразу. Для этого надо, чтобы сведения об обстановке непрерывно поступали командиру, а его приказы — подчиненным. Все это обеспечивает связь. Нет связи — нет подразделений, частей, соединений и объединений. Есть отдельные солдаты, отдельные танки, отдельные орудия. Их много, но их будет бить поодиночке даже очень слабый, но объединенный связью враг. Как Тухачевский мог этого не понимать?! За его слепоту пришлось расплачиваться миллионами жизней.

А в мемуарах выживших читаем, что к 22 июня немцы забросили к нам в тыл невероятное количество диверсантов, главной задачей которых было резать провода и убивать посыльных. Все! Без телефонной связи никаких армий, корпусов, дивизий и полков у нас в западных округах не стало. Осталось несколько тысяч рот и батальонов, которые действовали без единого плана и приказов. А штабные радиостанции армий, корпусов и дивизий были смонтированы в автобусах — легко распознаваемой цели для немецкой авиации. Через несколько дней не стало и этих радиостанций.

Чтобы реально представить, что значит «иметь радиосвязь», давайте сравним насыщенность рациями наших и немецких войск.

Командующий Западным фронтом генерал армии Д.Г. Павлов объединял своим штабом 3-ю, 4-ю, 10-ю и 13-ю армии. Всего 50 дивизий всех родов

войск, или, в пересчете на подразделения, равнозначные батальону, примерно по 400 батальонов, дивизионов и эскадрилий на одну общевойсковую армию. Так вот, к середине дня 22 июня командующий 3-й армией донес, что из имеющихся у него трех радиостанций две уже разбиты, а третья повреждена. Павлов запросил три радиостанции из Москвы. Ему пообещали прислать самолетом, но не прислали. Фактически с этого дня все усилия даже честных работников штаба Западного фронта (сам Павлов предал) сводились не к планированию обороны, а к тому, чтобы узнать, где находятся войска и что делают. Никакой устойчивой связи с ними не было. Фронт развалился на отдельно действующие части.

А немецкий мотопехотный батальон, помимо ультракоротковолновой радиостанции на каждом бронетранспортере с радиусом приема-передачи 3 км, имел на таких же бронетранспортерах еще и радиостанции для связи с командованием. Этих бронетранспортеров с рациями, защищенных броней, как наши танки, и неотличимых от других типов машин, в штате немецкого мотопехотного батальона по расписанию на 1.02.1941 г. полагалось иметь 12 единиц! Вот и сравните — в нашей общевойсковой армии, объединяющей около 400 таких подразделений, как немецкий батальон, было всего 3 радиостанции на незащищенных автобусах, а у немцев — по 12 на БТРах в каждом батальоне, не считая ультракоротковолновой рации на каждой единице боевой техники.

У немцев даже командиры артиллерийских взводов имели свой БТР с рацией, а в нашей армии и в 1945 году командиры танковых бригад возили командиров дивизионов приданных им артиллерийских полков с уже появившимися рациями снаружи, на броне своих командирских танков.

Так какой нам был прок при такой связи от 10 тысяч танков в западных округах на начало войны? Что толку от 50 тысяч танков, которые Тухачевский хотел заказать у промышленности, но без радиостанций?

Почти бесполезными становились без связи и многочисленные самолеты западных округов. То есть когда наши летчики знали, куда лететь и с кем драться, то дрались они неплохо даже на слабой технике. Вот пример боев 22 июня из немецкого источника:

«Наибольших успехов достиг 12-й ИАП, командир — П. Коробков, базировавшийся на аэродроме в Боушеве, около Станислава. Во время утреннего налета Ju-88 из KG 51 полк потерял 36 И-153 из 66 имеющихся в наличии. Однако уцелевшие машины поднялись в воздух и достойно ответили немецким бомбардировщикам. В длительном бою советские пилоты, потеряв три И-153, сбили восемь Ju-88. В действительности летчикам удалось сбить семь Ju-88, из них пять из 9-й эскадрильи III./KG 51. Это был полный разгром. На этом злосключения III./KG 51 не завершились. В тот же день эта группа столкнулась с истребителями МиГ-3 из 149-го ИАП. Потеряв на аэродроме 21 машину, летчики подняли оставшиеся МиГи в воздух и

сбили восемь (по данным люфтваффе, шесть) Ju-88 из III./KG 51. Следует отметить, что результаты, объявленные советскими пилотами, практически полностью соответствуют немецким данным о потерях».

По этим же данным, советская авиация 22 июня в воздухе и на аэродромах потеряла 1000 самолетов, а за первые две недели войны — 3500. Ну и что? В западных округах было 33 авиадивизии с более чем 10 тыс. самолетов. Давайте посчитаем. Немцы напали на нас с 4 тыс. боевых самолетов, а у нас и через две недели осталось еще 6,5 тысячи — полное численное превосходство! Почему же наши войска все время были без авиационного прикрытия и поддержки? А потому что для прикрытия и поддержки сухопутных войск летчики должны были знать, кто именно в их помощи нуждается. А как об этом узнать без связи?

Теперь посмотрим, как обстояли дела у немцев.

Еще в 1939 г. на 4 тыс. самолетов всех немецких ВВС приходилось 16 полков и 59 батальонов связи, то есть примерно 15 связистов на один самолет. Командир 3-й танковой группы Г. Гот так описывает второй день войны с СССР:

«Два обстоятельства особенно затрудняли продвижение 57-го танкового корпуса: 2000 машин 8-го авиационного корпуса (в том числе тяжелые грузовики с телеграфными столбами) шли за походной колонной 19-й танковой дивизии, которая, совершив ночной марш и пройдя через Сувалки и Сейны, рано утром пересекла государственную границу и остановилась вдоль дороги на привал. Этим воспользовались подразделения авиационных час-

тей, их автомашины обогнали колонну 19-й дивизии и стали переправляться по мосту на противоположный берег Немана. Вскоре эти машины попали на плохой участок дороги, застряли и тем самым остановили продвижение боевых частей».

Заметьте, Геринг заставлял связистов люфтваффе наступать чуть ли не впереди танков. А как же иначе? Если не связать аэродромы со станциями наведения самолетов в пехотных и танковых частях, то как же летчики узнают, где бомбить и кого защищать от бомбежек советской авиации?

Вот как, к примеру, немецкий летчик описывает обычный боевой вылет:

«Мы летели над Черным морем на высоте примерно 1000 метров, когда наземный пост наблюдения передал: «Индейцы в гавани Сева, ханни 3-4» (Русские истребители в районе Севастопольской гавани, высота 3000—4000метров).

Мой ведущий продолжал набирать высоту, а я прикрывал его сзади и внимательно высматривал русские самолеты. Вскоре мы набрали высоту 4000 метров и с запада вышли к Севастополю. Вдруг мы заметили истребители противника, они были чуть ниже нас. В моем шлемофоне раздался голос ведущего: «Ату их!»

Мы снизились и атаковали противника. Это были «Яки», мы кружили вокруг них минут десять, но не смогли сбить ни одного истребителя. Вскоре противник отступил. Наземный пост наблюдения передал новый приказ: «Направляйтесь к Балаклаве, там большая группа Ил-2 и истребителей».

Вf 109 сбавил скорость, и его пилот показал мне, чтобы дальше пару вел я. Теперь я шел впереди, а «Мессершмитт» прикрывал мой хвост. Вскоре мы добрались до Балаклавы и увидели в воздухе разрывы снарядов нашей зенитной артиллерии. Начался новый бой с «Яками», на этот раз мне удалось сбить одного. Объятый пламенем истребитель противника врезался в землю».

Поскольку немцев все время наводили с земли на наши самолеты, их асы всегда начинали бой с выгодной позиции — со стороны солнца — и внезапно для наших.

Ф. Гальдер в своем дневнике так оценил связь Военно-воздушных сил РККА (выделено мною. — Ю.М.): *«Наземная организация, войска связи ВВС: войск связи ВВС в нашем смысле нет. Наземная организация русских ВВС не отделена от боевых частей, поэтому громоздка, работает с трудом и, будучи однажды нарушена, не может быть быстро восстановлена».*

У нас даже в 1942 г. командующий ВВС отмечал в приказе, что 75% вылетов советской авиации совершается без использования радиостанций. Они, кстати, в это время были только на командирских самолетах, у остальных — приемники. А командные пункты авиации появились лишь к концу войны, да и то, судя по всему, не выдерживали сравнения с немецкими.

Когда говорят о величии и гениальности Тухачевского как полководца, когда стонут о его отсутствии на фронтах Великой Отечественной войны, то в качестве примера его исключительного дара военного предви-

дения приводят только одно — он, дескать, ратовал за создание в Красной Армии танковых корпусов. Эти поклонники Тухачевского либо совершенно не способны уразуметь, что стоит за магическим словосочетанием «танковый корпус», либо не хотят понять, какие именно танковые корпуса реально создавал их «стратег».

Если посмотреть на те танки, что заказывал для своих танковых корпусов Тухачевский, то поражает их боевая бессмысленность: такое впечатление, что этот «полководец» никогда не представлял себя ни в танке, ни в бою и самое большое, на что способна его военная фантазия, — это учения и парады. Речь даже не о техническом несовершенстве танков — это дело наживное. (Не было опыта у конструкторов, не освоили смежники, что же тут поделывать?) Речь о полной бессмысленности самого существования этих танков — для какого боевого применения он их заказывал?

Если приглядеться к оружию немцев, то по его конструкции видно, что в будущей войне они представляли наземный бой так:

Обороняющегося противника обстреливает и подавляет тяжелая гаубичная артиллерия и бомбят пикирующие бомбардировщики, уничтожая оборонительные сооружения и огневые средства. Когда артиллерия противника подавлена, к его окопам направляются танки, которые расстреливают пулеметные точки, минометы, сопротивляющуюся пехоту. Если у противника уцелеют отдельные пушки, то немцы выдвинут против них свои хорошо брониро-

ванные штурмовые орудия и расстреляют уцелевших. А вслед за танками на позиции противника врывается пехота, по которой уже практически некому стрелять.

То есть бой виделся этапами: средства, способные поразить танки, уничтожает артиллерия и авиация; средства, поражающие пехоту, уничтожают танки; **немецкая пехота всего лишь добивает остатки противника и занимает рубежи.**

«Основой успешного наступления танков является подавление системы огня противника. Это должно быть обеспечено путем гибкого управления огнем самих танков и правильного распределения приданных подразделений других родов войск. Танки должны немедленно использовать результаты собственного огня, огня артиллерии и ударов авиации. Наступление нужно проводить на широком фронте и на большую глубину, — писал теоретик и практик танковых войск Х. Гудериан. — Во время боя офицер связи от авиации должен постоянно информировать авиационный штаб об изменениях боевой обстановки и наводить самолеты на цель. Задача атакующих танков состоит в том, чтобы немедленно использовать результаты атаки с воздуха, пока противник не возобновил сопротивления».

Немецкие танки для борьбы с танками противника до 1942 г. вообще не предназначались. В обороне вражеские танки должна была уничтожать своими противотанковыми средствами пехота и артиллерия, а в наступлении — артиллерия и авиация.

«Против танков (противника — Ю.М.), не препят-

ствовавших продвижению, предпринимались только особые меры по обеспечению безопасности, например, организация прикрытия противотанковыми средствами или подготовка артиллерийского огня. Сама танковая часть ни при каких обстоятельствах не должна была отклоняться от выполнения своей задачи», — продолжает Гудериан.

Именно поэтому в начале войны немецкие средние танки и штурмовые орудия имели маломощные пушки, предназначенные для стрельбы не бронебойными, а осколочно-фугасными снарядами. Немецкий генерал Ф. Меллентин, который был у фельдмаршала Роммеля начальником оперативного отдела штаба, в своей книге «Танковые войска Германии во Второй Мировой войне» описывает бои немецких танковых дивизий с английской армией в Египте, где англичане всегда превосходили итало-немцев как в численности войск, оружия, танков, так и в формальном качестве бронетехники — толщине брони, калибре орудий и т.д., — но были неоднократно разгромлены Роммелем.

Тактика боев была такой. Немцы атакуют англичан. Те выдвигают навстречу танки. Не вступая с ними в бой, немцы немедленно отводят свои танки, вызывают авиацию и подтягивают противотанковую артиллерию, которая расстреливает бронетехнику англичан. Немецкие танки снова наваливаются на пехоту. Но у английской пехоты тоже есть противотанковая артиллерия. Немцы опять отводят свои танки, вновь вызывают авиацию и артиллерию, но на этот раз гаубичную, которая уничтожает противотан-

ковые орудия противника, и на английские позиции, теперь уже безопасно, двигаются немецкие танки, подавляя последние очаги сопротивления, а сразу за танками врывается немецкая пехота и сгоняет пленных в колонны.

Сам Меллентин писал об этом так:

«Чем же тогда следует объяснить блестящие успехи Африканского корпуса? По моему мнению, наши победы определялись тремя факторами: качественным превосходством наших противотанковых орудий, систематическим применением принципа взаимодействия родов войск и — последним по счету, но не по важности — нашими тактическими методами. В то время как англичане ограничивали роль своих 3,7-дюймовых зенитных пушек (очень мощных орудий) борьбой с авиацией, мы применяли свои 88-мм пушки для стрельбы как по танкам, так и по самолетам. В ноябре 1941 года у нас было только тридцать пять 88-мм пушек, но, двигаясь вместе с нашими танками, эти орудия наносили огромные потери английским танкам. Кроме того, наши 50-мм противотанковые пушки с большой начальной скоростью снаряда значительно превосходили английские двухфунтовые пушки, и батареи этих орудий всегда сопровождали наши танки в бою. Наша полевая артиллерия также была обучена взаимодействию с танками. Короче говоря, немецкая танковая дивизия была в высшей степени гибким соединением всех родов войск, всегда — и в наступлении, и в обороне — опиравшимся на артиллерию. Англичане, напротив, считали противотанковые пушки оборонительным

средством и не сумели в должной мере использовать свою мощную полевую артиллерию, которую следовало бы обучать уничтожению наших противотанковых орудий.

Наша тактика танковых боев была развита в предвоенные годы генералом Гудерианом, принципы которого были восприняты и творчески применены в условиях пустыни Роммелем. Их ценность полностью подтвердилась во время крупнейшего сражения, начавшегося 18 ноября 1941 года. Хотя мы в общем уступали противнику в количестве танков, нашему командованию, как правило, удавалось сосредоточить большее количество танков и орудий в решающем месте».

И раз уж мы разговорились о теоретиках, то давайте дадим Меллентину высказаться и по этому вопросу:

«Эта теория Гудериана послужила основой для создания немецких танковых армий. Находятся люди, которые глумятся над военной теорией и с презрением отзываются о «кабинетных стратегах», однако история последних двадцати лет показала жизненную необходимость ясного мышления и дальновидного планирования. Само собой разумеется, что теоретик должен быть тесно связан с реальной действительностью (блестящим примером этого является Гудериан), но без предварительной теоретической разработки всякое практическое начинание в конечном счете потерпит неудачу. Английские специалисты, правда, понимали, что танкам предстоит сыграть большую роль в войнах будущего — это предвещали сражения под Камбре и Амьеном, — но они недостаточно подчеркивали необходимость взаимодействия всех родов войск

в рамках танковой дивизии. В результате Англия отстала от Германии в развитии танковой тактики примерно на десять лет. Фельдмаршал лорд Уилсон Ливийский, описывая свою работу по боевой подготовке бронетанковой дивизии в Египте в 1939—1940 годах, говорит: «В ходе боевой подготовки бронетанковой дивизии я неустанно подчеркивал необходимость тесного взаимодействия всех родов войск в бою. Нужно было выступить против пагубной теории, получившей за последнее время широкое хождение и поддерживавшейся некоторыми штатскими авторами, согласно которой танковые части способны добиться победы без помощи других родов войск... Несостоятельность как этого, так и других подобных взглядов наших «ученых мужей» предвоенного периода прежде всего показали немцы». Вопреки предупреждениям Лиддел Гарта о необходимости взаимодействия танков и артиллерии, английские теоретики танковой войны тяготели к «чисто танковой» концепции, которая, как указывает фельдмаршал Уилсон, нанесла немалый ущерб английской армии. И только в конце 1942 года англичане начали практиковать в своих бронетанковых дивизиях тесное взаимодействие между танками и артиллерией».

К таким «штатским авторам» следует отнести и Тухачевского с его надутым троцкистами военным авторитетом. Спросите себя — как он видел танковый бой? Похоже, никак!

Его детище — тяжелый танк Т-35 — весил 54 т, имел 5 башен, 3 пушки, 4 пулемета, 11 человек экипажа. Был украшением всех парадов. Но не мог взобраться на

горку с крутизной склона более 15 градусов, а на испытательном полигоне — вылезти из лужи. И главное, как этим монстром управлять в бою? Ведь его командир обязан был крутить головой во все стороны, указывая цель всем пяти башням и корректируя огонь трех орудий, при этом стрелять из своего пулемета и заряжать 76,2-мм пушку. (На этом фантазия Тухачевского не остановилась — был разработан проект танка Т-39 весом в 90 т с двумя 107-мм, двумя 45-мм орудиями и пятью пулеметами. Но товарищ Ворошилов начал жаловаться, и это безобразие в металл не воплотилось.)

Тухачевский предназначал Т-35 для прорыва обороны. То есть вражеских рубежей, оснащенных артиллерией. Но дело в том, что самая маленькая пушка, которая могла встретиться на этих рубежах танку Т-35, имела калибр 37 мм. А такая пушечка на расстоянии 500 м пробивала минимум 35 мм брони. У Т-35 лишь передний наклонный лист корпуса имел толщину 50 мм, вся остальная броня этой машины не превышала 30 мм. На какую оборону его можно было пускать с такой броней?

Был построен 61 такой танк, в западных округах немцев встретили 48 этих машин. Известна судьба всех: 7 нашли почетную смерть в бою, 3 были в ремонте, остальные сломались на марше и были брошены экипажами.

Немногим лучше был и другой танк, предназначенный для прорыва обороны, — трехбашенный Т-28 с 30-миллиметровой броней. Этих танков построили более 500 единиц, и судьба их точно такая же, как и у

всех танков Тухачевского, которые заслуживают прозвища «Смерть танкиста».

Но тяжелых и средних танков имени Тухачевского было хотя бы относительно немного. Иначе обстоит дело с легкими танками. В 1931 году в СССР был принят на вооружение и запущен в производство английский танк «Виккерс», забракованный британской армией. Лобовую броню он имел 13 мм, весил первоначально 8 т и с двигателем в 90 л.с. мог развить скорость до 30 км/час. Его модернизировали, в результате чего он стал весить более 10 т, а лобовая броня на башне выросла до 25 мм, на корпусе — до 16 мм. Изготовили этих танков (под названием Т-26) к 1939 г. около 11 тыс. единиц. Зачем Тухачевскому потребовалось такое количество малоподвижных и почти небронированных машин, что они должны были делать в его танковых корпусах — мне непонятно.

Еще менее понятно — зачем, уже имея легкий танк, закупать еще один у американского изобретателя-одиночки Д. Кристи, первым предложившего делать катки во всю высоту гусеницы танка. Это разумное предложение было внедрено во многих странах. Но мы купили его танк не за это, а потому, что, сняв гусеницы, он развивал на американских автострадах скорость до 122 км/час. Правда, несмотря на эти соблазнительные цифры, ни одна страна, кроме СССР и Польши, эту глупость не закупала и не производила. Почему?

Дело в том, что очень быстро едет только один танк, и по автострате. В реальной же жизни, по реальным до-

рогам колонна танков (а они движутся колоннами) больше 20—25 км/час не развивает даже сегодня. Так что колеса на танке изначально нужны, как зайцу стоп-сигнал.

Дикость этого проекта еще и в том, что наша танковая промышленность только становилась на ноги, специалисты только приобретали опыт, и давать им в производство такую бессмысленно сложную машину было просто преступно. Ведь в этом танке помимо собственно танковых механизмов были еще и автомобильные. Начать танкостроение с такого танка — значило обречь танковые войска на постоянные поломки техники, на снижение нормативов времени для обучения экипажей практическому вождению.

Несмотря на то, что это был конструкторский тупик, танков Кристи, названных у нас БТ (быстроходные танки), было изготовлено почти 8 тыс. единиц. Последняя модификация БТ-7М (700 машин) выпускалась в 1939—1940 г. Давайте сравним ее с немецким легким танком чешского производства Pz.38(t), который был сконструирован чехами в 1938 г. для своей армии, но производили они его для немцев до 1942 г.

Наш легкий танк БТ-7М почти на 50% тяжелее немецкого легкого танка и двигатель имеет в 4 раза мощнее, но броню... в 2,5 раза тоньше — максимум 22 мм! При этом Pz.38(t) на гусеницах развивал скорость не 62 км/час, как БТ-7М, но тоже вполне приемлемую для танка — 42 км/час. А ведь в 4 раза более мощный двигатель — это и во много раз большая стоимость всех механизмов, их вес, сложность,

расход ГСМ. И все во имя чего? Во имя цифры «86 км/час на колесах»? Во имя рекордной скорости, которая никому никогда в боевых условиях не требовалась?

А теперь представим, что эти легкие танки атакуют передний край противника.

На немецком переднем крае наш БТ-7М встретит легкая 37-мм пушечка, уже тогда считавшаяся мало-мощной. Но эта пушка, как я уже писал, с 500 м пробивала броню в 35 мм. Следовательно, немецким артиллеристам оставалось только увидеть наш танк... и с ним покончено. У немцев были также тяжелые противотанковые 20-мм ружья, которые на дальности в 300 м пробивали броню в 40 мм. А еще у них были легкие, калибра обычной винтовки, противотанковые ружья, которые на той же дальности пробивали броню 20 мм. Крыша у БТ-7М была толщиной в 6 мм, саблей ее, конечно, не возьмешь, но сверху его мог расстрелять из обыкновенного пулемета любой самолет.

А немецкий Pz.38(t) на нашем переднем крае мог встретить самое мощное советское противотанковое средство — 45-мм пушку, которая с 500 м пробивала 42 мм брони. Да, но у танка 38(t) лобовая броня к 1941 году выросла до 50 мм! Этому легкому танку не надо было даже ждать в подмогу средние танки или штурмовые орудия — он и сам мог справиться с «сорокапяткой». Недаром, по грустной статистике, на один подбитый немецкий танк приходилось 4 наших уничтоженных 45-мм пушки, и только 57-мм пушка довела это соотношение до 1:1.

Добавим, что по заказу Тухачевского промышленность произвела еще около 4 тыс. единиц плавающих танков, вооруженных только пулеметами и с броней всего в 6—8 мм.

И хотя немцы считали, что «танки с танками не воюют», тем не менее на 22 июня 1941 г. практически любой их танк, за исключением пулеметного Т-1, мог справиться с этой нашей армадой металлолома, задуманной Тухачевским. С воздуха простым пулеметом эту армаду могло расстрелять все, что летало.

«На Востоке же, наоборот, опасным противником русских танков стал немецкий самолет-истребитель. Серьезные успехи, достигнутые немецкой истребительной авиацией, общеизвестны». (Х. Гудериан)

В напавших 22 июня 1941 г. на СССР войсках Германии было 3582 танка и штурмовых орудия. Из них 1404 средних Т-III и Т-IV и 1698 легких всех типов. Числа эти занижены, но сейчас не об этом речь, а о том, как именно применялись танки в боях. Гудериан писал: *«Наши тяжелые танки использовались главным образом для поддержки пехоты или танков в крупных наступательных боях. Для выполнения всех других задач применялись только средние и легкие танки, причем последние привлекались прежде всего для выполнения разведывательных задач и для охранения».*

Зачем Тухачевскому для «охранения и разведывательных задач» потребовались десятки тысяч легких танков? Кто на это сегодня ответит?

Ни в одном из наших танков, даже в Т-34 и КВ, не было собственно командира. То есть должность такая

имелась, но на легких и средних танках командир должен был сам стрелять из пушки, а на тяжелых — заряжать орудие и стрелять из верхнего пулемета. Поэтому командиры танков просто не успевали исполнять главные свои обязанности — наблюдать за полем боя, указывать цели и направление движения, корректировать огонь.

Когда немцы начали знакомиться с нашими трофейными танками, их поражало это дикое непонимание основ танкового боя. Ведь сами они всю захваченную в Чехословакии бронетехнику первым делом вернули обратно на завод для доработки, потребовав смонтировать на каждом танке командирскую башенку и командирское место, чтобы освободить командира экипажа от всех обязанностей, кроме непосредственного руководства боем.

В начале войны немецкие танкисты неожиданно для себя встретились с нашими тяжелыми танками КВ. Командир 41-го танкового корпуса генерал Райнгарт так описал увиденное:

«Примерно сотня наших танков, из которых около трети были Т-4 (средний немецкий танк с пушкой 75 мм и лобовой броней в 60 мм. — Ю.М.), заняли исходные позиции для нанесения контрудара. Часть наших сил должна была наступать по фронту, но большинство танков должны были обойти противника и ударить с флангов. С трех сторон мы вели огонь по железным монстрам русских, но все было тщетно. Русские же, напротив, вели результативный огонь. После долгого боя нам пришлось отступить, чтобы избежать полного разгрома. Эшелони-

рованные по фронту и в глубину русские гиганты подходили все ближе и ближе. Один из них приблизился к нашему танку, безнадежно увязшему в болотистом пруду. Безо всякого колебания черный монстр проехался по танку и вдавил его гусеницами в грязь. В этот момент прибыла 150-мм гаубица. Пока командир артиллеристов предупреждал о приближении танков противника, орудие открыло огонь, но, опять-таки, безрезультатно.

Один из советских танков приблизился к гаубице на 100 метров. Артиллеристы открыли по нему огонь прямой наводкой и добились попадания — все равно, что молния ударила. Танк остановился. «Мы подбили его», — облегченно вздохнули артиллеристы. «Да, мы его подбили», — сказал командир гаубицы. Вдруг кто-то из расчета орудия истошно завопил: «Он опять поехал!» Действительно, танк ожил и начал приближаться к орудию. Еще минута, и блестящие металлом гусеницы танка словно игрушку впечатали гаубицу в землю. Расправившись с орудием, танк продолжил путь как ни в чем не бывало».

Казалось бы, все хорошо, и наши, пусть немногочисленные, КВ могли уже в начале войны выбить всю немецкую бронетехнику. Но... Читаем мемуары дальше. Вот так немецкий танкист вспоминает бой 24 июня 1941 г. у г. Дубиссы:

«КВ-1 и КВ-2, с которыми мы столкнулись впервые, представляли собой нечто необыкновенное. Мы открыли огонь с дистанции 800 метров, но безрезультатно. Мы сближались с противником, нас разделяли уже какие-то 50—100 метров. Начавшаяся огневая дуэль

складывалась явно не в нашу пользу. Наши бронебойные снаряды рикошетировали от брони советских танков, которые прошли сквозь наши порядки и направились к пехоте и тыловым службам. Тогда мы развернулись и открыли огонь вслед советским танкам бронебойными снарядами особого назначения (PzGr 40) с необычайно короткой дистанции — всего 30—60 метров. Только теперь нам удалось подбить несколько машин противника».

Смотрите, наши танки прошли мимо немецких, совсем рядом, — и не заметили их, не расстреляли. Почему? Ведь в КВ было 5 человек экипажа! Было-то было, да что толку?

Механик-водитель смотрел в единственный триплекс, видя перед собой всего несколько метров дороги. Еще меньше видел пулеметчик в прицел шаровой установки размером с замочную скважину. Наводчик смотрел в прицел пушки, у которого угол обзора всего 7 градусов, радист вообще смотровых приборов не имел, а командир обязан был вытаскивать снаряды из укладки на полу танка и прятать в нее стреляные гильзы. Кому же было за полем боя следить? У командира КВ даже люка не было, чтобы выглянуть и осмотреться.

В необходимости освободить танкового командира от всех прочих обязанностей может усомниться лишь человек, никогда не служивший в армии. Помню, когда мы только начали заниматься на военной кафедре, мы сперва тоже недоумевали. Мол, механик-водитель ведет танк — это понятно. Наводчик стреляет — понятно. Заряжающий заряжа-

ет — понятно. А командир просто сидит и ничего не делает! Почему бы ему самому из пушки не стрелять?

Рассмотрим только один элемент работы командира танка — корректировку огня. Пушку в цель наводят с помощью оптического прицела. Если заглянуть в него, то в центре увидишь прицельную марку (угол вершиной вверх), иногда говорят — «перекрестье прицела». И сетку делений в тысячных, т.е. 1/1000 круга. Виден в прицел очень небольшой кусочек местности. Возьмите лист бумаги, сверните в трубку и посмотрите в нее. Столько видно и в прицел. Наведите трубку на какой-нибудь предмет и подпрыгните, постаравшись удержать этот предмет в поле зрения. Уверен, у вас не получится — предмет пропадет из видимости и вам потребуется время, чтобы вновь навести на него трубку. То же происходит и при выстреле пушки, когда танк вздрагивает.

Первый выстрел делают, подведя прицельную марку в центр цели. Но обычно прицел несколько сбивается — на точность стрельбы влияет и температура воздуха, и ветер, и масса других факторов. В результате первый снаряд ляжет где-то рядом с целью. Очень важно заметить где! Потому что следующий выстрел нужно делать с учетом промаха, с учетом отклонения снаряда от цели — с корректировкой.

Но, повторяю, танк при выстреле вздрагивает, цель выскальзывает из поля зрения, и если снаряд броневой (со слабым взрывом или вообще без взрыва), а

расстояние до цели относительно небольшое (снаряд летит секунду или менее), то наводчик не способен увидеть, куда попал снаряд, не способен сам скорректировать огонь.

Это делает командир танка, давая поправку — скажем: «Фигура вправо, выше полфигуры». И следующий снаряд ляжет точно в цель.

Вот очень показательный случай, рассказанный ветераном — механиком-водителем БТ-7. В начале войны их танк вел бой даже не с танком, а с немецкой танкеткой — слабобронированной машиной, вооруженной обычным пулеметом. Немецкий пулеметчик ничего «бэтэшке» сделать не мог, его пули отскакивали от лобовой и бортовой брони. Но и командир-наводчик нашего танка ничего не мог сделать танкетке — он стрелял из пушки, но не видел, куда попадают снаряды, не мог сам себе скорректировать огонь и раз за разом промахивался. Тогда он навел пушку на танкетку, открыл люк, под его защитой высунулся из башни и выстрелил, чтобы наконец понять, куда попадают его снаряды. В это время немецкий пулеметчик дал очередь, пули пробили 6-мм броню крышки люка, командир был убит, и механик вывел танк из боя — стрелять стало некому. «Бэтэшку» победила боевая машина немцев, которая и доброго слова-то не стоит.

Конечно, во всем этом повинен не только Тухачевский, не он один тогда не понимал элементарных основ танкового боя, но именно при нем в конструкцию советских танков был заложен этот маразм, сводив-

ший на нет их преимущество перед немецкой бронетехникой и в начале войны стоивший нашим танкистам тысяч и тысяч жизней.

Считается, что Тухачевский был такой великий стратег, что даже немцы у него учились своему блицкригу.

Между тем, как ни сильны танки, они являются только средством усиления пехоты, поскольку лишь та территория считается и является завоеванной, на которую ступила нога пехотинца. Можно утопить весь вражеский флот, можно забросать вражескую страну авиабомбами, можно изъездить ее на танке, но пока на данной территории не закрепился пехотинец — она все еще принадлежит врагу. Это аксиома войн, и именно ее «стратег» Тухачевский не понимал.

А вот Гудериан понимал это прекрасно и еще в 1936 г. сформулировал главную мысль блицкрига:

«Задача пехоты состоит в том, чтобы немедленно использовать эффект танковой атаки для быстрого продвижения вперед и развития успеха до тех пор, пока местность не будет полностью захвачена и очищена от противника».

Иными словами, в танковых войсках ударная сила — танки, но основная сила — пехота.

В своих «Воспоминаниях солдата» Гудериан пояснял (выделено мною. — Ю.М.):

«В 1929 году я пришел к убеждению, что танки, действуя самостоятельно или совместно с пехотой, никогда не сумеют добиться решающей роли. Изучение военной истории, маневры, проводившиеся в Англии, и наш собственный опыт с макетами укрепили мое мнение в

том, что танки только тогда сумеют проявить свою полную мощь, когда другие рода войск, на чью поддержку им неизбежно приходится опираться, будут иметь одинаковую с ними скорость и проходимость. В соединении, состоящем из всех родов войск, танки должны играть главенствующую роль, а остальные рода войск действовать в их интересах. Поэтому необходимо не вводить танки в состав пехотных дивизий, а создавать танковые дивизии, которые включали бы все рода войск, обеспечивающие эффективность действий танков».

Поэтому уже к началу Второй мировой войны в танковых дивизиях вермахта, при общей их численности примерно в 12 тыс. человек, соотношение танковых и пехотных частей было 1:1 — одна танковая бригада (324 танка и 36 броневедомостей) и одна стрелковая. А в тех корпусах, что создавал Тухачевский в 1932 г., на две механизированные бригады (500 танков и 200 броневедомостей) приходилась всего одна стрелковая. И у корпуса Тухачевского не было артиллерии, а в немецкой дивизии имелся еще и артиллерийский полк (140 орудий и минометов).

Однако к 1941 г. немцев уже не устраивало и это. В их танковой дивизии число танков сократилось до одного полка (при возросшей мощи самих танков их стало 147 — 209), а численность пехоты увеличилась до двух полков и общая численность дивизии выросла до 16 тыс. человек при 192 орудиях и минометах.

Мысль Гудериана, что пехота должна «немедленно» использовать эффект танковой атаки, была не пустым

звучом. Уже по штатам 1939 г. пехота, артиллерия, разведчики, саперы, связисты и все тыловые службы немецкой танковой дивизии передвигались вслед за танками на 421 бронетранспортере, 561 вездеходе и легковом автомобиле, 1289 мотоциклах и 1402 грузовых и специальных автомобилях. Если считать и бронетехнику, то на двух человек в танковой дивизии приходился один водитель.

Причем это были не «автомашины, прибывшие из народного хозяйства», как в Красной Армии — это, в подавляющем большинстве, была техника, специально построенная для армии: бронетранспортеры, вездеходы, тягачи. Включая грузовики-длинномеры для перевозки легких танков.

Даже в конце войны наши танковые бригады, ворвавшись в тылы немцев, продвигались только до первого рубежа обороны, где, потеряв несколько машин, останавливались и ждали, когда им, в лучшем случае на грузовиках, подвезут их «мотострелков» и артиллерию. И всю войну для наших танковых войск самым дорогим трофеем был немецкий бронетранспортер. Дважды Герой Советского Союза В.С. Архипов, во время войны командовавший танковой бригадой, вспоминает о боях за Киев 1943 года:

«Бой был коротким, и спустя полчаса мы уже подсчитывали трофеи. Взяли около 200 пленных и три десятка исправных бронетранспортеров. Это были машины с сильным вооружением — 40-мм пушкой, двумя лобовыми пулеметами (один из них крупного калибра) и зенитным, тоже крупнокалиберным, пулеметом. Немецкие бронет-

ранспортеры с окрашенными, разумеется, крестами служили нам до конца войны».

Танки, кроме пехоты, должна сопровождать и артиллерия (лучше всего — самоходная). Немцы такую артиллерию начали выпускать и насыщать ею войска еще до войны.

Если танков Т-IV, Т-V («Пантера») и Т-VI («Тигр») Германия произвела всего около 17 тыс. машин, то самоходно-артиллерийских установок — более 23 тыс. Мы такие установки начали выпускать лишь в 1943 г., а бронетранспортеры — только после войны.

Какова была маневренность танковых корпусов «имени Тухачевского», давайте рассмотрим на примере 9-го механизированного корпуса (по штату 1031 танк, 35 тыс. человек), которым на 22 июня 1941 г. командовал К.К. Рокоссовский. Согласно плану, с началом войны корпус должен был из района Новоград-Волынска передислоцироваться в район Луцка на расстояние около 200 км. Вот как это было:

«День 22 июня выдался очень солнечным, жарким, и основная масса войск корпуса, по сути дела пехота, должна была, кроме личного снаряжения, нести на себе ручные и станковые пулеметы, 50- и 82-миллиметровые минометы и боеприпасы к ним. Тем не менее, в этот день пехотные полки танковых дивизий прошли 50 километров, но в конце этого марша солдаты валились с ног от усталости, и командир корпуса приказал в следующие дни ограничиться 30—35-километровыми переходами.

...Следует сказать, что 24—25 июня бой вели передовые части дивизий, так как основные силы все еще были на подходе».

Итак, за 4 дня «танковые» дивизии корпуса без боев, летом, по дорогам все еще не прошли и 200 км. А в 1929 г., во время конфликта на КВЖД, кавалерийская бригада К.К.Рокоссовского по таежному зимнему бездорожью, выступив 11 ноября, к утру 16 ноября прошла 400 км.

На этом примере читатель сам может оценить боеспособность хваленых танковых корпусов «имени Тухачевского», их неповоротливость, а значит, и неэффективность даже по сравнению с кавалерией.

Еще в 1940 г., по итогам разгрома немцами англо-французов, Ф. Меллентин записал:

«Пожалуй, следует подчеркнуть, что хотя мы и придавали главное значение танковым войскам, однако в то же время мы отдавали себе отчет в том, что танки не могут действовать без непосредственной поддержки моторизированной пехоты и артиллерии. Танковые дивизии должны быть гармоничным соединением всех родов войск, как это было у нас, — таков был урок этой войны, который англичане не сумели усвоить вплоть до 1942 года».

Как видим, этот урок не усвоило и советское командование.

Положение с вооружением Красной Армии в предвоенное десятилетие наводит на мысль о сознательном вредительстве. Судите сами.

«Управление танковыми войсками невозможно без ра-

дио», — писал Гудериан еще в начале 30-х, это и тогда было очевидно. Но не для «великого стратега» Тухачевского.

Уже к концу 20-х годов противотанковое оружие без труда пробивало 20—30 мм брони. По этой причине все страны отказывались от легких танков и наращивали броню. Зачем нужны были СССР 23 тысячи легких танков, пригодных только для разведки?

Зачем нужны были скоростные танки, если к ним не строились скоростные машины обеспечения?

Уже в 1934 г. в СССР были созданы образцы самоходно-артиллерийских установок с 76-мм пушкой, 122-мм гаубицей и 152-мм мортирой. На базе танка Т-26 был сконструирован и бронетранспортер ТР-4. Но все это было отвергнуто — только легкие танки и многобашенные мастодонты!

Тухачевский требовал от конструкторов создать оружие, которое было бы одновременно и противотанковым, и зенитным, и гаубичным. Он всерьез намеревался заменить всю артиллерию безоткатными пушками. Но не было выпущено ни одной машины для ремонта бронетехники. А немцы, испытывая жесточайший дефицит в танках, тем не менее, переделывали в ремонтно-эвакуационные машины и «Пантеры», и «Тигры». И 75% своих подбитых танков вводили в строй в течение суток и часто — прямо на поле боя. У них даже если такое маленькое подразделение, как танковая рота, командировалось из дивизии, то за ним обязательно ехали машины ремонтного полувзвода.

А смотрите, что было у нас. В начале войны танк

КВ был почти неуязвим. Но в 41-й танковой дивизии из 31 танка КВ на 6 июля 1941 года осталось всего 9: 5 подбили немцы, еще 5 отправлены в тыл на ремонт, а 12 были брошены экипажами из-за неисправностей, которые некому было устранить. В 10-й танковой дивизии в августовских боях были потеряны 56 из имевшихся 63 танков КВ. Из них 11 подбиты в бою, 11 пропали без вести, а 34 — брошены экипажами из-за технических неисправностей. Не немцы нас били, мы сами гробили себя «гением» своих танковых стратегов.

Тухачевский истощал страну в колоссальном усилии военного строительства (он ведь требовал 50 тыс. танков для своих «танковых корпусов»), но все его «начинания» закончились для народа великой катастрофой 1941 года и страшными потерями. Немцы строили не танки, а танковые корпуса, а мы — дорогостоящие трофеи для них.

Смотрите. Если бы к 1939 году построили не 15 тысяч легких Т-26 и плавающих танков, а хотя бы вдвое меньше, то на сэкономленных площадях, за счет экономии металла и двигателей, можно было выпустить более 8 тыс. самоходно-артиллерийских орудий, тягачей, вездеходов, ремонтных машин. При этом даже с оставшимися семью тысячами танков мы бы превосходили всех своих соседей, вместе взятых.

Самым дешевым танком у немцев был Pz.38(t), его ведь чехи строили — рабы, холуи. Он стоил 50 000 марок. А бронетранспортер Sd Kfz 251, который кроме двух членов экипажа брал еще 10 человек десанта или

установку 320-мм реактивных снарядов, или миномет и 66 мин, или на нем устанавливали 75-мм пушку, или много чего еще, — этот бронетранспортер стоил всего 22 500 марок, то есть был дешевле более чем вдвое. Поэтому если бы мы вместо танков БТ (очень дорогих) строили бронетранспортеры, то на высвобожденных мощностях смогли бы их произвести минимум 20 тыс. единиц.

Вот в этом случае мы действительно имели бы 50 танковых (или механизированных) дивизий, способных оказать немцам достойное сопротивление. И если бы Тухачевский создавал такие соединения, тогда — да, тогда он в танковых войсках что-то понимал бы.

Но вместо этого он плодил гигантские, громоздкие, перенасыщенные бронетехникой, недоукомплектованные пехотой и артиллерией, неповоротливые и почти неуправляемые «танковые корпуса», обреченные на разгром при первом же столкновении с серьезным противником.

Как тут не вспомнить беседу Сталина с авиаконструктором А.Н. Яковлевым и горькие слова вождя в адрес «старых специалистов», которые «завели страну в болото». Предложив Яковлеву быть откровенным и говорить прямо, Сталин с тоской произнес: «Мы не знаем, кому верить...»

Все это относится и к нашим убогим генералам, советским и нынешним, так и не оценившим открытия, сделанного Н.И. Махно и С.М. Буденным еще в годы

Гражданской войны, — зато его оценили немцы, заимствовав идею своего блицкрига.

Наша убогая военная мысль в области тактики шла от знаменитого суворовского: «Пуля — дура, штык — молодец»! Но А.В. Суворов придумал эту присказку для солдат, чтобы они не боялись сблизиться с противником на штыковой удар. И только! На самом деле Суворов никогда не был противником огневого боя. Наоборот — он неустанно требовал от солдат учиться точно и быстро стрелять. Учиться даже самостоятельно, для чего в мирное время не жалеть личных денег на покупку достаточно дешевых пороха и свинца. Более того, на каждый бой он выделял на солдата по 100 патронов, которые просто невозможно было полностью использовать при тогдашнем темпе прицельной стрельбы.

Но для русской и советской теоретической военной мысли эта присказка про штык имела и имеет статус закона, как бы ни совершенствовалось оружие.

Немцы видели бой по-другому, предпочитая уничтожать противника преимущественно огневыми средствами, а пехотой атаковать уже подавленную оборону, занимать местность и собирать пленных. В их Полевом уставе так и разъяснялось: «Наступление есть **продвижение огня вперед**». Огня, а не штыка! Для дополнительной безопасности пехоты перед атакой вражескую позицию утюжили танки, своим огнем не давая поднять голову пулеметчикам и стрелкам противника.

У Махно и Буденного не было танков, но они быстро стягивали к месту намеченного прорыва огромное

количество пулеметов на тачанках, которые и подавляли огневые точки неприятеля в момент атаки. Вот это — быстрое сосредоточение огня в нужном месте и атака пехоты в условиях, когда противник не может вести по ней ответный огонь, — и было позаимствовано немцами для своего блицкрига.

Конечно, это только идея, а в реальных боях и немцы вынуждены были атаковать неподавленного противника, и советским генералам удавалось удачно подавить вражескую оборону. Но принципиально разные подходы к ведению боевых действий обусловили и разную подготовку войск, и заказ разного оружия. То, что для немецкой тактики было достоинством, для советской — недостатком.

Возьмем, к примеру, нашу и немецкую винтовки той войны: Мосина и Маузера. Их тактико-технические характеристики — калибр, вес, дальность стрельбы и т. д. — почти одинаковы. Но разлет пуль от точки прицеливания — кучность стрельбы — у этих винтовок разный. В снайперском исполнении (с тщательно обработанным каналом ствола) валовыми патронами винтовка Мосина на расстоянии 500 м может уложить 10 пуль в круг диаметром 50 см, а «маузер» на том же расстоянии — 60 пуль в эллипс 44 x 28 см. То есть, если один и тот же снайпер на расстоянии в 500 метров прицелится точно в центр груди противника, то из немецкой винтовки он попадет безусловно, а из нашей может и промазать, так как, независимо от его мастерства, пули нашей винтовки отклонятся от точки прицеливания на 25 см, а пули немецкой — всего на 14 см. При прицельной

стрельбе на большие дальности немецкая винтовка существенно превосходит нашу. Как видите, внедрена немецкая тактическая идея — противника надо уничтожать издалека, и из винтовки Маузера это сделать легче.

Снайперы объясняют ухудшение кучности стрельбы из винтовки Мосина тем, что у нее тугой спуск (стрелку трудно определить момент выстрела) и прямая шейка приклада (у немцев «пистолетный» приклад). Кроме того, у «трехлинейки» излишне утяжелен ствол (более толстый).

В 1930 г. винтовка Мосина модернизировалась, но все указанные недостатки, легко устранимые и даже удешевляющие производство, начальником вооружения РККА, будущей «жертвой сталинизма» Уборевичем были сохранены. Почему? Потому что по советской тактической доктрине винтовка Мосина предназначалась не только для стрельбы, но и для штыкового боя. При ударе о каску противника прямой приклад не расколется, как «пистолетный», тугой спуск застрахует винтовку от случайного выстрела, а толстый ствол не погнется при ударе штыком.

Немецкая винтовка превосходила нашу при стрельбе, а наша превосходила немецкую как пика и боевая дубина (немцы свою пехоту штыковому бою не учили, он в их тактике не был предусмотрен).

И эта тактическая идея висит над нашей армией по сей день. Давайте задумаемся в репортаж из Чечни, помещенный в журнале «Солдат удачи»: *«Капитан сообщил мне, что на чеченских операциях с обеих сторон чрез-*

вычайно возросла роль ручных пулеметов и снайперских винтовок. Причем популярностью пользуются ротные пулеметы ПКМ, а РПК-47 и РПК серьезным оружием не считаются».

Но ведь ротный ПКМ — это не ручной, а станковый пулемет под винтовочный патрон с ленточным питанием. У немцев в ту войну был единый пулемет МГ-34, позже модернизированный в МГ-42, но когда его использовали в качестве ротного, то ставили на станок, устанавливали оптический прицел, и тогда МГ мог вести огонь на большие дальности, даже с закрытых позиций. И ПКМ именно такой пулемет — он предназначен для уничтожения противника издалека, хотя, в отличие от немецкого МГ, и не имеет на станке маховичков точной наводки и автомата рассеивания пуль по дальности.

Но читаем дальше: *«Причем станками 7ТЗ Степанова они (пулеметчики ПКМ. — Ю.М.) не пользуются, не применяют и оптику, чтобы как можно больше облегчить оружие для свободы маневра... пулеметчики, будучи перегруженными, избегают надевать бронезилеты»* (немудрено, ведь ПКМ и без патронов весит 15 кг).

Но зачем все это?! Зачем уродовать пулемет, очень точно стреляющий со станка на большие расстояния, зачем брать его в руки, зная, что при такой стрельбе попасть в цель можно, лишь если очень повезет, случайно? Потому что *«в процессе боя нередко пулеметчик, меняя позицию, на ходу ведет огонь с бедра (по примеру Рембо). Смысл такой стрельбы только в том, что она заставляет противника уткнуться в землю...»*

То есть русский пулеметчик по-прежнему не унич-

тожает противника издалека, а атакует его (не подавленного ни артиллерией, ни собственным огнем) в стрелковой цепи.

Это и есть наглядное выражение тактической мысли, внедренной нашими генералами и военными теоретиками в головы солдат и офицеров, — атаковать противника, когда он по тебе стреляет!

...Но вернемся к теме данной статьи. Являлись ли слабость оружия и техники причиной поражений Красной Армии в начале войны? Безусловно являлись, но безусловно и то, что это были не определяющие причины, поскольку бить немцев с конца 1942 года Красная Армия начала практически тем же оружием, с которым в 41-м терпела поражение за поражением, да и немецкое оружие и техника совершенствовались непрерывно и до самой Победы не уступали советскому.

Но если ни качество вооружения, ни численный перевес врага не являются главными причинами катастрофы 1941 года — в чем же тогда было дело? Почему мы понесли столь чудовищные потери, почему едва не проиграли войну? Пора обсудить еще одну «причину» наших поражений, глупую до крайности, но засиженную клеветниками России, как мухами, — брехню о том, что Сталин, якобы, не дал привести войска в боевую готовность.

НЕ ОЖИДАЛИ?

С этой клеветой дружно выступают многие генералы, а во главе их стоит маршал Жуков. В 1956 г. предполагалось провести Пленум ЦК, на котором должен был

обсуждаться вопрос о культе личности Сталина. Жуков написал к этому пленуму доклад — косноязычный, весь пропитанный лестью Н.С. Хрущеву и полный неприкрытой ненависти к Сталину. Пленум не состоялся, с докладом ознакомились только члены Президиума ЦК, после чего отправили в архив. В этом докладе Жуков писал:

«Вследствие игнорирования со стороны Сталина явной угрозы нападения фашистской Германии на Советский Союз, наши Вооруженные Силы не были своевременно приведены в боевую готовность, к моменту удара противника не были развернуты и им не ставилась задача быть готовыми отразить готовящийся удар противника, чтобы, как говорил Сталин, «не спровоцировать немцев на войну».

Поскольку невозможно развернуть войска, не имея задачи, то Жуков совершенно определенно утверждает, что Сталин не ставил войскам задачу отразить удар немцев по СССР, что и является, по компетентному мнению маршала, «отсутствием боевой готовности».

Маршалу Жукову в своих мемуарах поддакивает маршал Василевский:

«Так вот, считаю, что хотя мы и были еще не совсем готовы к войне, о чем я уже писал, но, если реально пришло время встретить ее, нужно было смело перешагнуть порог. И.В. Сталин не решался на это, исходя, конечно, из лучших побуждений. Но в результате несвоевременного приведения в боевую готовность Вооруженные Силы СССР вступили в схватку с агрессором в значительно менее выгодных условиях и были вы-

нуждены с боями отходить в глубь страны. Не будет ошибочным сказать, что если бы к тем огромным усилиям партии и народа, направленным на всемерное укрепление военного потенциала страны, добавить своевременное от мобилизацию и развертывание Вооруженных Сил, перевод их полностью в боевое положение в приграничных округах, военные действия развернулись бы во многом по-другому».

Генерал-полковник М. Гареев в своей статье даже усиливает эти слова: *«В 1970-е гг. группа историков обратилась к маршалу Василевскому с вопросом, была ли в действительности внезапность нападения в 1941 г., или, как говорили некоторые из них, «Сталин придумал миф о внезапности для оправдания своих просчетов». Не имея возможности ответить всем, кто ему прислал письма, Александр Михайлович прислал в Военно-научное управление Генштаба записку с оценками событий накануне и в начале войны. В частности, по вопросу внезапности он писал: «Главное в том, что мы не смогли определить точно дату нападения врага, привести в полную боевую готовность войска приграничных военных округов. Получилось так, что хотя мы и знали, что гитлеровцы готовятся напасть на нашу Родину, но поскольку просчитались с определением его сроков, война для нас стала неожиданной...»*

В своих мемуарах Жуков не только возложил на Сталина ответственность за неготовность Красной Армии к отражению гитлеровской агрессии, но и утверждал, что накануне войны якобы отчаянно пытался убедить вождя привести войска в эту самую боевую готовность.

«Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркому и И.В. Сталину то, что передал М.А. Пуркаев. И.В. Сталин сказал:

— Приезжайте с наркомом в Кремль.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились — во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И.В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, — ответил С.К. Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И.В. Сталина вошли члены Политбюро.

— Что будем делать? — спросил И.В. Сталин.

Ответа не последовало.

— Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, — сказал нарком.

— Читайте! — сказал И.В. Сталин.

Я прочитал проект директивы. И.В. Сталин заметил:

— *Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.*

Не теряя времени, мы с Н.Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И.В. Сталин, прослушав проект директивы и сам еще раз его прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи».

Итак, директива № 1 — это директива не поддаваться на провокацию, а директиву привести войска в боевую готовность Сталин якобы так и «не дал» даже в ночь на 22 июня. Так когда же этот приказ был наконец отдан? Заглянем в мемуары Василевского:

«В 4 часа с минутами нам стало известно от оперативных органов окружных штабов о бомбардировке немецкой авиацией наших аэродромов и городов. Одновременно или несколько ранее эти данные стали известны руководству Наркомата обороны и почти тут же Советскому правительству. Отборные фашистские орды, обладавшие двухлетним опытом ведения современной войны, обрушились на наши пограничные войска и войска прикрытия.

Так началась Великая Отечественная война. На

всем протяжении границы от Баренцева до Черного моря завязалась ожесточенная и кровопролитная борьба.

29 июня ЦК ВКП(б) и Советское правительство принимают директиву, пронизанную ленинскими мыслями о защите социалистического Отечества. Ее основополагающая идея: «Все для фронта, все для победы!» В директиве говорилось: «Теперь все зависит от нашего умения быстро организовать и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом». ЦК партии призывал: «В беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу».

Я вот вчитываюсь в эти строки и пытаюсь понять: хорошо, директиву, «пронизанную ленинскими мыслями», Сталин подписал 29 июня, но когда — какого числа и во сколько — он отдал, наконец, столь желанную Жуковым директиву о приведении войск в боевую готовность?

Сам Жуков рассказывает об этом так:

«В 4 часа 30 минут утра все вызванные члены Политбюро были в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет.

И.В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку. Он сказал:

— Надо срочно позвонить в германское посольство.

В посольстве ответили, что посол граф фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения.

Принять посла было поручено В.М. Молотову.

Тем временем первый заместитель начальника

Генерального штаба генерал Н.Ф. Ватутин передал, что сухопутные войска немцев после сильного артиллерийского огня на ряде участков северо-западного и западного направлений перешли в наступление.

Через некоторое время в кабинет быстро вошел В.М. Молотов:

— Германское правительство объявило нам войну.

И.В. Сталин опустил на стул и глубоко задумался.

Наступила длительная, тягостная пауза.

Я рискнул нарушить затянувшееся молчание и предложил немедленно обрушиться всеми имеющимися в приграничных округах силами на прорвавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение.

— Не задержать, а уничтожить, — уточнил С.К. Тимошенко.

— Давайте директиву, — сказал И.В. Сталин.

В 7 часов 15 минут 22 июня директива наркома обороны № 2 была передана в округа. Но по соотношению сил и сложившейся обстановке она оказалась явно нереальной, а потому и не была проведена в жизнь.

Чуть позже нам стало известно, что перед рассветом 22 июня во всех западных приграничных округах была нарушена проводная связь с войсками и штабы округов и армий не имели возможности быстро передавать свои распоряжения. Зброшенная немцами на нашу территорию агентура и диверсионные группы разрушали проволочную связь, убивали делегатов связи и нападали на командиров. Радиосредствами, как я уже

говорил, значительная часть войск приграничных округов не была обеспечена».

Все это напоминает анекдот 1996 года, в котором диктор торжественно и грустно сообщает: «Президент России Борис Николаевич Ельцин после тяжелой и продолжительной болезни, не приходя в сознание, приступил к исполнению своих обязанностей». А здесь: «После тяжелой и продолжительной войны, так и не приводя войска в боевую готовность, Красная Армия одержала победу». Более того, если верить Жукову, эта самая боевая готовность ему, как начальнику Генерального штаба РККА, была и даром не нужна: еще 10 часов назад, вечером 21 июня, он с Тимошенко якобы упрасивал Сталина привести войска в боевую готовность, а теперь, в семь утра 22 июня, и без боевой готовности Жуков готов остановить немцев, а Тимошенко (опять же, если верить Жукову) их уничтожить. Да, видите ли, не удалось, поскольку диверсанты все провода порвали...

Давайте сделаем то, что наши «интеллектуалы», талдыча о боевой готовности, ленятся или неспособны узнать — давайте разберемся с тем, что такое эта самая пресловутая боевая готовность. Советская военная энциклопедия освещает этот вопрос так:

«БОЕВАЯ ГОТОВНОСТЬ — *состояние, определяющее степень подготовленности войск к выполнению возложенных на них боевых задач. Боевая готовность предполагает определенную укомплектованность соединений, частей, кораблей и подразделений личным составом, вооружением и боевой техникой; наличие*

необходимых запасов материальных средств; содержание в исправном и готовом к применению состоянии оружия и боевой техники; высокую боевую и политическую подготовку войск (сил), прежде всего полевую, морскую и воздушную выучку личного состава; боевую слаженность соединений, частей, подразделений; необходимую подготовку командных кадров и штабов; твердую дисциплину и организованность личного состава войск и флота, а также бдительное несение боевого дежурства.

Степень боевой готовности войск в мирное время должна обеспечивать их своевременное развертывание и вступление в войну, успешное отражение внезапного нападения противника и нанесение по нему мощных ударов. С нарастанием угрозы войны степень боевой готовности повышается путем увеличения количества войск (сил), способных немедленно начать военные действия, а также сокращения времени, необходимого для подготовки остальных войск (сил) к выполнению боевых задач. С началом боевых действий боевая готовность определяется способностью к немедленному выполнению поставленных боевых задач».

Ну, вот, — скажут мне оппоненты, — Сталин и не захотел укомплектовать, вооружить, пополнить запасы и т.д. и тем самым не привел войска в боевую готовность.

Неужели? Тогда о чем это пишет Жуков:

«У нас же происходило следующее. В течение всего марта и апреля 1941 года в Генеральном штабе шла усиленная работа по уточнению плана прикры-

тия западных границ и мобилизационного плана на случай войны. Уточняя план прикрытия, мы докладывали И. В. Сталину о том, что, по расчетам, наличных войск Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского округов будет недостаточно для отражения удара немецких войск. Необходимо срочно отмотилизовать несколько армий за счет войск внутренних округов и на всякий случай в начале мая передвинуть их на территорию Прибалтики, Белоруссии и Украины.

Было решено под видом подвижных лагерных сборов перебросить на Украину и в Белоруссию по две общевойсковые армии сокращенного состава. Мы были предупреждены о необходимости чрезвычайной осторожности и мерах оперативной скрытности.

Тогда же И. В. Сталин дал указание всемерно усилить работы по строительству основной и полевой аэродромной сети. Но рабочую силу было разрешено взять только по окончании весенне-полевых работ.

Однажды в конце нашего очередного разговора И. В. Сталин спросил, как идет призыв приписного состава из запаса.

Нарком обороны ответил, что призыв запаса проходит нормально, приписной состав в конце апреля будет в приграничных округах. В начале мая начнется его переподготовка в частях.

13 мая Генеральный штаб дал директиву округам выдвигать войска на запад из внутренних округов. С Урала шла в район Великих Лук 22-я армия; из Приволжского военного округа в район Гомеля — 21-я армия; из Северо-

Кавказского округа в район Белой Церкви — 19-я армия; из Харьковского округа на рубеж Западной Двины — 25-й стрелковый корпус; из Забайкалья на Украину в район Шепетовки — 16-я армия.

Всего в мае перебрасывалось из внутренних военных округов ближе к западным границам 28 стрелковых дивизий и четыре армейских управления.

В конце мая Генеральный штаб дал указание командующим приграничными округами срочно приступить к подготовке командных пунктов, а в середине июня приказывалось вывести на них фронтовые управления: Северо-Западный фронт — в район Паневежиса; Западный — в район Обуз-Лесны; Юго-Западный — в Тарнополь. Одесский округ в качестве армейского управления — в Тирасполь. В эти районы полевые управления фронтов и армии должны были выйти с 21 по 25 июня.

Всего в западных приграничных округах и флотах насчитывалось 2,9 миллиона человек, более полутора тысяч самолетов новых типов и довольно много самолетов устаревших конструкций, около 35 тысяч орудий и минометов (без 50-миллиметровых), 1800 тяжелых и средних танков (на две трети новых типов) и значительное число легких танков с ограниченными моторесурсами».

А маршал Василевский к этому добавляет еще кое-какие цифры о скрытой мобилизации, а также даты и детали развертывания войск:

«В мае — начале июня 1941 года на учебные сборы было призвано из запаса около 800 тыс. человек, и все они были

направлены на пополнение войск приграничных западных военных округов и их укрепленных районов.

27 мая Генштаб дал западным приграничным округам указания о строительстве в срочном порядке полевых фронтовых командных пунктов, а 19 июня — вывести на них фронтовые управления Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов. Управление Одесского округа по ходатайству окружного командования добилось такого разрешения ранее. 12—15 июня этим округам было приказано вывести дивизии, расположенные в глубине округа, ближе к государственной границе. 19 июня эти округа получили приказ маскировать аэродромы, воинские части, парки, склады и базы и рассредоточить самолеты на аэродромах».

Тут Василевский, как видите, уличает Жукова во лжи: тот, чтобы показать отсутствие боевой готовности, пишет, что фронтовые управления должны были занять командные пункты уже после начала войны (21—25 июня), а Василевский брякает, что за три дня до начала войны — 19 июня. А дивизии, оказывается, начали выдвигаться к границе и разворачиваться к бою еще 12—15 июня, т.е. более чем за неделю до войны. Немудрено, что в семь утра 1941 года Жуков и Тимошенко готовы были немедленно разгромить немцев, и никакая директива о приведении войск в боевую готовность им была не нужна — **ВОЙСКА УЖЕ БЫЛИ В БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ.**

Нет, — опровергнут меня оппоненты, — в энциклопедии сказано, что боевая готовность включает в себя боевую выучку, боевую слаженность, подготовку

командных кадров, твердую дисциплину и организованность личного состава. А этого не было!

Да, не было, но кто в этом виноват — Сталин или генералы РККА? И какой такой особый приказ Сталин должен был им отдать, чтобы они занялись тем, за что получали деньги, — боевой учебой и подготовкой войск?

Но, пожалуй, наибольшей подлостью Г.К. Жукова было то, что он скрыл от историков приказы от 18 июня 1941 г. о приведении войск западных округов в боевую готовность к отражению немецкого удара. Такое распоряжение (до сих пор не опубликованное) он дал, но не установил контроль за его исполнением, в связи с чем командующий Западным особым военным округом генерал Павлов сумел совершить акт предательства.

Жуков при Хрущеве кое-что уничтожил в архивах Генштаба, но не все. В частности, еще при жизни Сталина, в конце 40-х — первой половине 50-х годов, Военно-научное управление (начальник генерал-полковник А.П. Покровский) Генерального штаба Вооруженных Сил СССР обобщало опыт сосредоточения и развертывания войск западных приграничных военных округов по плану прикрытия государственной границы накануне Великой Отечественной войны.

С этой целью были заданы пять вопросов участникам событий, занимавшим в начальный период войны различные должности в войсках военных округов:

«1. Был ли доведен до войск в части, их касающейся,

план обороны государственной границы; когда и что было сделано командованием и штабами по обеспечению выполнения этого плана?

2. С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали выход на государственную границу и какое количество из них было развернуто до начала боевых действий?

3. Когда было получено распоряжение о приведении войск в боевую готовность в связи с ожидавшимся нападением фашистской Германии с утра 22 июня; какие и когда были отданы указания по выполнению этого распоряжения и что было сделано войсками?

4. Почему большая часть артиллерии находилась в учебных центрах?

5. Насколько штабы были подготовлены к управлению войсками и в какой степени это отразилось на ходе ведения операций первых дней войны?»

В 1989 году «Военно-исторический журнал» начал печатать ответы советских генералов на эти вопросы, поочередно посвящая одну статью в номере ответам на один поставленный вопрос. Журнал успел опубликовать ответы на первые два вопроса, но как только очередь дошла до третьего: *«Когда было получено распоряжение о приведении войск в боевую готовность?»* — публикация безо всяких объяснений была прекращена. Волкогоновы вовремя спохватились. Но и из того, что журнал успел напечатать, стало ясно, что в Прибалтийском особом военном округе это распоряжение было получено всеми соединениями задолго до войны. Генералы этого округа ответили:

«Генерал-полковник танковых войск П.П. Полубояров (бывший начальник автобронетанковых войск ПриОВО). 16 июня в 23 часа командование 12-го механизированного корпуса получило директиву о приведении соединения в боевую готовность. Командиру корпуса генерал-майору Н.М. Шестопалову сообщили об этом в 23 часа 17 июня по его прибытии из 202-й моторизованной дивизии, где он проводил проверку мобилизационной готовности. 18 июня командир корпуса поднял соединения и части по боевой тревоге и приказал вывести их в запланированные районы. В течение 19 и 20 июня это было сделано.

16 июня распоряжением штаба округа приводился в боевую готовность и 3-й механизированный корпус (командир генерал-майор танковых войск А.В. Куркин), который в такие же сроки сосредоточился в указанном районе».

«Генерал-лейтенант П.П. Собенников (бывший командующий 8-й армией). Командующий войсками округа решил ехать в Таураге и привести там в боевую готовность 11-й стрелковый корпус генерал-майора М.С. Шумилова, а мне велел убыть на правый фланг армии. Начальника штаба армии генерал-майора Г.А. Ларионова мы направили обратно в Елгаву. Он получил задачу вывести штаб на командный пункт.

К концу дня были отданы устные распоряжения о сосредоточении войск на границе. Утром 19 июня я лично проверил ход выполнения приказа. Части 10, 90 и 125-й стрелковых дивизий занимали траншеи и дерево-земляные огневые точки, хотя многие сооружения не были еще окончательно готовы. Части 12-го механизированного

корпуса в ночь на 19 июня выводились в район Шауляя, одновременно на командный пункт прибыл и штаб армии».

«Генерал-майор И.И. Фадеев (бывший командир 10-й стрелковой дивизии 8-й армии). 19 июня 1941 года было получено распоряжение от командира 10-го стрелкового корпуса генерал-майора И.Ф. Николаева о приведении дивизии в боевую готовность. Все части были немедленно выведены в район обороны, заняли ДЗОТы и огневые позиции артиллерии. С рассветом командиры полков, батальонов и рот на местности уточнили боевые задачи согласно ранее разработанному плану и довели их до командиров взводов и отделений.

В целях сокрытия проводимых на границе мероприятий производились обычные оборонные работы, а часть личного состава маскировалась внутри оборонительных сооружений, находясь в полной боевой готовности».

В Западном ОВО, которым командовал предатель Павлов, приказ о приведении войск в боевую готовность отдан не был. Предатель Павлов вверенные ему армии даже в лагерь не вывел.

В Киевском ОВО, судя по ответам генералов, командующий округом генерал-полковник Кирпонос творил какие-то странные дела, тем не менее часть войск КОВО вовремя получила распоряжение на приведение в боевую готовность:

«Генерал армии М.А. Пуркаев (бывший начальник штаба КОВО). 13 или 14 июня я внес предложение вывести стрелковые дивизии на рубеж Владимир-Волынского

укрепрайона, не имеющего в оборонительных сооружениях вооружения. Военный совет округа принял эти соображения и дал соответствующие указания командующему 5-й армией.

Однако на следующее утро генерал-полковник М.П. Кирпонос в присутствии члена военного совета обвинил меня в том, что я хочу спровоцировать войну. Тут же из кабинета я позвонил начальнику Генерального штаба и доложил принятое решение. Г.К. Жуков приказал выводить войска на рубеж УРа, соблюдая меры маскировки».

«Генерал-майор П.И. Абрамидзе (бывший командир 72-й горно-стрелковой дивизии 26-й армии). 20 июня 1941 года я получил такую шифровку Генерального штаба: «Все подразделения и части Вашего соединения, расположенные на самой границе, отвести назад на несколько километров, то есть на рубеж подготовленных позиций. Ни на какие провокации со стороны немецких частей не отвечать, пока таковые не нарушат государственную границу. Все части дивизии должны быть приведены в боевую готовность. Исполнение донести к 24 часам 21 июня 1941 года».

Точно в указанный срок я по телеграфу доложил о выполнении приказа. При докладе присутствовал командующий 26-й армией генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко, которому поручалась проверка исполнения».

А хрущевские мошенники и антисоветские негодяи продолжают уверять своих доверчивых читателей, что, дескать, Сталин верил Гитлеру и, вопреки предупреждениям гениального Жукова, приказ на приведение войск в боевую готовность так и не отдал.

Правда, справедливости ради следует сказать, что почти десятилетняя работа газеты «Дуэль» дает свои плоды: клеветники на Сталина уже не могут талдычить об отсутствии приказа на приведение войск в боевую готовность и вынуждены о нем упоминать, хотя и с крайне глупыми «разъяснениями». К примеру, в «Военно-историческом архиве» № 1 за 2005 год в комментариях к походным дневникам генерала П.А. Белова редакция пишет: *«В ночь на 20 июня 1941 года штаб 9-й армии (штаб Одесского военного округа) по инициативе начальника штаба был выведен на полевой командный пункт, а войска и авиация приведены в полную боевую готовность»*. Можно было бы, конечно, посмеяться над этим жалким комментарием, но нужно и понять редакцию: столько десятилетий брехали людям про неприведение войск в боевую готовность, а теперь надо отказываться от этой брехни. Что, конечно, не просто...

Но, как бы то ни было, брехня есть брехня, и этой брехней объяснить поражения Красной Армии в начальный период войны невозможно.

ГНИЛОСТЬ КАДРОВОГО ОФИЦЕРСТВА

Если перевес немцев в численности не имел определяющего значения, если качество оружия и боевой техники также следует отнести к второстепенным факторам, если рассказы о том, что Сталин якобы не привел войска в боевую готовность — не более чем брехня, то в чем тогда главная причина катастрофы 1941 года? И почему в 41-м формально более силь-

ная Красная Армия отступала, а став после поражений формально более слабой, с 1943 года начала наступать?

Остается одно объяснение: к 43-му году РККА изменилась изнутри — ее боевую силу стали определять другие люди, другие генералы и офицеры.

Но рассказ о них следует начать издалека.

В России до определенного момента смыслом существования дворянства была вооруженная защита Отечества. Дворяне — солдаты, а царь — их генерал. В старые времена, чтобы содержать одного человека, который из-за занятости по службе не способен прокормить себя непосредственной работой в сельском хозяйстве, нужно было не менее 10 крестьянских дворов. Из-за низкой производительности труда в суровых условиях России именно столько хозяйств давали добавочный продукт, которого хватало на еду, одежду и оружие одного воина. Поэтому князья, а затем цари закрепляли за воинами землю и дворы с крестьянами. Это было разумно и имело смысл: обычный наемник, если платить ему только деньги, испытывал любовь исключительно к деньгам и мог переметнуться к любому, кто заплатит больше. А русский дворянин защищал не просто государство, но и свою землю со своими крестьянами. За заслуги князь или царь закреплял за отличившимся много земли и крестьян, но тогда на войну такой дворянин шел с собственным отрядом бойцов.

Если же дворянин по любым причинам прекращал службу, то у него отбирались и земля, и крепостные.

Если дети умершего дворянина к 15 годам не становились в строй, у них изымалось имение отца. Иногда из-за страха перед ратной службой дети дворянские записывались в другие сословия, скажем, в купцы, и лишались земли и крепостных. Звучит парадоксально, но в допетровские времена существовали царские указы, запрещавшие дворянам переходить... в холопы. Впоследствии обедневшие дворяне часто не владели ни землей, ни крепостными, но до самой отмены крепостного права в 1861 г. никто, кроме дворян, не имел права ими владеть.

На начало XVIII в. в армии России служили примерно 200 тыс. человек при 3—5 тыс. офицеров. Четверть этой армии, т.е. более 50 тыс. человек, были дворянами, остальные — рекруты из крестьян и других сословий. Еще во времена Суворова служба потомственного дворянина до самой старости рядовым или сержантом была обычным делом, а если дворянин был неграмотным, то и обязательным.

Но придурок-царь Петр III, решивший взять себе за образец «цивилизованные» страны Европы, в 1762 г. освободил дворян от службы России. Беспрецедентный случай — оподление сословия произошло насильно, сверху. Теперь русский дворянин неизвестно за что имел крепостных и землю (титулованные дворяне — князья — имели их очень много), но мог не служить! Брал, но мог не давать!

Процесс оподления, к чести дворян, шел не очень быстро, и тем не менее к началу XX в. дело дошло до того, что даже в офицерском корпусе русской армии потомственных дворян осталось чуть более трети. По-

этому на дворян была распространена воинская повинность, что было позором, если учесть, кто такой дворянин изначально. К началу Первой мировой войны из 48 тыс. офицеров и генералов русской армии потомственных дворян было около 51%. Обратите внимание: в 1700 г. в армии служили 50 тыс. дворян, а в 1914 г. — менее 25 тыс.

Да ведь нужно еще и учесть, какую дрянь в качественном отношении (как воины) это дворянство в своей массе являло.

Вот как описывал состояние офицерского корпуса России в конце XIX века известный русский общественный и политический деятель, в прошлом кадровый офицер, С.М. Степняк-Кравчинский:

«Состав русского офицерства сильно отличается от того, что мы привыкли связывать с представлениями о военной касте. Наш офицер — прямая противоположность чопорному прусскому юнкеру, идеалу современного солдафона, который кичится своим мундиром, относится к муштровке солдат с серьезностью совершающего богослужение священника. В России армейские офицеры — непритязательные люди, совершенно лишённые чувства кастового превосходства. Они не испытывают ни преданности, ни ненависти к существующему строю. Они не питают особой привязанности к своей профессии. Они становятся офицерами, как могли бы стать чиновниками или врачами, потому что в юном возрасте родители отдали их в военную, а не в гражданскую школу. И они остаются на навязанном им поприще, ибо надо где-то служить, чтобы обеспечить себя средствами на жизнь, а военная карьера, в конце

концов, не хуже любой другой. Они делают все, чтобы спокойно прожить жизнь, отдавая по возможности меньше времени и труда своим военным обязанностям. Разумеется, они жаждут повышения в звании, но предпочитают ожидать производства в следующий чин в домашних туфлях и в халате. Они не читают профессиональной литературы, и если по долгу службы подписались на военные журналы, то журналы эти годами у них лежат неразрезанными.

Если наши военные вообще что-либо читают, то, скорее, периодическую литературу. Военный «ура-патриотизм» совершенно чужд нашей офицерской среде. Если вы услышите, что офицер с энтузиазмом говорит о своей профессии или одержим страстью к муштре, то можно поручиться, что он болван. С такими офицерскими кадрами армия не способна предельно развить свои агрессивные качества».

Воинская служба для массы российского офицерства превратилась в рутину, постылую работу в ожидании пенсии. Не интересующееся военным делом, трусливое, это офицерско-генеральское быдло, блистая погонями и презирая солдат, боялось войны больше, чем кто-либо в обществе.

При этом в России на 1914 г. было 1,5%, или почти 2,5 млн. дворян, т.е. не менее 250 тыс. призывного контингента. И эти дворяне не способны были занять в армии и на флоте 50 тыс. офицерских должностей!

По реформе 1861 г. дворянам оставили в собственность 80 млн. десятин земли. Многие из них эту землю профукали, к 1913 г. во владении дворян осталось все-

го 50 млн. десятин и 55 тыс. поместий. Уже и земли дворяне не имели, а служить России не желали! И, естественно, не желали служить России те, кто землю и собственность имел.

Так, к примеру, на 1903 г. из элиты сухопутных войск — 159 генерал-майоров Генерального штаба — лишь 13 владели землей и четверо — собственными домами. Остальные имели только жалованье. На 2696 полковников русской армии приходилось всего 24 князя и 11 графов; на 1392 генералов — 25 князей и 23 графа, т.е. в армии процент титулованной, самой богатой части дворянства продолжал неуклонно падать (среди полковников титулованной знати меньше, чем среди генералов). При этом титулованное дворянство имело в армии неофициальное преимущество — в среднем на 3 года раньше повышалось в чинах.

Война, в которую вступила Россия в 1914 г., никаких патриотических чувств в массе подлого дворянства не вызвала: не задела она ни их совести, ни чувства ответственности. (Как не вызвал никаких чувств развал СССР в массе т.н. «коммунистов»). Подлецам высокие чувства не ведомы. К началу 1917 г., к примеру, в Иркутском военном училище из 279 юнкеров было всего 17 детей дворянских. Если скажете, что в Сибири дворян вообще мало, то вот данные по Владимирскому военному училищу: из 314 юнкеров 25 детей дворянских. На фронте производили в прапорщики из солдат: 80% прапорщиков — крестьяне, 4% — дворяне. Вот и найдите в этих цифрах тех самых пресловутых поручиков голицыных и корнетов оболенских.

Советское офицерство оказалось ничуть не лучше своих былых противников. Насколько низко во всем мире оценивали боеспособность Красной Армии, можно судить по свидетельству британского разведчика и историка Лена Дейтона:

«Как только стало известно о начале операции «Барбаросса», практически все до одного военные специалисты предсказали скорый крах России. Американские военные эксперты рассчитали, что Советский Союз продержится не больше трех месяцев. Черчилля засыпали такими же неточными прогнозами: фельд-маршал сэра Джон Дилл, начальник Имперского генерального штаба, дал Красной Армии всего шесть недель. Посол Великобритании в Москве Стаффорд Криппс считал, что она продержится месяц. Самыми неточными были оценки английской разведки: она считала, что русские продержатся не больше десяти дней.

Прорицатели могли смело запечатывать конверты со своими предсказаниями скорой победы вермахта: Польша была завоевана за 27 дней, Дания — за 24 часа, Норвегия — за 23 дня, Голландия — за 5, Бельгия — за 18, Франция — за 39, Югославия — за 12, Греция — за 21 день и Крит за 11. С другой стороны, Красной Армии потребовалось больше трех месяцев, чтобы разгромить финнов. Разве этих цифр было недостаточно для того, чтобы подсчитать, что Гитлер будет в Москве задолго до Рождества?»

А Гитлер после разгрома Франции заявил приближенным, что *«русский поход по сравнению с этим всего лишь штабная игра»*.

Германия не только не победила Советский Союз к Рождеству 1941 года, но и, потеряв семь из каждых своих восьми дивизий на Восточном фронте, вынуждена была сдаться на милость СССР. Что же следует из приведенных цитат — что Гитлер и все эти высокопоставленные специалисты британских и американских штабов идиоты? Не без этого, конечно, но если они и идиоты, то лишь потому, что **не понимали, до какого величия Сталин поднял советский народ**. А что касается оценки русской (советской) армии и ее полководцев, то что во всем мире могли о нас думать? Ведь последние цари довели русскую военную машину до полного маразма.

Еще за 100 лет до Второй мировой войны, в 1854—1855 гг. вся русская армия не сумела сбросить в море англо-французский десант, высадившийся в Крыму. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. хотя и была формально победной, но явила такую беспомощность нашей военной машины, что военно-историческая комиссия, которая должна была оценить итоги этой войны для изучения их в военных заведениях, не смогла этого сделать вплоть до Первой мировой. В 1904—1905 гг. Российская империя позорно проиграла существенно более слабой Японии. Полный маразм явила Россия и в Первую мировую войну — как в плане организационном, так и в плане военном, включая качество генералитета и офицерства русской армии. На фронтах Первой мировой были убиты и ранены 13 914 офицеров, а еще 14 328 спокойно ожидали конца войны в плену у немцев. Русские генералы были похлеще офицеров: на

33 убитых генерала приходится 73 сдавшихся в плен. Строили-строили перед войной линию крепостей для защиты России от немцев — Ковно, Вильно, Гродно, Осовец, Ломжа, Остроленка, Рожаны, Пултук, Зегрж, Новогеоргиевск, Варшава и Ивангород, — а ни одна из них и не подумала защищаться. Гарнизоны русских крепостей или сбежали при виде немцев, или сразу же сдались. Ну как их сравнить даже с австрийской крепостью Перемышль, которую русские войска осаждали 6 месяцев? А как выглядит это позорное поведение русских войск при защите своих крепостей по сравнению с отчаянностью французов и решимостью немцев в «Верденской мясорубке»? Семьдесят дней немцы штурмовали французскую крепость Верден и ее форты, потеряв **600 тысяч человек**, а защищавшиеся и потом контратаковавшие французы потеряли **358 тысяч!**

Русскую армию презирали во всем мире, и, как видите, у мира были на то основания.

И именно это, трусливое и подлое в своей массе, офицерство и стало костяком кадрового командного состава Красной Армии — ее генералитетом, военспецами, «теоретиками», преподавателями. Генерал-лейтенант А.Т. Стученко в своих воспоминаниях описывает кадровый состав кавалерийского училища, в котором он учился в первой половине 20-х годов. В то время инспектором (командующим) кавалерии Красной Армии был бывший генерал царской армии Сметанников, начальником училища — бывший полковник Соседов, преподавателем тактики — бывший генерал Ротштейн, заместителем

начальника — барон фон Вольфенгаген, курсантами — два князя Потемкиных, командиром эскадрона — бывший корнет Пац-Помарнацкий. О нем Стученко вспоминает так: *«По манерам, щегольству, лоску — это классический представитель дворянства и старой гвардейской конницы. Ему лет 25—27. Высокий, стройный. Бакенбарды чуть не до подбородка. В руке неизменный стек. Сапоги «бутылкой» сияют свежим гляncем. В зубах всегда папироса; он и разговаривает, не вынимая ее изо рта. Нас этот аристократ вообще не замечает. Все распоряжения отдает только через вахмистра — старшину эскадрона... Щеголь Пац-Помарнацкий как-то на учениях пустил в дело свой стек — ударил по спине зазевавшегося курсанта. «За физическое оскорбление» подчиненного бывший корнет попал под суд».*

А вот сообщение историка К. Коллонтаева: *«В фондах Музея героической обороны и освобождения Севастополя хранится машинописный текст воспоминаний И. М. Цальковича, который в 1925—1932 гг. был начальником управления берегового строительства Черноморского флота. В одном из разделов своих воспоминаний он, между прочим, отмечал, что в середине 20-х годов командный состав ЧФ делился на две равные части. Одна состояла из бывших кадровых офицеров царского флота, другая — из бывших кондукторов, флотских фельдфебелей, унтер-офицеров и боцманов. Обе эти части сильно враждовали друг с другом, единственное, что их объединяло — «Стремление выжить матросню из Севастопольского дома военморов им. П. П. Шмидта (бывшее Офицерское собрание)».*

Так что худшей части офицерства Красной Армии было у кого набраться спеси и презрения к солдатам. А вот честности, самоотверженности, храбрости и мужества русское дворянство новому офицерству не передало, ввиду катастрофического отсутствия этих качеств у самого дворянства. За границей Красную Армию презирали так же, как и императорскую, и, опять-таки, не без оснований.

Гражданская война 1918—1920 годов не в счет, поскольку русские дрались с русскими и даже победители в Гражданской войне не ценили свои победы как военные достижения. Не ценили еще и потому, что первое же столкновение с иностранной армией, а это была армия всего-навсего Польши, окончилось крахом для красных полководцев.

Летом 1938 года никто еще не знал, что маршал Блюхер куплен японцами, и его дикую неспособность сбить шесть японских батальонов с сопок у озера Хасан все воспринимали как уже традиционную неспособность русских к войне. Бои на Халхин-Голе, которые велись, по европейским понятиям, где-то на краю мира, не впечатлили даже крохотную Финляндию, нагло развязавшую войну против СССР с целью захватить Карелию и Кольский полуостров. А то, что Финляндия держалась против Красной Армии целых четыре месяца, произвело впечатление не только на англичан и немцев, но и, в первую очередь, на самих «красных полководцев».

Сколько советских военачальников после этой войны окончательно разуверились в своей способности воевать? Ведь именно во время этой кампании генералы

Павлов и Мерецков стоваривались предать Родину в надежде, что когда немцы захватят СССР, *«хуже нам от этого не будет»*.

Традиционное низкопоклонство российской интеллигенции перед Западом, заразившее армию, производило парализующее действие на генералитет и офицерство — куда нам, сиволапым, с немцами тягаться! И вкупе с отсутствием опыта принятия собственных смелых боевых решений этот паралич приводил к тяжелейшим последствиям. Средний генерал Красной Армии на первом этапе Великой Отечественной войны панически боялся командовать.

Тут же ведь дело вот в чем.

В Польской кампании 1939 года немцы потеряли убитыми и пропавшими без вести 16 663 человека. (Для справки, американская армия в 1984—1994 гг. от несчастных случаев, не связанных с ведением боевых действий, потеряла 17 983 человека.) Тем не менее, немцы воевали, и немецкие генералы и офицеры оттачивали свое единоначалие — принимали собственные решения и издавали собственные приказы. А поскольку противник был никчемный, то у немцев все получалось, и их уверенность в себе все возрастала и возрастала, а старшие командиры уверялись в гениальности Мольтке и самостоятельность нижестоящих командиров всеми силами укрепляли.

Далее была война с Францией. Французы, конечно, не поляки, но Франция была парализована тем, что осталась на континенте один на один с Германией,

вдвое превосходившей ее численно, и французы не смогли найти в себе силы к сопротивлению. Французские офицеры честно пытались исполнить свой долг — каждый третий убитый в боях француз был офицером (во французской армии один офицер приходился на 22 солдата и сержанта).

Нанеся французам потери в 100 тысяч человек, немцы сами потеряли 45 тысяч, это было уже серьезнее, чем с Польшей, но не очень. И Мюллер-Гиллебранд, безусловно, прав — немцы перли к нам и тащили за собою почти всю вшивую Европу с исключительной *«уверенностью в своих силах»*. Они действительно были профессионалами в хорошем смысле этого слова (сегодня называют себя «профессионалами», как правило, трусливые тупицы, не способные сделать порученное им дело, но умеющие «зашибить деньги» на своей профессии).

При сравнении наших генералов с немецкими на ум сразу приходит строчка из песни Высоцкого: *«Как школьнику драться с отборной шпаной?»* А драться было надо — деньги до войны получали? Получали. Родину защитить обещали? Обещали. Ну, так извольте не только ножку на парадах тянуть да доносы на коллег в НКВД писать, но и врага бить.

Хотя полководцы, принимая рискованные решения (а боевые приказы являются таковыми по своей сути), редко находятся в непосредственной опасности, им все же требуется для этого личная смелость, пусть даже без храбрости. И если генерал действительно полководец, если цель его жизни в победе над врагами, то для него возможность воплотить в бою

свое собственное решение — это то, зачем он живет. И такой генерал всю свою жизнь, даже мирную, будет неустанно учиться воевать, причем учиться сам, ему не понадобятся для этого военные училища и академии, как не потребовались они ни одному гитлеровскому фельдмаршалу — ведь в Германии училищ и академий, в советском понимании, просто не было. Такой генерал учится сам, потому что если он в будущем бою примет неверное решение, то это обернется крахом и его войск, и его лично.

Но если человек надел погоны не для того, чтобы защищать Родину, а только чтобы иметь большую зарплату и пенсию, красивый мундир и уважение общества, то зачем ему учиться побеждать? Он идет в военное училище не за знаниями, а за дипломом, обеспечивающим получение офицерского звания, и академию заканчивает лишь потому, что так быстрее станешь генералом; он думает не о победах, а как бы сделать карьеру в мирное время, — как лучше провести парад или учения, чтобы понравиться начальству, кого, как и в какое место лизнуть ради продвижения по службе, и т.д. и т.п.

Но вот начинается война, и сразу же выясняется, что дипломами и погонами противника разбить невозможно, что для принятия решения на бой нужны военные знания, а их-то и нет! И возникает страх за последствия своих решений, такой страх, что для смелости уже не остается места, — человека переполняет малодушие.

Вот пример из воспоминаний Рокоссовского: *«Весьма характерен случай самоубийства офицера одного из*

полков 20-й тд. В память врезались слова его посмертной записки. «Преследующее меня чувство страха, что могу не устоять в бою, — извещалось в ней, — вынудило меня к самоубийству». Как видите, у этого офицера хватило совести и храбрости застрелиться, но не хватило смелости воевать.

А что делать тем, кто лишен не только смелости и храбрости, но и совести? Вариантов несколько: предать, перейдя на службу врагу, сдаться в плен, чтобы сохранить свою поганую жизнь, или удрать на какую-нибудь тыловую должность.

Вот и предавали. Предавали заранее, еще до начала войны, как впоследствии прощенный начальник Генштаба Мерецков, осмысленно запутывавший мобилизационный план, или расстрелянный командующий Западным особым военным округом генерал Павлов, умышленно не выполнивший команду о приведении войск округа в боевую готовность. Предавали в ходе войны, как повешенный за измену генерал Власов и иже с ним. Предавали, прекратив командовать вверенными войсками и пытаясь сдаться в плен, как генерал Лукин, которому это удалось, или Кирпонос, у которого сдаться не получилось. Удирали с поля боя, бросая солдат, как адмирал Октябрьский и генерал Петров, которым это простили, или как генералы Качанов и Гончаров, которым не повезло наткнуться на Мехлиса, и тот приказал расстрелять их перед строем.

Кстати, «опущенная» сдачей врагу, эта кадровая публика крайне мерзко вела себя и в плену. Вот свидетельство прошедшего немецкие лагеря П.Н. Паляя:

«В течение нескольких дней вся масса командиров Красной Армии, попавших в плен, вдруг превратилась в ярых врагов своей страны, где они родились, и правительства, которому они давали присягу на верность и обещались защищать свою «социалистическую родину» до последней капли крови, до последнего вздоха. За обращение «товарищ командир» давали по физиономии, если не избивали более серьезно. «Господин офицер» стало обязательным в разговорах. Никто не поднимал голоса в защиту того, что называлось Советским Союзом, во всем широком объеме этого понятия. Без сомнения, среди пленных было довольно много членов коммунистической партии, но все они, искренне или по соображениям камуфляжа, перед лицом опасности превратились в антикоммунистов. Это было как прорвавшаяся плотина. Голодные, грязные, бесправные, потерявшие прошлое и стоящие перед совершенно неизвестным будущим, советские командиры с упоением, во весь голос матом поносили того, при чьем имени еще неделю тому назад вставали и аплодировали, — Иосифа Сталина! На третий день по спискам во время утренней проверки на дворе тюрьмы было вызвано почти двести человек. Их окружил конвой, и всю группу вывели с территории тюрьмы. Выяснилось, что это были евреи и политработники....

Ворота лагеря были широко раскрыты, прямо против них на дворе стоял целый ряд больших металлических баков, и около каждого — немецкий солдат с большим черпаком в руках. Пленные сразу становились в очередь к бачкам, и каждый получал по полному черпаку густого, дразнящего запахом горячего варева.

Немцы понадеялись на нормальную человеческую дисциплину и... ошиблись! Через несколько минут каждый раздатчик был окружен сплошным кольцом пленных с протянутыми котелками, консервными банками или даже просто пилотками и фуражками. Кто-то упал, кто-то закричал, раздатчики-немцы начали бить черпаками напиравшую со всех сторон толпу. Солдаты конвоя бросились восстанавливать порядок, но никто их не слушал. Раздались выстрелы, толпа бросилась в сторону, немцы били людей палками, прикладами, почти все бачки были опрокинуты, и еда разлилась лужами по песку. Всю массу пленных оттеснили на край площадки, и мы стояли густой толпой под направленными на нас дулами винтовок. Это продолжалось минут двадцать. Потом появился высокий, широкоплечий, рыжеволосый человек в аккуратно подогнанной командирской советской форме без знаков различия и в ярко начищенных сапогах. Он по-русски приказал всем построиться и, выравнивая ряды, все время ругал нас: «Командиры называется! Сволочь, сброд, баранье стадо! Такой скандал устроили! Сталинские соколы!» Конечно, эти эпитеты сопровождались классическим русским матом. На дворе появилась группа немцев-офицеров, впереди шел пожилой обер-лейтенант. Рыжеволосый сильным низким голосом скомандовал «Смирно!» и подошел к обер-лейтенанту. Несколько минут они разговаривали, потом немец вышел вперед и через переводчика сказал нам примерно следующее: «Я поражен полным отсутствием у вас дисциплины и достоинства. Мне стыдно, что вы носите гордое звание офицера...» Но что возьмешь с быдла?

Даже если такого быдла, «господ офицеров», было много?

Впрочем, вскоре немцам пришлось убедиться, что Красная Армия состоит не только из этих кадровых ублюдков. Уже в январе 1942 года немецкий военный корреспондент неохотно, сквозь зубы, но признает, что далеко не все «сталинские соколы» толпами сдаются в плен — многие дерутся с потрясающей самоотверженностью, недоступной «сумрачному германскому гению», — их отчаянная храбрость просто выше понимания немцев: *«В воздушном флоте советская власть работала теми же методами агитации, что и в наземных войсках. Существовало общее мнение, что попасть в плен к немцам равносильно смерти. Находясь в таком духовном угнетении, большинство советских летчиков предпочитают продать свою жизнь как можно дороже. Вступив однажды в бой, они часто дерутся, как и пехотинцы, с животным и бессмысленным ожесточением, что в воздушных боях часто приводит к применению тактики тарана»*. Между прочим, в конце войны командующий германским военно-воздушным флотом Геринг делал все возможное, включая создание специальных особо прочных самолетов, чтобы убедить своих летчиков таранить англо-американские бомбардировщики, стирающие с лица земли целые города, но ничего у него не вышло.

А что до обвинения наших героев в «животной бессмысленности» — в 41-м Советский Союз устоял еще и потому, что, кроме кадрового быдла, массами сдававшегося в плен, в Красной Армии нашлись командиры,

готовые драться не только до последнего, но и умно, умело, ничуть не хуже немцев.

В конце июня 1941 года кавалерист полковник Тишинский приехал в составе инспекционной группы проверять 237-ю стрелковую дивизию, а 17 июля вынужден был ее возглавить в момент нанесения советскими войсками контрудара под Сольцами, где потерпел тяжелое поражение немецкий 56-й танковый корпус, которым, кстати, тогда командовал Манштейн. Тишинский отметил свое вступление в должность комдива боем, о котором сразу же заговорили.

По рассказу начальника политотдела дивизии Ф.Я. Овечкина, нашим разведчикам удалось захватить трех «языков», давших показания о переброске на этот участок фронта *«свежей немецкой дивизии «Мертвая голова»*, и штабные документы, из которых *«явствовало, что до деревни Ванец эта дивизия будет следовать походным порядком в автомашинах»*. Тишинский не упустил представившегося шанса захватить немцев врасплох, решив *«встретить колонны на марше, не дать им развернуться и разгромить»*. Засада была организована мастерски: *«Перекрытие дороги в тылу немецкой дивизии исключало возможность отступления или бегства солдат и офицеров. Артиллерийские средства были рассредоточены вдоль дороги для уничтожения танков и бронемашин. Таким образом, готовился «мешок» без возможности выйти из него»*. В результате часового боя немцы были разгромлены наголову — по свидетельству комиссара Овечкина, на дороге потом насчитали *«более тридцати*

подбитых танков, свыше двух десятков бронемашин, около двухсот сожженных грузовиков со снарядами, бензином, продовольствием, более 80 мотоциклов с колясками, свыше полусотни орудий, 45 минометов, 119 пулеметов», а счет убитых и раненых немецких солдат шел на тысячи. «Среди убитых найден начальник штаба дивизии и командиры двух полков, но трупа командира дивизии не обнаружено... Сообщение о разгроме немцев наше армейское руководство встретило с недоверием. Командующий армией выразился просто: «Не врете! Одна дивизия не может уничтожить дивизию противника, да еще немецкую». И приказал убитых не хоронить до приезда специальной комиссии», которая подтвердила, что сведения о больших потерях врага соответствуют действительности. Вскоре об этой победе сообщил ТАСС, написали «Правда» и «Красная звезда».

Между прочим, дивизия СС «Мертвая голова» шла на выручку 56-му танковому корпусу Манштейна, и тот в своих мемуарах, описывая события под Сольцами, косвенно подтверждает плачевный для эсэсовцев исход боя: *«Более сносные условия местности, но и сильную укрепленную линию встретила дивизия СС «Тотенкопф», наступавшая на Себеж. Но здесь сказалась слабость, неизбежно присущая войскам, командному составу которых не хватает основательной подготовки и опыта... Дивизия понесла колоссальные потери, так как она и ее командиры должны были учиться в бою тому, чему полки сухопутной армии уже давно научились... После десяти дней боев три полка дивизии пришлось свести в два».*

Как видите, и в самом начале войны были у нас командиры, умевшие побеждать. И хотя месяц спустя полковник Тишинский погиб при прорыве из окружения (его дивизия организовано вышла к своим) и сейчас фактически забыт, именно такие полковники, выжившие и ставшие генералами, выиграли войну. Но произошло это лишь потому, что в действующей армии работают законы естественного отбора — а не противоестественного, как в армии мирного времени.

Вот и ответ на вопрос, что изменилось в Красной Армии к 1943 году, почему после всех поражений и потерь она все же сумела переломить ход войны, — просто за полтора года неудач армия очистилась от всей той кадровой сволочи, что в мирное время грабила народ своими окладами и льготами, но не желала учиться воевать, думая только о карьере. Теперь все это было либо сдалось в плен, либо сбежало на тыловые должности — а в действующей армии остались те, кто хотел и умел защищать Родину, у кого хватало смелости, храбрости и ума, чтобы погнать на запад всю эту вшивую Европу.

Но тогда, спрашивается, почему эти генералы, реально выигравшие войну, не были замечены Сталиным раньше? Почему их не выдвинули на высокие должности еще до ее начала? И не в этом ли главная причина катастрофы 1941 года?

Ведь огромные недоработки в военной теории и структуре армии, в ее уставах и наставлениях, командовании и организации, вооружении и боевой подготовке вскрылись уже в ходе конфликтов у озера Хасан

и на Халхин-Голе, а особенно во время Финской войны. К.Е. Ворошилов вину на Политбюро не перекладывал и был снят с должности. Наркомом обороны стал С.К. Тимошенко, который сразу начал энергично готовить РККА к войне. В декабре 1940 г. было проведено Совещание высшего командного состава Красной Армии, в котором участвовали 4 маршала (Ворошилов отсутствовал), 254 генерала (каждый четвертый довоенный генерал) и 15 полковников (на должностях командиров дивизий) — вся армейская «элита», цвет тогдашней РККА!

И четыре года спустя, в победном 44-м, когда 12 наших фронтов гнали врага на запад, командовать этими фронтами, по идее, должны были бы участники Совещания: 5 довоенных маршалов, начальник Генштаба, 16 довоенных командующих округами — итого 22 человека, казалось бы, на 12 фронтов более чем достаточно. Правда, генерал-полковник авиации А.Д. Локтионов, командовавший Прибалтийским ВО, и генерал-полковник Г.М. Штерн, командовавший Дальневосточным округом, перед войной были арестованы, осуждены и расстреляны как предатели. Командующие округами генерал-лейтенанты М.П. Кирпонос и М.Г. Ефремов погибли в начале войны, а генерал-полковник И.Р. Апанасенко смог отпроситься у Сталина на фронт со своего Дальневосточного округа только в 1943 году и сразу же погиб на Курской дуге в должности заместителя командующего Воронежским фронтом. Остается 17 маршалов и генералов. Даже если учесть, что один из них должен быть замом Верховного

главнокомандующего, другой наркомом обороны, еще кто-то возглавить Генштаб — все равно оставшихся довоенных командующих округами на 12 фронтов хватало с избытком.

Но из всего этого высшего генералитета в 1944 году фронтами командовали только трое: К.А. Мерецков, Г.К. Жуков и И.С. Конев. Трое из семнадцати! Т.е. пригодными для войны оказались лишь 18% довоенных маршалов и генералов.

Остальные командующие фронтами (Л.А. Говоров, А.М. Василевский, К.К. Рокоссовский, И.Е. Петров, Р.Я. Малиновский, Ф.И. Толбухин, И.Х. Баграмян, А.И. Еременко, И.И. Масленников) в декабре 1940 г. были очень далеки от должности командующего округом, а Масленников вообще служил до войны в НКВД. Напрашивается вывод: **генералы мирного времени для войны, как правило, не годятся.**

Та же картина и в авиации. Летом 1942 г. авиацию фронтов реорганизовали в 17 воздушных армий, а командующие ВВС фронтов стали командующими ВА. Всего за войну воздушными армиями командовали 26 генералов (их назначали, снимали, перебрасывали с армии на армию) — из них на декабрьском Совещании 40-го года присутствовали всего пятеро, т.е. менее 20%, включая задвинутого на Дальний Восток Жигарева. Кстати, его карьера более чем показательна — снятый в 1942 году с должности главнокомандующего ВВС и отправленный командовать авиацией невоющего Дальневосточного фронта, в боевых действиях против немцев он больше не участвовал.

Но война закончилась — и в 1949 г. П.Ф. Жигарев вновь становится главкомом ВВС! Генерал мирного времени!

Еще один характерный момент. Если приглядеться к тем командующим воздушными армиями, которые в ходе войны за особые заслуги были удостоены звания Героя Советского Союза — а таких семеро: К.А. Вершинин, С.И. Руденко, Т.Т. Хрюкин, С.А. Красовский, В.А. Судец, С.К. Горюнов, Н.Ф. Папивин — выясняется, что никто — никто! — из них в декабрьском Совещании 1940 года, на которое вроде как собрали весь цвет довоенной Красной Армии, не участвовал!

То есть, чтобы этих командиров оценили по достоинству, понадобилась война. Только на войне выдающиеся генералы получили шанс занять должности, соответствующие их незаурядным способностям. А довоенное начальство задатков командующих в них не видело! Или просто не хотело видеть? Или видело, но не продвигало по службе, предпочитая им совсем других людей?

Спрашивается, почему? Ведь даже с формальной, «анкетной» точки зрения участники Первой мировой и Гражданской войн Рокоссовский и Горбатов по боевому опыту намного превосходили предателя Павлова, но командовать ЗапОВО накануне войны назначили не их, а его.

Почему командовавшие до войны Сибирским ВО Калинин, Приволжским ВО Герасименко, Северо-Кавказским ВО Кузнецов, Орловским ВО Ремизов,

Одесским ВО Черевиченко во время Великой Отечественной оказались не способны командовать не только фронтами, но даже армиями, а генерал-полковнику Черевиченко под конец войны доверяли только стрелковый корпус (должность генерал-майора)? И, наконец, почему командовавший Уральским ВО Ершаков под Москвой сдался в плен, почему пытался сдаться Кирпонос, а Павлов просто предал?

Как же так? Ведь это Сталин первым понял, что *«кадры решают все»* — почему же он военные кадры так бездарно подбирал?..

А он ли их подбирал? Вообще, знал ли он до войны тех перспективных генералов, что вырвут у врага победу, хотя бы слышал о них?

Вот очень характерный пример. Надеюсь, все помнят имя генерала Д.М. Карбышева, который в плену отказался сотрудничать с немцами и был зверски ими казнен — заморожен заживо. Накануне Великой Отечественной Карбышев был не только широко известен в военных кругах — и как преподаватель инженерного дела в Академии Генштаба, и как герой Гражданской войны (это он оборудовал в инженерном отношении легендарный Каховский плацдарм), — но и, будучи генерал-лейтенантом, входил в число первых полутора сотен военачальников страны. И вот 26 августа 1941 года у Сталина состоялся такой разговор с командующим Ленинградским фронтом генерал-лейтенантом М.М. Поповым.

«ПОПОВ. Товарищ Сталин, маленькая просьба.

СТАЛИН. Пожалуйста. Слушаю.

ПОПОВ. Если сейчас свободен инженер Карбышев, были бы рады иметь его у себя.

СТАЛИН. Кто он такой? Я его не знаю.

ПОПОВ. Генерал-лейтенант инженерных войск, преподаватель Академии Генштаба.

СТАЛИН. Постараюсь удовлетворить вашу просьбу».

Выходит, до этого разговора Сталин даже не слышал о Карбышеве (как не знал и того, что еще 8 августа генерал был ранен, контужен и попал в плен). И неудивительно — при тогдашней численности армии и ее генералитета помнить всех было просто невозможно.

Само собой, нарком обороны знал своих подчиненных лучше Сталина, но и нарком был **лично** знаком далеко не со всеми и о способностях большинства генералов судил заочно — по рекомендациям, по характеристикам. А кто давал эти рекомендации и писал характеристики, кто предлагал кандидатуры на повышение наркому и ЦК? Да все те же генералы. И можно не сомневаться — давали нужные характеристики только «своим», тем, кто впоследствии сумеет отблагодарить и будет безусловно предан. Называйте это как хотите — деликатно («профессиональной солидарностью») или откровенно («генеральской мафией»), — от перемены названия суть не меняется: серая генеральская толпа никогда не позволит выдвинуться талантливому человеку, потому что он для этой толпы опасен — опасен тем, что обязан успехом не ей, мафии, а своему таланту. Зато дура-

ка генеральская мафия может поднять как угодно высоко — бюрократические методы тут работают безотказно: к примеру, надо им протащить своего человека на должность командующего Закавказским военным округом — и наркому обороны «на выбор» представляют *«барина из мужиков»* Козлова и человек пять еще больших дураков, вот нарком и назначает Козлова. Когда лично не знаешь людей по деловым качествам, невозможно оценить, кого именно тебе подсунули и есть ли у тебя в наркомате рокоссовские.

Эти «свои», пролезая наверх, беспощадно топят «чужих». Ведь недаром в 1937 г. предатель Павлов резко пошел вверх, а Рокоссовский и Горбатов были арестованы и вышли на свободу, только когда Берия стал разбирать завалы ежовщины.

Кроме того, талантливый профессионал сам не склонен бороться за начальственные кресла — ему не позволяет гордость, он не страдает комплексом неполноценности, а удовлетворение находит в творческих поисках на занимаемой должности, ведь любая должность дает простор для творчества.

Зато тупую посредственность толкает вверх комплекс неполноценности — ей очень хочется всем показать, что, дескать, вы все меня дураком считали, а я вон как высоко забрался! Ну и, само собой, алчные мерзавцы лезут вверх, чтобы удовлетворить свою вечную жажду материальных благ.

В итоге в бюрократической системе управления (а армия в мирное время — это образец тупого бюрокра-

тизма) **высшие должности являются как бы прорубью, в которой непрерывно всплывает дерьмо.** Пытаться сделать из него профессионалов бесполезно — не для того оно на руководящие должности лезло. И честный начальник, болеющий за Дело, обязан искать таланты внизу.

Гитлер это понимал — он активно участвовал в учениях разных уровней, знакомился с тысячами офицеров, да и немецкие генералы, готовясь к неминуемой войне, тоже искали таланты — ведь тут уже не до карьеры: с дураками на настоящей войне очень просто и погибнуть.

Сталин же воевать не мечтал, военным вождем становиться не собирался, на войсковые учения и знакомство с перспективными офицерами и генералами у него просто не было времени. А когда война все-таки началась и генералы заставили его стать своим вождем, в кадровых вопросах он поначалу мог располагать только теми, кого знал, — кто и до войны крутился вокруг Кремля. И только со временем, когда в боях проявились талант, смелость и профессионализм одних командиров и тупая бездарность других, — Сталин смог разглядеть и оценить достойных и начал быстро продвигать их по служебной лестнице. И то — только тех, кому повезло оказаться на виду. Воюй генерал-майор Рокоссовский не под Москвой, а на севере или на юге, возможно, долго бы еще командовал корпусом. А так уже через год Сталин поставил его во главе фронта.

* * *

«Кадры решают все!» Эта сталинская формула — и ответ на вопрос об истинных причинах наших поражений в начале Великой Отечественной войны, и тот единственный вывод, который по-настоящему важен и сегодня, когда Армия у нас еще хуже, чем была в 1941 году.

Марк Солонин

ПРОСТАЯ ПРИЧИНА ВЕЛИКОЙ КАТАСТРОФЫ

Летом 1941 года с Красной Армией произошло что-то нехорошее. В различные периоды истории нашей страны это «что-то» получало различные названия: от «временных неудач» до «катастрофического разгрома». Соответственно, и поиск причин и объяснений произошедшего приобретал различную остроту. Одно дело — искать причины «временных неудач». Простой здравый смысл и личный опыт каждого взрослого человека сразу же подсказывает очевидный ответ: «эка невидаль, с кем не бывает». Совсем другое дело — попытаться объяснить катастрофический разгром крупнейшей сухопутной армии мира. Поэтому, прежде чем искать причины явления, постараемся возможно точнее определить масштаб и фактическим содержанием произошедшего.

1. СООТНОШЕНИЕ СИЛ

К началу Второй Мировой войны Советский Союз был вооружен и — по мнению многих — очень опасен. Точные цифры, характеризующие численный состав и вооружение Красной Армии (равно,

как и армии любой другой мощной державы того времени), назвать невозможно. Причина этого очень проста — накануне большой войны СССР, Германия, Польша, Франция, Италия и пр. непрерывно наращивали свою военную мощь. Формировались все новые и новые части и соединения, стремительно обновлялся танковый и авиационный парк, менялись штатные расписания и структура соединений, менялись принципы и схемы перевода армии из состояния мирного в состояние военного времени. Точные до последней запятой цифры указать в подобной ситуации **нельзя**, но — как станет ясно из дальнейшего — это не создает больших проблем для исследователя, так как при том численном превосходстве, которым обладала Красная Армия, небольшие «погрешности измерения» не имеют принципиального значения.

Гитлеровская Германия начала подготовку к войне с большим (относительно Советского Союза) опозданием. В то время (первая половина 30-х годов), когда в обстановке жесточайшего мирового экономического кризиса крупная буржуазия промышленно развитых стран мира (США, Англии, Франции, Германии) наперегонки бросилась продавать Сталину военную технику, технологию, станки и целые заводы в полной комплектации, Гитлер еще только «защищал» политическое пространство своей власти в Германии, а новорожденный вермахт проводил полевые учения с картонными макетами танков. Безрассудная и самоубийственная политика Запада позволила Сталину превратить гигантские финансовые

ресурсы (как насильственно изъятые у прежних владельцев, так и вновь созданные трудом многомиллионной армии колхозных и ГУЛАГовских рабов) в горы оружия и военной техники. Уже в 1937 году на вооружении Советских ВВС числилось 8139 боевых самолетов — примерно столько же будет два года спустя на вооружении Германии (4093), Англии (1992) и США (2473), вместе взятых. К 1 октября 1939 г. самолетный парк Советских ВВС вырос в полтора раза (до 12 677 самолетов) и теперь уже превосходил общую численность авиации всех участников начавшейся мировой войны. По числу танков (14 544 — и это не считая устаревшие Т-27 и легкие плавающие Т-37/38) Красная Армия в начале 1939 г. ровно в два раза превосходила армии Германии (3419), Франции (3286) и Англии (547), вместе взятые.

Всеобщая воинская повинность в Германии была введена только 16 марта 1935 г. К лету 1939 г. в составе вермахта была уже 51 дивизия (в том числе — 5 танковых и 4 моторизованных), а в составе Красной Армии — 100 стрелковых дивизий (считая имевшиеся 5 стрелковых бригад за две «расчетные дивизии»), 18 кавалерийских дивизий и 36 танковых бригад. В дальнейшем обе державы стремительно наращивали численность своих вооруженных сил, причем разрыв между ними непрерывно сокращался (Германия «догоняла» своего будущего противника). С другой стороны, к лету 1941 г. радикально изменилась геополитическая ситуация: дивизии вермахта были разбросаны на огромных пространствах от Северной Норвегии до Северной Африки, от Бреста на атлантичес-

ком побережье Франции до Брест-Литовска на реке Западный Буг. В результате из примерно 200 дивизий (всех типов), которыми располагала гитлеровская Германия в начале лета 1941 г., на западной границе Советского Союза в составе трех групп армий («Север», «Центр», «Юг») к 22 июня были сосредоточены 91 пехотная дивизия, 17 танковых и 9 моторизованных дивизий (в общее число «91 пехотная дивизия» мы включили 4 легкопехотные, 1 кавалерийскую, 4 горно-стрелковые дивизии и 5 боевых дивизий СС). **Всего — 117 дивизий.**

В дальнейшем в течение нескольких недель и месяцев состав этой группировки постепенно увеличивался за счет ввода в бой резервов: 2 танковых дивизий (появившихся на Восточном фронте лишь к началу битвы за Москву), одной моторизованной, 24 пехотных дивизий. Кроме того, с 29 июня начались бои в Заполярье (в направлении Мурманска и Кандалакши), в которых приняли участие еще 4 немецких дивизии (точнее говоря, три дивизии и «группа СС Норд», по численности соответствующая стрелковой бригаде). **Итого — 148 немецких дивизий.** 10 июля 1941 г. началось наступление финской армии в Карелии, и таким образом общий состав группировки противника увеличился на 1 немецкую и 16 финских пехотных дивизий — значительно уступавших вермахту в вооружении и оснащении, но ничуть не уступавших в боевом духе. Пресловутые «190 дивизий противника», неизменно присутствующие (причем якобы с первого дня войны!) во всех сочинениях советских историков, были получены

путем сложения в одну кучу боевых частей вермахта и СС, 9 немецких охранных дивизий, дивизий резерва верховного командования и войск союзников гитлеровской Германии, включая итальянцев, венгров и словаков, которых летом 1941 г. на советской территории не было вовсе.

Советский Союз к 22 июня 1941 г. имел вооруженные силы, состоящие из 198 стрелковых, 13 кавалерийских, 61 танковой, 31 моторизованной дивизий. **Всего — 303 дивизии.** Кроме того, в составе Красной Армии были и такие, не имеющие прямых аналогов в войсках вторжения вермахта соединения, как 16 воздушно-десантных бригад и 10 противотанковых артиллерийских бригад (ПТАБР). По принятой традиции, мы не стали включать в общий перечень части и соединения войск НКВД, численность которых (154 тыс. чел.) соответствовала 10 «расчетным дивизиям». Разумеется, не все эта колоссальная сухопутная армия находилась на западной границе. Сколько дивизий было на Западе? На этот простой вопрос, к сожалению, невозможно дать точный ответ. Красная Армия находилась в движении. В мае 1941 г. началась, а в июне продолжилась и значительно увеличилась в масштабе крупнейшая в истории СССР, России и мира передислокация войск. Не отвлекаясь ни на секунду на дискуссию о причинах, побудивших Сталина начать эту грандиозную операцию по переброске войск, попытаемся хотя бы ориентировочно оценить состав группировки советской действующей армии.

Последний из известных довоенных документов —

справка «О развертывании Вооруженных Сил СССР на случай войны на Западе», подписанная заместителем начальника Генштаба Н. Ватутиным 13 июня 1941 г., — предусматривал следующее распределение сил: 186 дивизий в составе действующих фронтов, 51 дивизия в составе пяти (16, 19, 22, 24, 28-й) армий резерва ГК, развертываемых в полосе от западной границы до линии Брянск — Ржев. Итого — 237 дивизий для «войны на Западе». Имеющиеся сверх того 66 дивизий распределялись по внутренним округам, в частности, 31 дивизия (десятая часть всех вооруженных сил СССР) на Дальнем Востоке. Далее Ватутин пишет: *«При таком распределении сил необходимо дополнительно запланировать перевозку по железной дороге... всего 33 дивизий... Для перевозки потребуется около 13 дней... боевые части могут быть перевезены за 10 дней»*. Еще раз напомним, что цитируемый документ составлен 13 июня. Даже если увеличить названные Ватутиным сроки в два раза, получается, что полное сосредоточение группировки Красной Армии могло закончиться к 10 июля. Другими словами, Гитлеру сильно повезло.

Отсрочка вторжения всего на две недели могла бы привести к тому, что 117 немецких дивизий начали бы наступление против двукратно превосходящей группировки противника. Но и в реальной истории численное превосходство было на советской стороне.

22 июня в составе войск четырех приграничных округов (Прибалтийский, Западный, Киевский, Одесский) было 149 дивизий (не считая ПТАБРы,

7 кавалерийских дивизий и 12 воздушно-десантных бригад учтены как 7 «расчетных дивизий»). Кроме того, к 22 июня на территории западных округов было сосредоточено по меньшей мере 16 дивизий второго стратегического эшелона. Таким образом, к началу боевых действий Красная Армия имела на западном ТВД **165 дивизий**, в том числе 40 танковых и 20 моторизованных. Сравнивая эти цифры с группировкой противника (117 дивизий, в том числе 17 танковых и 9 моторизованных), можно сразу же отметить не только общее количественное превосходство советских войск, но и значительно большую долю в их числе танковых и моторизованных соединений. Впрочем, и по числу стрелковых (пехотных) дивизий Красная Армия имела некоторое превосходство над противником (105 против 91). Вопреки тысячекратно повторенному огромной армией советских историков вранью про «6 тысяч человек в дивизии», состав стрелковых дивизий приграничных округов (при штатной численности 14 483) к началу войны был следующим: 21 дивизия по 14 тыс. человек, 72 дивизии по 12 тыс. человек и 6 дивизий по 11 тыс. человек.

В дальнейшем численность группировки советских войск стала возрастать — причем в значительно большем масштабе и с большей скоростью, нежели группировка вермахта и его союзников. В конце июня в бой вступили части и соединения Ленинградского ВО: 15 стрелковых, 4 танковых и 2 моторизованные дивизии. К 10—15 июля была в основном завершена передислокация на ТВД войск вто-

рого стратегического эшелона (16, 19, 20, 21, 22, 24 и 28-й армий). В середине июля в составе действующей армии было уже порядка **235 дивизий**. К концу июля 1941 г. сформированы 29, 30, 31, 32, 33, 43, 49-я армии. Всего в ходе двухмесячного Смоленского сражения было введено в бой 104 дивизии и 33 бригады. В общей сложности до 1 декабря 1941 г. на западное стратегическое направление Ставка направила **150 дивизий и 44 стрелковые бригады**, на ленинградское и киевское направления — еще **140 дивизий и 50 стрелковых бригад**. А ведь кроме стрелковых (пехотных) соединений формировались еще и кавалерийские, танковые, артиллерийские бригады и дивизии...

Причина, по которой Красная Армия наращивала свою численность в объемах, совершенно недостижимых для противника, предельно проста. То количество дивизий, которое вермахт смог сосредоточить у границ Советского Союза, представляло собой максимум, достигнутый 80-миллионной Германией через два года после начала всеобщей мобилизации. Добавить к этому «максимуму» было почти что нечего. С другой стороны, те 235 дивизий, которые Красная Армия сосредоточила на фронте к середине июля 1941 г., представляли собой минимум, который 200-миллионный Советский Союз смог сформировать в рамках скрытой, тайной мобилизации еще **ДО** объявления открытой всеобщей мобилизации. 23 июня 1941 г. была начата открытая мобилизация и уже к 1 июля в ряды Вооруженных Сил было призвано 5,3 млн. человек (что означало увеличение общей чис-

ленности военнослужащих в два раза по сравнению с состоянием на 22 июня). Но 1 июля мобилизация, разумеется, не закончилась. Она еще только начиналась. В итоге до конца 1941 г. было мобилизовано в общей сложности 14 млн. человек. Располагая таким огромным людским ресурсом, командование Красной Армии могло как восполнять потери личного состава частей действующей армии, так и формировать все новые, новые и новые соединения. В целом во втором полугодии 1941 г. общий располагаемый «ресурс» личного состава (первоначальная численность действующей армии плюс пополнения и отправленные на фронт новые формирования) сторон соотносился как **2,7 к 1**. В связи с тем, что открытая мобилизация в СССР была объявлена не до, а после начала боевых действий, в первые дни и недели войны численное превосходство Красной Армии над вермахтом в личном составе и общем количестве дивизий было относительно небольшим (примерно **1,3 к 1**). Превосходство же в наиболее современных и эффективных (для того времени) родах войск — танках и авиации — было подавляющим с первых дней войны.

В составе войск немецкой Группы армий «Север» имелось 3 танковые дивизии, на вооружении которых было 602 танка. Противостоящие ей войска советского Северо-Западного фронта в период с 22 июня по 6 июля ввели в бой четыре мехкорпуса (12, 3, 21 и 1-й без одной танковой дивизии, которая воевала в это время в Заполярье), на вооружении которых было 2188 танков. Соотношение численности **3,6 к 1**. В скобках заме-

тим, что подготовленный военно-исторической службой Генерального штаба Российской армии под общей редакцией генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева статистический сборник «Гриф секретности снят» на стр. 368 сообщает, что в ходе «Прибалтийской оборонительной операции» в период с 22 июня по 9 июля войска С-З.ф. потеряли 2523 танка. Так что указанное нами (здесь и далее) количество танков в составе мехкорпусов Красной Армии занижено (вероятно, из-за недоучета процесса поступления новых танков, каковой процесс 22 июня 1941 г. отнюдь не закончился). Для самых дотошных читателей отметим, что немецкие танкисты в ходе боевых действий тоже получали новые танки. В частности, в период до 10 сентября 1941 г. три танковые дивизии группы армий «Север» получили следующие подкрепления: 1-я тд — ноль, 6-я тд — 2 (два) чешских танка Pz-35(t), 8-я тд — ноль. Всего же на Восточный фронт до 10 сентября поступило 10 (десять) Pz-IV, 35 (тридцать пять) Pz-III и 44 (сорок четыре) чешских Pz-35/38(t). Вот так «на Гитлера работала вся Европа»...

Самая мощная немецкая группа армий «Центр» имела в своем составе 9 танковых дивизий, 1936 танков. Противостоящий ей Западный фронт в период с 22 июня по 6 июля ввел в бой шесть мехкорпусов (11, 6, 13, 14, 7 и 5-й без 109-й мсд) и отдельную 57-ю тд, на вооружении которых было 4365 танков. Соотношение 2,25 к 1. Правда, на стр.368 сборника «Гриф секретности снят» сообщается, что потери танков Западного фронта с 22 июня по 9 июля составили 4799 машин.

В составе группы армий «Юг» было 5 танковых ди-

визий, 728 танков. Противостоящие ей войска Юго-Западного и Южного фронтов имели в своем составе десять мехкорпусов (22, 15, 4, 8, 16, 9, 19, 24, 2, 18-й). В полосе Ю-3. ф. воевала и 109-я мсд из состава переброшенного на Западный фронт 5-го мехкорпуса. Эта огромная бронированная орда насчитывала 5826 танков. Соотношение 8 к 1.

В целом на вооружении 17 немецких танковых дивизий было 3266 танков (а если — что будет совершенно логично — вычесть из общей численности 146 безоружных «командирских танков» и 152 учебно-боевые танкетки Pz-I с пулеметным вооружением, то у немцев не набирается и трех тысяч танков). Этой «стальной лавине» уже в первые 2 недели войны было противопоставлено 20 советских мехкорпусов, имевших до начала боевых действий **12 379 танков**. Соотношение численности танков 3,8 к 1. Для полной ясности уточним, что в расчет не были включены 11 дивизионов и 7 батарей самоходных «штурмовых орудий», что добавляет к немецким бронетанковым вооружениям еще 246 машин (включая бронированные транспортировщики боеприпасов). С другой стороны, мы не учли два формирующихся в Западном ОВО мехкорпуса, 17-й МК и 20-й МК, на вооружении которых было 63 и 94 танка соответственно, не учли танковые полки кавалерийских дивизий, не учли полторы тысячи легких плавающих танков в составе разведывательных подразделений стрелковых дивизий и корпусов. Общий состав танкового парка Красной Армии на 1 июня 1941 г. (не считая 2,4 тыс. устаревших танкеток Т-27, не считая 3,6 тыс. легких плаваю-

щих Т-37/Т-38/Т-40) выражался немыслимой ни для одной другой армии мира цифрой **19 540 танков**. Кроме того, на вооружении числилось 3258 пушечных бронеавтомобилей, по своему вооружению (45-мм пушка в танковой башне) превосходивших две трети того, что в вермахте называлось громким словом «танк»...

Совершенно уникальной была и степень механизации советской артиллерии. По штатному расписанию обычной (не мотострелковой!) стрелковой дивизии Красной Армии, гаубичному артиллерийскому полку полагалось два трактора на одну гаубицу, 90 грузовых и 3 легковые автомашины. В отдельном противотанковом дивизионе стрелковой дивизии на 18 «сорокапятков» приходилось 24 автомашины и 21 тягач. Причем в качестве тягача предполагалось использовать бронированный гусеничный «Комсомолец» — созданный на базе узлов и агрегатов легкого танка Т-38, вооруженный пулеметом в шаровой установке и в целом соответствующий по боевым возможностям немецкой танкетке Pz-I.

Это — штатное расписание апреля 1941 г. К началу войны довести укомплектованность стрелковых дивизий до таких высот (два тягача на одну гаубицу) не успели (на что неустанно ссылались все советские историки). Что же было сделано в реальности? Уже в феврале 1941 г. в РККА числилось 34 тыс. тракторов (гусеничных тягачей), 214 тыс. автомашин всех типов и 11,5 тыс. мотоциклов. К началу войны количество тракторов (гусеничных тягачей) выросло до 44 900 единиц. В том числе 7780 бронированных «Комсомоль-

цев». Теперь сравним количество средств мехтяги с количеством артсистем. К 22 июня во всей Красной Армии числилось 14,9 тыс. противотанковых пушек и 17,9 тыс. гаубиц и пушек калибра более 76 мм. Как видим, уже к 22 июня количество тягачей превысило число орудий.

Но 22 июня 1941 г. оснащение Красной Армии военной техникой отнюдь не завершилось. Этот очевидный (казалось бы) факт яростно игнорировался в советской историографии. И, тем не менее, в ходе начавшейся 23 июня открытой мобилизации Вооруженные силы получили еще 31,5 тыс. тракторов и 234 тыс. автомобилей. В результате укомплектованность войск тракторами (тягачами) была доведена до 80% от штатной потребности, т.е. от тех самых двух тягачей на одну гаубицу.

Вопреки всеобщему заблуждению, рация в Красной Армии тоже была. И далеко не одна. На начало января 1941 г. в Вооруженных силах СССР числилось:

- фронтовых радиостанций 40 штук (т.е. 8 на каждый из пяти будущих фронтов),
- армейских 845 штук (полсотни на одну общевойсковую армию),
- полковых (5АК) 5909 штук (примерно 4 штуки на полк).

Самыми крупными в мире были и советские ВВС. По числу авиационных эскадрилий, летных экипажей и боеготовых самолетов советская авиация также имела значительное (а на южном и северном флангах огромного фронта — подавляющее) превосходство над люфтваффе. В упомянутом выше докла-

де Ватутина от 13 июня 1941 г. сообщается о наличии «*всего 218 боеспособных (без учета новых, формирующихся. — М.С.) авиаполков*». Правда, уже в следующем абзаце, где указано распределение этих сил по фронтам (именно этот термин — «фронт» — использован в тексте от 13 июня), суммирование приводит к числу 225 авиаполков, т.е. 1125 эскадрилий. Чуть более половины этих сил было развернуто на западном ТВД (применительно к событиям первых недель советско-германской войны под театром военных действий следует понимать небо над Карелией и Мурманском, Прибалтикой, Белоруссией, правобережной Украиной, Молдавией и Крымом). Минимальные из имеющихся в нашем распоряжении цифр позволяют определить численность группировки советских ВВС (включая авиацию Балтийского и Черноморского флотов) в 136 авиаполков (**680 эскадрилий**), **7200 летных экипажей** (в том числе — порядка 3,6 тыс. летчиков-истребителей). Противник (1-й, 2-й, 4-й и некоторые части 5-го воздушных флотов люфтваффе) имел в своем составе 63 группы (авиаполка), т.е. **189 эскадрилий**, **2110 летных экипажей** (в том числе 910 летчиков-истребителей). Соотношение по числу эскадрилий 3,6 к 1. По числу экипажей — 3,4 к 1. По числу летчиков-истребителей — 4 к 1. А за спиной группировки советской авиации, развернутой на западном ТВД, стоял практически равный по численности (порядка 120 авиаполков) резерв во внутренних округах, в Закавказье и на Дальнем Востоке.

Самое неблагоприятное для советских ВВС соотно-

шение сил сложилось в полосе наступления группы армий «Центр». Здесь сосредоточена самая мощная группировка люфтваффе (2-й Воздушный флот) и самая слабая группировка советской авиации (ВВС Западного фронта и 3-й дальнебомбардировочный корпус). Но даже и на этом направлении численное превосходство было на стороне советской авиации (по числу эскадрилий — 1,6 к 1, по числу экипажей — 1,4 к 1, по числу летчиков-истребителей — 1,5 к 1).

На северном и южном флангах (Прибалтика, Украина) численное превосходство советской авиации над немецкой было огромным. В полосе наступления группы армий «Юг» (4-й ВФ люфтваффе) советские ВВС превосходили противника по истребителям в 5,4 раза, по экипажам бомбардировщиков — в 4,4 раза. В полосе наступления группы армий «Север» (1-й и часть сил 5-го ВФ люфтваффе) соотношение численности летчиков-истребителей составляет 7,2 к 1, экипажей бомбардировщиков — 4,3 к 1. Хилые силы немецкой авиации были настолько малы — как в сравнении с численностью ВВС Красной Армии, так и в сравнении с прогнозами советской разведки, — что в доклада штаба Северо-Западного фронта №3, подписанном в 12 часов дня 22 июня 1941 г., утверждалось дословно следующее: *«Противник еще не вводил в действие значительных сил ВВС, ограничиваясь действием отдельных групп и одиночных самолетов»*.

Мы не стали приводить цифры, характеризующие число боевых самолетов сторон, по двум причинам. Во-первых, потому, что самолет в военной авиации —

это расходный материал. Причем весьма быстро расходуемый: средний срок «жизни» самолета на войне исчисляется двумя-тремя десятками боевых вылетов. После этого его или сбивает противник, или он сам ломается в аварии, или его просто выводят из боевого состава на замену двигателей, реальный ресурс которых в боевых условиях не превышал 50—100 мото-часов. Во-вторых, исправных самолетов в ВВС западных округов было гораздо больше, чем летчиков (советская авиация стремительно обновляла самолетный парк, и во многих авиаполках — особенно истребительных — скапливалось по два комплекта самолетов). Поэтому оценка соотношения сил по числу самолетов (вместо оценки по числу экипажей и эскадрилий) привела бы нас к совершенно астрономическим цифрам.

Несколько слов следует сказать и об авиации союзников Германии. В боевых действиях в небе Карелии участвовали два финских истребительных и один бомбардировочный полк, на вооружении которых было порядка 180 боевых самолетов. Румынские ВВС располагали 8 эскадрильями истребителей и 11 эскадрильями бомбардировщиков, на вооружении которых к началу войны было около 200 самолетов. Разумеется, финские и румынские ВВС не могли сколь-нибудь существенно повлиять на соотношение сил сторон и ход боевых действий, тем более что им предстояло действовать именно на тех участках общего фронта, где численное превосходство советской авиации было огромным. Тем не менее, совсем сбрасывать со счетов их не следует. Прежде всего это от-

носится к ВВС Финляндии, летчики которой накопили за три месяца ожесточенных воздушных боев «зимней войны» 1939—1940 гг. значительный боевой опыт. В целом можно предположить, что авиация союзников увеличила процентов на 10 боевой потенциал люфтваффе.

Спустимся теперь с небес на землю и посмотрим на эту землю (точнее говоря — на географическую карту западных районов Советского Союза) пристальным взглядом. Война разворачивается, как всем известно, не на гладкой шахматной доске, а на реальной местности, с ее оврагами, ухабами, озерами, горами и болотами. И если никаких «наступательных» или «оборонительных» танков и самолетов нет и не было, то местность, напротив, может помогать или обороняющейся, или наступающей стороне. Это придумано не нами, и термины «танконедоступная местность», «танкоопасное направление» давно и прочно заняли свое место в военной литературе. Это тем более верно и значимо для армий 40-х годов, в которых мотострелковые батальоны танковых дивизий передвигались не на гусеничных бронетранспортерах, а на обычных, «гражданских» грузовиках и трофейных автобусах; да и немецкие танки на своих узких гусеницах застревали после первого же дождя на той местности, которая в России называется «дорогой».

Обратившись к карте, мы увидим, что немецкая группа армий «Север» сразу же после перехода границы «утыкалась» в полноводную реку Неман, при-

чем в его нижнем (т.е. наиболее широком) течении. Далее, форсировав множество малых рек и речушек, немецкие дивизии примерно в 250 км от границы выходили на берег широкой судоходной реки Западная Двина (Даугава), причем опять же в ее нижнем течении. Еще через 200—250 км на пути к Ленинграду немецкие войска должны были форсировать реку Великая, к северу от которой дорогу на Ленинград намертво перекрывала система Чудского и Псковского озер. И это — самый лучший из предоставленных природой вариантов. Войска групп армий «Центр» и «Юг» ждали гораздо более серьезные препятствия.

Местность в полосе наступления 3-й и 2-й танковых групп (южная Литва и западная Белоруссия) совершенно «противотанковая». С севера «белостокский выступ» прикрывает полоса непролазных болот в пойме лесной реки Бебжа, на юге граница была проведена по берегу судоходной реки Западный Буг (опять-таки в его нижнем течении). После форсирования Буга немцев ждали заболоченные берега реки Нарев и сплошной ряд лесных рек, притоков Припяти (Ясельда, Щара, Цна, Случь, Птичь). Немногочисленные дороги среди дремучих лесов и болот западной Белоруссии представляют собой некое подобие горных ущелий: застрявшую (или подбитую) головную машину колонны не объехать и не обойти. Восточнее Минска полосу наступления группы армий «Центр» с севера на юг пересекают две полноводные реки, с которыми в свое время

имел несчастье познакомиться Наполеон: Березина и Днепр.

Группа армий «Юг» могла начать вторжение практически лишь через узкий (100—120 км) «коридор» между городами Ковель и Броды. С севера этот коридор ограничен абсолютно непроходимой полосой болот Полесья, с юга — Карпатскими горами. Именно в этой полосе и наступали все немецкие танковые и моторизованные дивизии. На этом пути им предстояло форсировать Западный Буг, а затем — следующие один за другим с почти равными промежутками в 50—60 км южные притоки Припяти (Турья, Стоход, Стырь, Горынь, Случь). Южнее Карпат, в Молдавии и в степях юга Украины, местность, казалось бы, гораздо более благоприятная для наступающих войск — там нет ни лесов, ни болот. Зато есть три судоходные реки — Прут, Днестр, Южный Буг — в их нижнем течении. Наконец, на пути немецких и румынских войск неизбежно возникал могучий Днепр, форсирование которого в его нижнем течении представляет собой операцию, уже вполне сравнимую по сложности и рискованности с высадкой морского десанта. По сути дела, только к востоку от Днепра немецкие моторизованные соединения групп армий «Центр» и «Юг» выходили на местность, позволяющую осуществлять широкий и трудно предсказуемый оперативный маневр. Да только от границы до Днепра более 450 км. Это примерно соответствует размерам всей Германии от ее западной до восточной границы.

Препятствия, созданные самой природой, до-

полнялись и многократно усиливались препятствиями рукотворными. Вдоль западной границы Советского Союза, от Балтики до Черного моря, протянулась сплошная полоса укрепрайонов «линии Молотова»: Тельшайский, Шауляйский, Каунасский, Алитусский, Гродненский, Осовецкий, Замбровский, Брестский, Ковельский, Владимир-Волинский, Рава-Русский, Струмиловский, Перемышльский, Верхне-Прутский и Нижне-Прутский. К 22 июня 1941 г. в Западном ОВО было построено (по разным источникам) от 332 до 505 ДОТов, в Киевском ОВО — порядка 375. Вдвое большее число ДОТов находилось еще в стадии строительства. Например, в Брестском УРе было построено 128 ДОТов и еще 380 должны были быть сданы строителями к 1 июля 1941 г. В Рава-Русском УРе было построено 95 ДОТов и еще 306 находились в стадии строительства. В среднем на основных оперативных направлениях «линии Молотова» на каждом километре стояло три врытых в землю бетонных бункера, стены которых выдерживали прямое попадание снаряда тяжелой полевой гаубицы, причем один из них — полностью построенный и оборудованный.

На глубине в 200—300 км от границы располагались укрепрайоны «линии Сталина»: Кингисеппский, Псковский, Островский, Себежский, Полоцкий, Минский, Слуцкий, Мозырьский, Коростеньский, Новоград-Волинский, Шепетовский, Изяславский, Староконстантиновский, Остропольский, Летичевский, Каменец-Подольский, Могилев-Ямпольский, Рыбницкий, Тираспольский. Количество ДОТов в со-

ставе одного УРа было различным и находилось в диапазоне от 206 до 455. Плотность — от 2 до 3 ДОТов на 1 км фронта. По количеству и составу вооружения, по качеству железобетона, по оснащённости специальным оборудованием (фильтро-вентиляционные установки, проводная и радиосвязь, электрооборудование, оптические приборы) любой из этих ДОТов по меньшей мере не уступал оборонительным сооружениям пресловутой «линии Маннергейма». Вопреки легенде, тиражировавшейся многие десятилетия, ДОТы «линии Сталина» никто перед войной не взрывал и землей не засыпал. Напротив, 25 мая 1941 г. вышло очередное постановление правительства о мерах по реконструкции укрепрайонов на «старой» границе. Некоторые ДОТы «линии Сталина» целы и по сей день. Перевезти с них вооружение на «линию Молотова» никто не планировал, да это было и невозможно в принципе: ДОТы на «старой» границе были на 9/10 пулеметными, в то время как на новой границе ДОТов должно было быть в полтора раза больше (5807 против 3279), и половина из них должна была вооружаться артиллерийскими орудиями.

Подведем первые итоги. Факты, перечисленные выше, уже несут в себе достаточно информации для того, чтобы дать простые и точные ответы на вопросы, по которым десятки лет велась ожесточенная дискуссия. Например. Вопрос №1. Почему Сталин проспал нападение? Почему он не внял пресловутым «предупреждениям» Черчилля и Зорге? Почему не объявил мобилизацию? Почему «не двинул войска к границе»?

А почему он не должен был спокойно спать в ночь с 21 на 22 июня? В ночь перед экзаменом не спит и лихорадочно листает учебники двоечник. Который весь семестр бездельничал и не учился. Сталин не был бездельником. Многие годы он работал до поздней ночи (или раннего утра), лично решая тысячи вопросов, связанных с созданием, оснащением, вооружением, обучением крупнейшей армии мира. Эта армия была создана. Она была больше любой европейской армии. Она была вооружена таким количеством танков и самолетов, которых не было у всех противников Сталина, вместе взятых. На западе страны, по берегам могучих рек было выстроено два ряда мощнейших укреплений, на которых — товарищ Сталин доподлинно знал это из опыта финской войны — даже численно ничтожная армия может неделями сдерживать натиск наступающего противника. Но его армия не была «численно ничтожной». Даже в первом стратегическом эшелоне она превосходила по численности ту группировку вермахта, которую выявила (как мы теперь знаем — с некоторым преувеличением) его разведка. Так почему же Сталин должен был не спать? Метаться с потухшей трубкой по кабинету? Принимать какие-то судорожные решения, ломающие давно и тщательно проработанный Большой План? Объявлять открытую (!!!) мобилизацию, на сто лет вперед лишая себя возможности предстать перед всем миром в роли невинной жертвы вероломного нападения?

Вопрос №2. «А вот если бы Директиву №1 отправи-

ли в войска на день, на час, на полчаса раньше... А если бы Молотов выступил не в 12 часов дня, а в 9 часов утра... А если бы командующий Западного фронта объявил боевую тревогу тогда же, когда и командующий Южного фронта (т.е. на 4 часа раньше)... И вот тогда бы...»

Ничего бы не изменилось. Ни на оперативном, ни — тем более — на стратегическом уровне. Даже если бы мы ничего не знали про реальный ход боевых действий, даже если бы мы не знали о том, что самые крупные поражения 1941 года (Киевский и Вяземский «котлы») состоялись не в первый день, не в первую неделю и даже далеко не в первый месяц войны, даже если бы мы забыли о том, что разгром советских войск в Крыму и под Харьковом весной 1942 г. был ничуть не менее сокрушительным, нежели поражения и разгромы 41-го, даже ничего этого не зная, мы могли бы твердо утверждать, что ничего судьбоносного 22 июня 1941 г. не произошло. Потому что не могло произойти. Не тот масштаб. Не тот пространственный размах. Уничтожить одним первым ударом армию, имеющую в своем составе три сотни дивизий, десятки тысяч танков и самолетов, разбросанных на гигантских пространствах Советского Союза, можно было только массированно применив ракетно-ядерное оружие. Но атомной бомбы у Гитлера не было. Баллистические ракеты «Фау-2» и реактивные бомбардировщики существовали летом 1941 г. лишь в виде чертежей. К счастью для всех нас, надолго «оттянуть» начало войны с Советским Союзом Гитлеру не удалось. В результате из 117 дивизий армии втор-

жения три четверти были пехотными. С артиллерией на конной тяге. Солдаты вермахта переходили пограничные реки пешком. По мостам, которые еще надо было навести (или захватить и удержать). Расчетный темп марша (марша, а не наступления!) пехотной дивизии — 20 км в день. Без учета времени, потребного на форсирование рек, и без учета сопротивления противника, который в боевых действиях тоже участвует. Добавим к этому максимальную дальность стрельбы основных систем немецкой полевой артиллерии (10—20км), и мы получим величину максимально возможной глубины «зоны поражения 22 июня». По меньшей мере 4/5 всех дивизий Красной Армии находились вне этой зоны, на расстоянии в 50 — 500 — 5000 километров от границы. О начале войны они узнали из выступления Молотова по радио (как об этом и повествуется в сотнях мемуаров). И уж тем более не могли стать жертвами «первого уничтожающего удара» те 14 миллионов резервистов, которые надели солдатские шинели после объявления всеобщей мобилизации 23 июня 1941 г.

2. ЦЕНА И РЕЗУЛЬТАТ

Закончив с обсуждением того, чего не было, обратимся теперь к истории реальных событий.

Задача, поставленная перед вермахтом по плану «Барбаросса» (*«основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев...»*),

была выполнена уже к середине июля 1941 г. Войска Прибалтийского и Западного военных округов (более 70 дивизий) были разгромлены, уничтожены или взяты в плен. То же самое произошло и с 60 дивизиями, введенными в состав Северо-Западного и Западного фронтов уже в период с 22 июня по 9 июля. Через бóльшую часть укрепрайонов «линии Молотова» и «линии Сталина» немцы прошли, даже не обратив внимания на серые бетонные коробки ДОТов. Через другие — прорвались с боями, продолжавшимися не более двух-трех дней (речь идет именно о прорыве фронта укрепрайона, а не о сопротивлении некоторых гарнизонов, которые удерживали ДОТы Гродненского, Брестского, Осовецкого УРов до 27—30 июня 1941 г.). Противник занял Литву, Латвию, почти всю Белоруссию, форсировал Буг, Неман, Западную Двину, Березину и Днепр. 16 июля немцы заняли Смоленск. Две трети расстояния от западной границы до Москвы были пройдены менее чем за месяц. Войска Юго-Западного фронта в беспорядке отступили за линию старой советско-польской границы, в середине июля 1941 г. танковые части вермахта заняли Житомир и Бердичев, вышли к пригородам Киева.

Практически вся техника и тяжелое вооружение войск западных округов были потеряны. К 6—9 июля войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов потеряли **11,7 тыс. танков, 19 тыс. орудий**. Потери авиации уже к концу июля достигли цифры в **10 тыс. самолетов**, т.е. превысили исходную численность группировки советских ВВС на запад-

ном ТВД. Особенно тяжелые, практически невосполнимые потери понесли танковые войска. Главная ударная сила Красной Армии — огромные, вооруженные лучшими в мире танками Т-34 и КВ механизированные корпуса — просто растаяли, исчезли, оставив после себя груды брошенных танков, бронемашин, грузовиков и автоцистерн, запрудивших все дороги Литвы, Белоруссии и Западной Украины. Уже 15 июля 1941 г. остатки мехкорпусов были официально расформированы.

То, что советские историки скромно называли «неудачей приграничного сражения», означало на самом деле полный разгром Первого стратегического эшелона Красной Армии (по числу дивизий превосходившего любую армию Европы, а по количеству танков превосходившего их все вместе взятые). К 7—10 июля 1941 г. немцы заняли (точнее сказать — прошли) территорию площадью в 700 тыс. кв. км, что примерно в три раза больше территории Польши, оккупированной вермахтом в сентябре 1939 года. Правда, вскоре немецкому командованию пришлось узнать, что окруженные и разгромленные армии четырех западных округов (Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского) представляли собой лишь часть *«основных сил русских сухопутных войск»*. А на место разбитых дивизий из глубин огромной страны подходили все новые, новые и новые соединения. Все это бесчисленное воинство было разгромлено, окружено и пленено в новых «котлах»: у Смоленска и Рославля, Умани и Киева. К концу сентября 1941 г. Красная Армия только в

ходе семи основных стратегических операций потеряла **15 500 танков, 66 900 орудий и минометов**, 3,8 млн. единиц стрелкового оружия. Еще через месяц немцы захватили Харьков, Одессу и Крым, вышли к Москве и Тихвину.

Теперь взглянем на ситуацию первых недель войны с другой стороны. Какую цену заплатил вермахт за свой (скажем прямо — феноменальный) успех? *«Общие потери, — пишет начальник штаба сухопутных войск Ф. Гальдер, — к 6.7.41 г. составляют: раненых — 42 755 (1588); убитых — 13 869 (829); пропавших без вести — 5010 (81); итого = 61 634 (2498). Цифры в скобках показывают потери в офицерском составе, в общее число потерь они не включены».*

Если перевести данные Гальдера в более привычный для нас вид (объединив солдат и офицеров), то получаются следующие цифры потерь вермахта:

- 19,8 тыс. убитых и пропавших без вести,
- 44,3 тыс. раненых.

Итого: **64 тыс.** солдат и офицеров.

Много ли это? Все познается в сравнении. Для начала сравним потери первых недель советско-германской войны с потерями вермахта в Польше (сентябрь 1939 г.) и Франции (май—июнь 1940 г.).

Война в Польше: 14 тыс. убитых и пропавших без вести, 30 тыс. раненых, общие потери — **44 тыс.** человек.

Война во Франции: 45 тыс. убитых и пропавших без вести, 111 тыс. раненых, общие потери — **156 тыс.** человек.

Эти цифры взяты из известной монографии Тип-

пельскирха. По уточненным данным, представленным в столь же хрестоматийно известной работе Мюллер-Гиллебранда, в Польше вермахт потерял безвозвратно 17 тыс. человек, а во Франции — 49 тыс. человек.

В принципе, картина ясная, но некоторые пояснения все же необходимы. Польская армия по числу дивизий уступала советским войскам западных военных округов в пять раз. Техническая оснащенность польской армии 1939 г. и Красной Армии 1941 г. просто несопоставимы. Атакованная с трех сторон (с запада, из Восточной Пруссии, из занятой немцами Чехии) польская армия практически осталась без тыла, да еще и получила сокрушительный удар сталинского топора в спину. *«Польское государство, правители которого всегда проявляли так много заносчивости и бахвальства, — кричал 7 ноября 1939 г. с трибуны мавзолея нарком обороны Ворошилов, — при первом же военном столкновении разлетелось, как старая сгнившая телега...»* И, тем не менее, потери вермахта в Польше оказались немногим меньше тех, что понесли немцы при разгроме войск западных округов Советского Союза. Потери же вермахта во Франции (как общие, так и безвозвратные) в ходе того, что отечественные историки и по сей день не стесняются называть «триумфальным маршем», были в **2,5 раза больше**, чем потери на Восточном фронте к 6 июля 1941 года. И это при том, что вся французская армия была по числу людей, дивизий, танков и самолетов меньше Первого стратегического эшелона Красной Армии, а главные события войны с Францией про-

изошли на «пяточке» Нормандии и Фландрии, с максимальными расстояниями в 300 км по фронту и 250 км в глубину. Это примерно соответствует размерам Литвы, которую одна из трех, самая малочисленная, Группа армий «Север» заняла за одну неделю июня 1941 года.

Заслуживают краткого упоминания и результаты войны в воздухе. За первые три недели войны на Западном фронте (с 10 по 31 мая 1940 г.) безвозвратные потери люфтваффе (самолеты всех типов) составили **978** машин. За первые три недели войны на Восточном фронте (с 22 июня по 12 июля 1941 г.) безвозвратные потери люфтваффе (самолеты всех типов) составили: по так называемым «уточненным данным» — **550** самолетов, по простому суммированию еженедельных сводок штаба люфтваффе — **473** самолета. Т.е. в два раза меньше, чем в небе Франции.

В целом, за все время кампании на Западе (с 10 мая по 24 июня) люфтваффе потеряло на Западном фронте **1401** самолет безвозвратно, и еще 672 было повреждено. За сопоставимый промежуток времени (с 22 июня по 2 августа 1941 г.) потери немецкой авиации на Восточном фронте составили **968** сбитых и 606 поврежденных самолетов.

Таким образом, потери люфтваффе на Западном фронте были — в любом из рассматриваемых интервалов времени — выше, чем на Восточном. В тот период (май 1940 г.), когда французская авиация и базирующиеся во Франции английские истребители (суммарно 700—750 летчиков) еще имели возможность для организованного сопротивления, немецкие потери

были в **2 раза больше**, чем за первые три недели боевых действий на Востоке. Остается еще раз напомнить, что только в составе ВВС западных округов было 3,6 тыс. летчиков-истребителей (почти в пять раз больше, чем у союзников), и состав группировки советской авиации непрерывно увеличивался.

Все познается в сравнении. Сравним теперь потери вермахта с его численностью. Тот же Гальдер неоднократно определяет численность группировки немецких сухопутных войск на Востоке в 3,2 млн. человек. Таким образом, к 6 июля 1941 г. потери составили ровно **2% от общей численности**. Это, безусловно, не малые, а очень малые потери.

Даже тем, кто не закончил военную академию, должно быть понятно, что армия, которой пришлось сломить «упорное сопротивление противника», несет совсем другие потери. Поясним это тремя конкретными примерами.

Халхин-Гол. Численность группировки советских войск: три стрелковые дивизии, шесть танковых и мотоброневых бригад, 57 тысяч человек личного состава. Численность японских войск отечественные историки определяют в 75 тысяч человек (т.е. 5 «расчетных дивизий»). Активные боевые действия продолжались всего семь дней (с 23 по 30 августа 1939 г.). В сравнении с войной, в которую две огромные, многомиллионные армии вступили 22 июня 1941 г., конфликт на Халхин-Голе выглядит забытым мелким эпизодом. Тем не менее, потери Красной Армии составили **40 %** от общей численности группировки (8 тыс. убитых и пропавших без вести, 15 тыс. раненых). Сразу же от-

метим и то, что потери Красной Армии на Халхин-Голе оказались всего лишь в три раза меньше потерь, понесенных вермахтом в боях со 150 советскими дивизиями!

Операция «Багратион» (разгром немецких войск в Белоруссии летом 1944 г.). Численность группировки советских войск: 156 стрелковых, 12 кавалерийских дивизий, 2 стрелковые, 18 танковых и механизированных бригад, 2332 тыс. человек личного состава. Потери составили **33 %** от общей численности (179 тыс. убитых и пропавших без вести, 587 тыс. раненых и больных).

Львовско-Сандомирская операция (освобождение Западной Украины летом 1944 г.). Потери Красной Армии (65 тыс. убитых и пропавших без вести, 224 тыс. раненых и больных) составили **29 %** от общей численности группировки.

В целом, при освобождении Прибалтики, Белоруссии, западных областей Украины, Молдавии (в отечественной историографии это называется Прибалтийская, Белорусская, Львовско-Сандомирская и Яско-Кишиневская стратегические наступательные операции) Красная Армия потеряла **1400 тыс.** человек (318 тыс. убитых и пропавших без вести, 1084 тыс. раненых и заболевших). Уточним, что здесь не учтены потери Красной Армии в еще двух операциях по освобождению Западной Украины: Ровно-Луцкой и Проскурово-Черновицкой, данными по которым автор не располагает. Сравнивая эти страшные цифры с потерями, которые понес вермахт при оккупации тех же самых территорий в июне—начале июля 1941

г., мы обнаруживаем, что общие потери наступающей Красной Армии оказались в **22 раза больше** потерь наступавшего летом 1941 г. на той же местности вермахта.

Наконец, следует сопоставить потери вермахта (64 тыс. убитых и раненых) с потерями Красной Армии. Войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов в период с 22 июня по 6—9 июля потеряли **749 тыс.** человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Эта цифра не включает потери Северного фронта (Ленинградский ВО) и Южного фронта (Одесский ВО), которые начали активные боевые действия, соответственно, 29 июня и 2 июля. Но даже и без учета потерь этих фронтов соотношение потерь наступающего (причем очень успешно, по 20—30 км в день, наступающего) вермахта и обороняющейся Красной Армии составляет **1 к 12**. Это есть «чудо», не укладывающееся ни в какие каноны военной науки. По здравой логике — и по всей практике войн и вооруженных конфликтов — потери наступающего должны быть больше потерь обороняющегося. Соотношение потерь 1 к 12 возможно разве что в случае, когда белые колонизаторы, приплывшие в Африку с пушками и ружьями, наступают на «противника», вооруженного копьями и мотыгами. Но летом 1941 г. на западных границах СССР была совсем другая ситуация: обороняющаяся сторона не уступала противнику ни в численности, ни в вооружении (уже один только факт потери 19 тыс. орудий говорит о том, что пушки эти были), значительно превосходила его в сред-

ствах нанесения мощного контрудара — танках и авиации, да еще и имела возможность построить свою оборону на системе мощных естественных преград и долговременных оборонительных сооружений.

Не менее красноречивы и цифры, характеризующие соотношение потерь боевой техники. Как было уже отмечено выше, к концу сентября 1941 г. Красная Армия потеряла 15,5 тыс. танков. Потери танковых дивизий вермахта (правда, не к концу месяца, а к 5—6 сентября) составили: 285 легких Pz-II, 471 чешский Pz-35/38(t), 639 средних Pz-III и 256 «тяжелых» Pz-IV. Всего 1651 танк. Это общая цифра потерь, включающая в себя как безвозвратно списанные машины, так и те танки, которые находились в ремонте. Но даже при таком, не вполне корректном, сравнении соотношение потерь сторон составляет 1 к 9. Подсчет, проведенный с учетом только безвозвратных потерь, увеличивает эту пропорцию почти вдвое.

Весьма показательны и соотношение потерь танков на южном фланге советско-германского фронта. Дело в том, что на вооружении восьми мехкорпусов Юго-Западного фронта накануне войны числилось 833 новейших танка Т-34 и КВ — больше, чем было всяких разных в составе пяти танковых дивизий 1-й танковой группы вермахта (728 танков). Длинноствольная 76-мм пушка Ф-34, установленная на советских танках Т-34 и КВ, пробивала лобовую броню самых защищенных немецких танков (Pz III серии J, Pz IV серии F) на дистанции в 1000—1200

метров. Легкие танки с противопульным бронированием (а таких в составе 1-й ТГр было 319 единиц) снаряд пушки Ф-34 пробивал сквозь два борта. С другой стороны, ни один танк вермахта не мог поразить Т-34 даже с 500 м. Строго говоря, в составе 1-й ТГр было 255 танков Pz-III, вооруженных 50-мм пушкой, которая могла специальным подкалиберным снарядом с сердечником из карбида вольфрама (бронепробиваемость до 65 мм на дистанции 300 м) поразить Т-34, но из-за дефицита вольфрама такие боеприпасы были большой редкостью. Ну а против 48-тонного монстра KV с лобовой броней 95 мм и бортовой 75 мм любые немецкие танки были просто безоружны. Таким образом, огромный количественный перевес танковых войск Юго-Западного фронта дополнялся абсолютным качественным превосходством. Тем не менее, Ю-3.ф. уже к 6 июля потерял 4381 танк. Потери же 1-й танковой группы к концу августа составляли: 183 танка потеряно безвозвратно и 198 находились в ремонте. Соотношение безвозвратных потерь **1 к 24**.

1 к 24. Две эти цифры дают простой ответ на вопрос о том, «что было бы, если бы удалось оттянуть...» В советской историографии этим словом обозначают перенос даты начала советско-германской войны на более поздний срок. Каковой перенос якобы позволил бы «завершить перевооружение армии». Не говоря уже о том, что полностью и окончательно «завершить перевооружение» может только разгромленная армия, сама идея «оттягивания» абсурдна в принципе. Да, конечно, 15 минут дополнительного вре-

мени футбольного матча могут гарантированно привести к победе. Но при одном условии: если вся команда противника сядет на скамеечку и позволит вам забивать голы в пустые ворота. А если нет? А если противник тоже постарается использовать каждую из этих 15 минут для укрепления своей обороны и штурма ваших ворот? В начале 40-х годов Германия стремительно догоняла Советский Союз по качеству и техническому совершенству своей боевой техники. К концу войны — несомненно, обогнала. Обогнала в условиях экономической блокады и среди развалин городов, дотла разрушенных ударами англо-американской авиации. А что было бы на вооружении вермахта и люфтваффе, если бы Гитлер и вправду смог оттянуть начало войны против СССР? Возвращаясь от сослагательного наклонения к реальной истории, мы видим, что перевооружение танковых дивизий Киевского округа новейшими танками ничего не изменило ни в ходе боевых действий, ни в динамике потерь техники.

Два поколения советских (а теперь уже и российских) историков вели непримиримую борьбу с советскими танками 1941 года. Их просто смешали с грязью (не на поле боя, разумеется, а на бумаге). Было «доподлинно установлено», что все танки были поломанные, безнадежно устаревшие, изношенные, с ничтожным остатком в 100—150 часов моторесурса. Шестеренки были слишком хрупкими, пальцы гусеничных траков — слишком мягкими, фильтры не фильтровали, перескопы не перескопили... Короче говоря, на них не то что воевать — проехать 50 км из

пункта А в пункт Б было невозможно. Просто диву даешься — как эти безнадежные «тридцатьчетверки» простояли на вооружении многих армий мира до середины 60-х годов. К счастью, борьба эта была бескровной. К несчастью, она имела вполне конкретные, ощутимые экономические последствия. Два поколения советских генералов было воспитано и обучено в военных академиях на мифе о том, что катастрофа 41-го года случилась из-за технической отсталости Красной Армии.

Советские генералы не хотели повторения катастрофы и полвека давили на партийную верхушку, требуя окончательно и бесповоротно «перевооружить» Советскую Армию так, чтобы и друзья боялись. В результате Советский Союз рухнул и исчез с политической карты, имея на вооружении — кроме всего прочего — 30 тысяч лучших в мире танков...

Подробный анализ тактико-технических характеристик советских танков, самолетов, орудий и артиллерийских тягачей, серьезное и беспристрастное сравнение их с техникой противника далеко выходят за рамки этой статьи. Не будем даже пытаться «объять необъятное». Возьмемся лучше за винтовку.

На странице 367 многократно упомянутого нами статистического сборника «Гриф секретности снят» написано, что в 1941 году Красная Армия потеряла **6 290 000 единиц стрелкового оружия**. Самое распространенное «стрелковое оружие» 1941 года — трехлинейная винтовка Мосина. Оружие это было и осталось непревзойденным образцом надежности и долговечности. «Трехлинейку» можно было утопить

в болоте, зарыть в песок, уронить в соленую морскую воду — а она все стреляла и стреляла. Вес этого подлинного шедевра инженерной мысли — 3,5 кг без патронов. Это означает, что любой молодой и здоровый мужчина (а именно из таких и состояла летом 1941 г. Красная Армия) мог без особого напряжения вынести с поля боя 3—4 винтовки. А уж самая закудалая колхозная кобыла, запряженная в простую крестьянскую телегу, могла вывезти в тыл сотню «трехлинеек», оставшихся от убитых и раненых бойцов. И еще. Винтовки «просто так» не раздают. Каждая имеет свой индивидуальный номер, каждая выдается персонально и под роспись. Каждому, даже самому «молодому» первогодку, объяснили, что за потерю личного оружия он пойдет под трибунал. Как же могли пропасть шесть миллионов винтовок и пулеметов?

Не будем упрощать. На войне — как на войне. Не всегда удается собрать на поле боя все винтовки до последней. Не каждый грузовик и не каждый вагон с оружием в боевой обстановке доходит до места назначения. Наконец, какое-то количество винтовок и автоматов на самом деле могли быть испорчены огнем, взрывом, заполярным холодом. Можно ли ориентировочно оценить размер таких «нормальных» потерь стрелкового оружия? Разумеется, можно. Поработав несколько минут с калькулятором и все тем же сборником «Гриф секретности снят», мы выясняем, что в 44—45-м годах один миллион солдат «терял» в месяц 36 тысяч единиц стрелкового оружия. Следовательно, за шесть месяцев 1941 года «нормальные» потери не

должны были бы превысить 650—700 тысяч единиц. Фактически потеряно — 6,3 млн. Налицо «сверхнормативная» утрата более **5,6 миллиона** единиц стрелкового оружия.

Столь же «ненормальными» оказались и потери других видов вооружения. Так, за шесть месяцев 1941 года было потеряно 24 400 орудий полевой артиллерии (в эту цифру не вошли противотанковые пушки и минометы), что составило 56% от общего ресурса. А за 12 месяцев 1943 года потеряно 5700 орудий (9,7% ресурса). Таким образом, «среднемесячные» потери 1941 года оказались в **8,5 раза больше**, чем в году 43-м. Еще более показательными являются пропорции потерь орудий противотанковой обороны. По состоянию на 22 июня 1941 г. в Красной Армии числилось 14 900 противотанковых пушек (на самом деле — еще больше, так как составители сборника «Гриф секретности снят» почему-то не учли 76-мм и 88-мм пушки, стоявшие на вооружении ПТАБов). В дополнение к этому колоссальному количеству (по **5 пушек против одного немецкого танка**) за шесть месяцев 1941 г. советская промышленность передала в войска еще 2500 противотанковых пушек. Итого — общий ресурс в 17 400 единиц, из которого 70% (12 100 пушек) было потеряно. А за весь 1943 год — за все его 12 месяцев — потеряно 5500 противотанковых пушек, что составило всего лишь 14,6% от общего ресурса 43-го года. В качестве примера для сравнения 1943 год выбран не случайно. Это год грандиозных танковых сражений на Курской дуге, это тот год, когда немцы на-

чали массовое производство тяжелых танков «Тигр» и «Пантера», против которых наши «сорокапятки» (а именно они все еще составляли 95% от общего ресурса 1943 года) были совершенно беспомощны. И, тем не менее, в 1943 году Красная Армия теряла по 460 пушек в месяц, а в 1941 году — в то время, когда два из трех немецких танков на Восточном фронте были легкими машинами с противоположным бронированием — по 2000 в месяц. **В 4,5 раза больше.** Но и это — абсолютно неверный подсчет. Не было никакой «равномерной» потери по две тысячи пушек каждый месяц. Была массовая потеря большей части всего противотанкового вооружения в первые недели войны — и бутылки с горючей смесью КС, которые были официально приняты на вооружение Красной Армии и запущены в серийное производство уже через месяц после начала боевых действий.

Приведенные цифры настолько невероятны, что сразу же возникает резонный вопрос: «А верны ли они?»

В том, что касается учета потерь личного состава, на этот вопрос можно ответить твердым «нет». Потери личного состава Красной Армии, приведенные в статсборнике Г.Ф. Кривошеева, явно занижены. Проиллюстрируем это следующим конкретным примером. На стр. 162 указанного сборника сообщается, что войска Северо-Западного фронта (численность которых к началу боевых действий определена составителями в 440 тыс. человек) до 9 июля потеряли 87 208 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вес-

ти. 20% от первоначальной численности. Может ли эта цифра соответствовать действительности? Конечно, нет. Все имеющиеся в нашем распоряжении документы, мемуары, исследования с абсолютным единодушием свидетельствуют — фронт был разгромлен. Разгромлен наголову. Приведем лишь несколько отрывков из донесений, которые командование С-3.ф. посылало в Москву:

28 июня «...8-я армия, понесшая 40% и более потерь, отходит на северный берег Западная Двина.

2-я танковая дивизия, видимо, погибла. Положение 5-й танковой дивизии и 84-й моторизованной дивизии не знаю.

11-я армия как соединение не существует.

Положения 5, 33, 188, 128, 23 и 126-й стрелковых дивизий не знаю...»

29 июня «...у Двинск наши силы: две воздушно-десантные бригады, из коих одна фактически не существует из-за понесенных потерь, два сводных полка, сформированных из отставших, остатки 2-й танковой дивизии без единого танка и 46-я моторизованная дивизия 21-го механизированного корпуса — всего 1000 человек...»

2 июля «... 5-я танковая дивизия 24.6. в районе Вильнюс была окружена противником и рассеялась. Оставшиеся бойцы и командиры только 26.6.41 г. стали появляться в районе Полоцк и 30.6.41 г. в районе Псков. Мат. часть боевых машин полностью уничтожена или оставлена на территории противника...

2-я танковая дивизия... попала в окружение, и больше сведений о ней не было. Сейчас, так же как и в 5-й тан-

ковой дивизии, остатки собираются в районе Псков и Полоцк.

84-я моторизованная дивизия... подверглась сильной бомбардировке авиацией противника и впоследствии окружена и дралась в окружении до 25.6. Сведений о ней нет, встречаются в различных пунктах отдельные красноармейцы...»

3 июля «... состояние частей 8-й армии характеризуется следующими данными:

10-я стрелковая дивизия: 98-й стрелковый полк почти полностью уничтожен; от 204-го стрелкового полка осталось 30 человек без материальной части; 30-й артиллерийский полк имеет одно орудие; 140-й гаубичный артиллерийский полк из 36 орудий потерял 21...

Части и управление 90-й стрелковой дивизии до сих пор найти не удалось. Отдельные бойцы дивизии присоединены к частям 10-й стрелковой дивизии.

Данные о состоянии остальных частей армии не поступили...

...Состав соединений 12-го механизированного корпуса на 3.7.41 г.:

23-я танковая дивизия — 10 танков, 150 человек пехоты, снарядов не имеет;

28-я танковая дивизия — 22 танка, мотострелковый полк почти в полном составе;

202-я моторизованная дивизия — около 600 человек ...»

Как же можно совместить такие рапорты с утверждением о потере «всего лишь» (простите за цинизм) 20% от исходной численности личного состава? Впрочем, в упомянутом статистическом сборнике есть еще стр. 368. На ней мы читаем, что в тот же са-

мый период, с 22 июня по 9 июля, С-З.ф. потерял 341 тыс. единиц стрелкового оружия. Вот это уже позволяет оценить с некоторой долей достоверности реальные потери...

Постоянный недоучет числа потерь (главным образом — «пропавших без вести») привел к тому, что в итоговой таблице № 69 на стр. 146 общее число пропавших без вести в 1941 г. определено в 2 335 482 человека. И это при том, что общепризнанная, основанная на давно рассекреченных и всесторонне изученных документах вермахта оценка числа советских пленных 1941 года составляет 3,8 млн. человек. Не претендуя на абсолютную точность, попытаемся оценить общие потери Красной Армии в 1941 году. Решать эту задачу будем, забыв на минуту о том, что речь идет о миллионах загубленных людей. Просто как задачу про бассейн, в который по одной трубе вливается, из другой — выливается. Известно (все тот же статистический сборник Кривошеева, стр. 152), что среднемесячная численность действующей армии к концу 1941 г. не только не увеличилась, но даже несколько снизилась (2 818 500 против 3 334 400). Единственно возможное объяснение такой динамики: потери превысили численность пополнения (из бассейна вылилось больше, чем влилось).

Какие же людские ресурсы получила во второй половине 1941 года Красная Армия? Всего было мобилизовано 14 млн. человек. Разумеется, далеко не все они попали в действующую армию. Действующая армия — это только одна из составляющих Во-

оруженных Сил. Есть еще тыловые и учебные части, испытательные полигоны, есть склады и базы, госпитали, тыловые аэродромы. Например, в Германии при общей численности вооруженных сил рейха в 7,25 млн. чел. в частях и соединениях действующей армии (на всех фронтах) в июне 1941 г. было 3,8 млн. (52%). В СССР на протяжении трех последних лет войны доля личного состава действующей армии составляла 57—58% от общего числа военнослужащих. Можно обоснованно предположить, что такие же цифры применимы и к распределению людских ресурсов в 1941 г. В таком случае, из общего числа 14 млн. человек, призванных по мобилизации, в состав действующей армии должно было поступить не менее 8 млн. человек. И это — минимальная оценка. Не будем забывать о том, что в состав действующих фронтов летом 1941 г. вошли еще и армии второго стратегического эшелона, затем — войска ранее считавшихся тыловыми внутренних округов, а в конце года — части Дальневосточного фронта.

Такая простая арифметика приводит нас к тому, что Красная Армия потеряла в 1941 г. как минимум 8,5 млн. человек ($3\,334\,400 + 8\,000\,000 - 2\,818\,500 = 8,5$ млн.). А теперь — самое главное: из каких же составляющих сложилась эта кошмарная цифра?

Наиболее достоверными (по мнению автора) являются данные по количеству раненых, поступивших на излечение в госпитали. В глубоком тылу и порядка было больше, и учет был по меньшей мере двойной (и при поступлении, и при выписке). Так вот, все санитарные

потери действующей армии (раненые и заболевшие) авторы сборника «Гриф секретности снят» определили в 1314 тыс. человек. Исходя из постоянного для всех войн XX века соотношения раненых и убитых как 3 к 1, можно предположить, что 450 тыс. человек погибло на поле боя.

Фактически — точнее говоря, по сводкам штабов частей и соединений действующей армии — число убитых и умерших от ран в госпиталях составило 567 тыс. человек. Даже если предположить самое худшее — ни один раненый до конца 1941 года так и не вернулся в строй — и прибавить к числу убитых и умерших все санитарные потери (1314 тысяч), то получается, что учтенные боевые потери 1941 г. (т.е. убитые и раненые) составляют не более 2,0 млн. человек. Еще 6,4 млн. бойцов и командиров «пропали без вести».

6,4 миллиона. Столько, сколько было в действующей армии 22 июня 1941 года, и еще раз столько.

Разумеется, термин «пропавшие без вести» является эвфемизмом, призванным заменить другие, гораздо менее благозвучные термины. «Типовая схема» разгрома и исчезновения воинской части Красной Армии известна. Известна из великого множества документов, воспоминаний, книг:

Пункт первый. Раздается истошный крик: «Окружили!» Летом 1941 года это незатейливое слово творило чудеса.

«Одно-единственное, редкое, почти не употребляемое в мирной жизни, роковое слово правило несметными та-

бунами людей, бегущих, бредущих, ползущих куда-то безо всяких приказов и правил...» (В. Астафьев)

Пункт второй. Потеря командира. Причины могли быть самые разные: погиб, ранен, уехал выяснить обстановку в вышестоящий штаб, застрелился, просто сбежал.

Пункт третий. Кто-то из «бывалых», взявший на себя командование обезглавленной воинской частью, принимает решение: прорываться на восток «мелкими группами». Все. Это — конец. Через несколько дней (или часов) бывший батальон (полк, дивизия) рассыпается в пыль и прах.

Пункт четвертый. Огромное количество одиноких «странников», побродив без толка, без смысла и без еды по полям и лесам, выходит в деревни, к людям. А в деревне — немцы. Те самые немцы, которых и должна была остановить рассыпавшаяся по лесам и полям дивизия. Дальше вариантов уже совсем мало: сердобольная вдовушка, лагерь для военнопленных, служба в «полицаях». Вот и все.

Каким словом вправе мы назвать этих людей? Дезертиры, изменники Родины, сдавшиеся в плен, захваченные в плен? Отнюдь не претендуя на то, чтобы подменять компетентные органы и давать персональные оценки, постараемся хотя бы ориентировочно оценить масштаб катастрофы (сама природа такого явления, как массовое дезертирство, исключает возможность точного, поименного учета).

Полученная нами чисто расчетным путем цифра в 6,4 миллиона «пропавших без вести» (т.е. пленных, дезертиров, не учтенных в донесениях штабов убитых и

раненых) с приемлемой точностью коррелируется с другими, вполне достоверными сведениями. Например, с указанной выше цифрой потерь стрелкового оружия (6,3 млн. единиц)

Далее. Немецкое военное командование зафиксировало пленение в 1941 г. 3,8 млн. бывших военнослужащих Красной Армии. Эта цифра, как справедливо уточняют советские историки, может быть несколько завышена за счет того, что в число пленных немцы включали и военных строителей (а в ряде случаев — и просто мужчин из числа гражданского населения, мобилизованного на рытье окопов и противотанковых рвов). Это верно, как верно и то, что речь идет всего лишь о единицах процентов от общего числа пленных. Никакой нужды в «вылавливании» гражданских строителей и зачислении их в число военнопленных Красной Армии у немцев не было. Более того, уже к концу июля 1941 г. поток военнопленных превысил возможности вермахта по их охране и содержанию. Дело дошло до того, что 25 июля 1941 г. был издан приказ генерал-квартирмейстера № 11\4590, в соответствии с которым началось массовое освобождение пленных ряда национальностей (украинцев, белорусов, прибалтов). За время действия этого приказа, т.е. до 13 ноября 1941 г., было распущено по домам 318 770 бывших красноармейцев (главным образом украинцев — 277 761 человек).

По данным, приведенном все в том же сборнике «Гриф секретности снят» (т.е. по меньшей мере не завышенным в целях «злобного шельмования Красной Армии»), советское военное командование и

органы НКВД обнаружили и осудили за дезертирство **376 тыс.** бывших военнослужащих. Еще **940 тыс.** человек было «призвано вторично». Этим странным термином обозначены те бойцы и командиры Красной Армии, которые по разным причинам «отстали» от своей воинской части и остались на оккупированной немцами территории. По мере наступления Красной Армии, в 43—44-м гг. они были повторно поставлены под ружье. При этом не следует забывать и о том, что исходное число «отставших» было значительно больше: кто-то погиб от нищеты, голода, обстрелов, расстрелов и бомбежек, кто-то пошел в партизаны и погиб в бою, кто-то записался в «полицаи» и ушел вместе с отступающими частями вермахта.

Вероятно, мы не сильно ошибемся, оценивая общее число дезертиров (если только этот термин вообще применим к ситуации массового развала армии) в **1,3—1,5 млн.** человек. И эта цифра скорее занижена, чем завышена. На странице 140 суммарное число всех категорий выбывшего личного состава Красной Армии — убитые, умершие, пропавшие без вести, пленные, осужденные и отправленные в ГУЛАГ (а не в штрафбат, который является частью армии), демобилизованные по ранению и болезни и «прочие» — не сходится с указанным на странице 139 общим числом «убывших по различным причинам из Вооруженных Сил» на **2248 тыс.** человек. Сами составители сборника прямо объясняют такую нестыковку «значительным числом неразысканных дезертиров».

Арифметическая разница ($6,4 - 3,8 - 1,5 = 1,1$) может быть отражением неточности нашей оценки общего числа «пропавших без вести». Хорошо, если бы это было так. К несчастью, есть все основания предположить, что этот «найденный миллион» состоит из раненых, брошенных при паническом бегстве, и не учтенных в донесениях с фронта убитых. По крайней мере, многие советские историки в своих сочинениях без тени смущения сообщали читателям о том, что «раненые, которых не удалось эвакуировать, были переданы на попечение местного населения». Стоит ли обсуждать вопрос о том, каким образом «местное население», в доме у которого не было ни медикаментов, ни даже лишнего стакана молока, могло взять на свое «попечение» тяжелораненых солдат? 17 ноября 1941 г. начальник Политуправления Западного фронта дивизионный комиссар Лестев в докладе «О политико-моральном состоянии войск» писал: *«Тяжелораненные или раненные в ноги, которые не могли идти и даже ползти, в лучшем случае оставались в деревнях или просто бросались на поле боя, в лесах, и погибали медленной смертью от голода и потери крови. Все это происходило на глазах у людей и являлось одной из причин того, что многие красноармейцы и командиры стремились уклониться от боя, ибо в ранении видели неизбежность гибели»*. По сведениям, приведенным Г.Ф. Кривошеевым, 200 (двести) армейских госпиталей пропали без вести, 17 — вышли из окружения «с большими потерями».

То, что летом 1941 г. именно массовое дезертир-

ство и массовая сдача в плен были главной составляющей потерь Красной Армии, отчетливо видно и по тем (как уже было показано — значительно заниженным) данным, которые приводят составители сборника «Гриф секретности снят». Например, за 32 дня своего существования в июле—августе 1941 г. Центральный фронт безвозвратно потерял 111 тыс. бойцов и командиров. В том числе: 9199 (8%) убитых, 45 824 пропавших без вести и пленных и еще 55 985 человек проходят по странной графе «небоевые безвозвратные потери». Центральный фронт воевал очень недолго. Западный фронт, непрерывно меняя своих командующих и поглощая все новые и новые десятки дивизий, дожил до конца 1941 года. Его безвозвратные потери составили 956 тыс. человек, из которых 849 тыс. (89%) пропали без вести, попали в плен и в «небоевые потери». Такая же неприглядная ситуация сложилась и на южном фланге войны. Войска Юго-Западного и Южного фронтов безвозвратно потеряли в 1941 году 956 тыс. человек (это не опечатка, а случайное совпадение с числом потерь З.ф.). Из них 864 тыс. (90%) пропали без вести, сдались в плен, дезертировали.

3. ПРОСТЫЕ ОТВЕТЫ

Первым абсолютно точно понял смысл происходящего сам Сталин. Возможно, именно потому так быстро и так правильно понял, что его «университетами» была подпольная работа в подрывной организации, которая однажды развалила русскую армию

прямо во время мировой войны. Сталин конкретно знал, как рушатся империи и исчезают многомиллионные армии. Поэтому всего семь дней потребовалось ему для того, чтобы понять, в чем главная причина неслыханного разгрома. Открывшаяся истина оказалась непомерно тяжелой и ошеломляюще неожиданной даже для этого человека с каменным сердцем и стальными нервами. В ночь с 28 на 29 июня Сталин бросил все и всех, уехал на «ближнюю дачу», где и провел в полной прострации два дня — 29 и 30 июня, не отвечая на телефонные звонки и ни с кем не встречаясь.

Нам не надо проводить спиритические сеансы и вызывать духов умерших для того, чтобы узнать, о чем думал и к каким выводам пришел Сталин. Свои решения он выражал в виде приказов, которые поступали в войска или от него лично, или от имени Ставки, наркома обороны, Генерального штаба, командующих фронтами и стратегическими направлениями. Прочитируем лишь некоторые из них:

Постановление ГКО № 00381 от 16 июля 1941 года (подписано лично Сталиным):

«...отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушая Присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником...»

Приказ Главного командующего войсками Северо-Западного направления № 3 от 14 июля 1941 г.:

«...войска Северо-Западного фронта, не всегда давая

должный отпор противнику, часто оставляют свои позиции, даже не вступая в решительное сражение. Отдельные паникеры и трусы не только самовольно покидают боевой фронт, но и сеют панику среди честных и стойких бойцов. Командиры и политработники в ряде случаев не только не пресекают панику, не организуют и не ведут свои части в бой, но своим позорным поведением иногда еще больше усиливают дезорганизацию и панику на линии фронта...»

Приказ командующего Северо-Западным фронтом № 044 от 26 июля 1941 г.:

«...Приказываю

1. Командирам и военным комиссарам соединений и частей обязать всех командиров и политработников, под их личную ответственность, в трехдневный срок нашить на шинели и гимнастерки петлицы, нарукавные знаки и знаки различия.

2. Впредь всех лиц начсостава, допускающих нарушения формы одежды, снявших знаки различия, рассматривать как трусов и паникеров, бесчестящих высокое звание командира Красной Армии, и привлекать их к суровой ответственности, вплоть до предания суду военных трибуналов».

Приказ Ставки № 270 от 16 августа 1941 г.:

«...командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту... расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава... Если начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать ему в плен — уничтожить

их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи...»

Директива Ставки № 001919 от 12 сентября 1941 г.:

«Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать: «нас окружили» и увлекают за собой остальных бойцов. В результате дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть и потом одиночками начинает выходить из леса. Подобные явления имеют место на всех фронтах» (подчеркнуто мной. — М.С.).

Директива Ставки ВГК № 002202 от 21 сентября 1941 г. (приведен полный текст без сокращений):

«Ставка Верховного Главнокомандования предлагает срочно донести:

- 1. Оставлен нашими частями Киев или нет?*
- 2. Если Киев оставлен, то взорваны мосты или нет?*
- 3. Если взорваны мосты, то кто ручается, что действительно мосты взорваны?»*

Если вопрос о моральном состоянии армии, в которой издавались приказы такого содержания, еще нуждается в каких-то комментариях, то в качестве таковых остается привести следующие три цифры:

163 командира дивизии (бригады)

221 начальник штаба дивизии (бригады)

1114 командиров полков

Это перечень командиров сухопутных войск (без учета авиационных командиров, не вернувшихся с

боевого вылета), пропавших без вести за все годы войны. Принимая во внимание, что по штату одной стрелковой дивизии требовался один командир, один начальник штаба и пять командиров полков (три стрелковых, два артиллерийских), мы приходим к выводу, что без вести пропал офицерский корпус, по численности более чем достаточный для полного укомплектования старшего начсостава всех дивизий пяти западных военных округов СССР. Стоит отметить и то, что даже к началу 90-х годов не были известны места захоронений 44 генералов Красной Армии (не считая тех, кто был расстрелян или умер в тюрьмах и лагерях, не считая погибших во вражеском плену). Сорок четыре генерала — среди них двадцатка командиров корпусного и армейского звена — разделили судьбу миллионов рядовых солдат, бесследно сгинувших в пучине войны. А ведь между генералом и солдатом есть большая разница. Солдат часто воюет в одиночку и порою гибнет без свидетелей. Но как же мог пропасть без вести генерал, командир дивизии или корпуса? Командир в одиночестве не воюет. Командование и штаб дивизии имели численность (по штату апреля 1941 г.) в 75 человек. Это не считая личный состав политотдела, трибунала и комендантского взвода. В штабных структурах корпуса и армии людей еще больше. До каких же пределов должны были дойти хаос, паника, дезертирство, чтобы командир корпуса или дивизии «пропал» в чистом поле, без приметы и следа?

Да и не все «пропавшие без вести» генералы пропали бесследно. За добровольную сдачу в плен и сотруд-

ничество с оккупантами после войны было расстреляно или повешено 23 бывших генерала Красной Армии (это не считая гораздо большего числа тех, кто получил за предательство полновесный лагерный срок). Среди изменников были и командиры самого высокого ранга:

- начальник оперативного отдела штаба Северо-Западного фронта Трухин,
- командующий 2-й Ударной армии Власов,
- начальник штаба 19-й армии Малышкин,
- член Военного совета 32-й армии Жиленков,
- командир 4-го стрелкового корпуса (Западный фронт) Егоров,
- командир 21-го стрелкового корпуса (Западный фронт) Закутный.

Да, десять человек из числа казненных генералов были в конце 50-х посмертно реабилитированы. Но при этом не следует забывать, что реабилитации 50-х годов проводились по тем же самым правилам, что и репрессии 30-х. Списком, безо всякого объективного разбирательства, по прямому указанию «директивных органов»...

Казненные генералы известны поименно. О рядовых, как всегда, известны только суммарные числа. Так, за неполные четыре месяца войны (с 22 июня по 10 октября 1941 г.) по приговорам военных трибуналов и Особых отделов НКВД было расстреляно 10 201 военнослужащий Красной Армии. Всего же за годы войны только военными трибуналами (без учета деятельности НКВД) было осуждено свыше **994 тысяч** советских военнослужащих, из них **157 593 человека**

расстреляно. Впрочем, обсуждение масштабов репрессий превращается в демагогию, если оно происходит в отрыве от обсуждения главного: совершенно беспримерного поведения огромной массы бойцов и командиров Красной Армии, с чем советское военно-политическое руководство и пыталось бороться единственно известным и доступным ему способом, т.е. жесточайшим террором.

Уже через несколько месяцев после начала войны, осенью 1941 г., немецкое командование смогло приступить к планомерному формированию «национальных» частей вермахта, укомплектованных бывшими советскими гражданами (если только слово «гражданин» вообще применимо к подданным сталинской империи). Так, было создано в общей сложности порядка 90 так называемых «восточных» батальонов: 26 «туркестанских», 13 «азербайджанских», 9 «крымско-татарских», 7 «волго-уральских» и т.д. В следующем, 1942 году, после прорыва немецких войск на Дон и Кубань, началось создание «добровольческих» казачьих формирований. Так, в мае 1942 г. в 17-й полевой армии вермахта был издан приказ о создании при каждом армейском корпусе по одной казачьей сотне и еще двух сотен — при штабе армии. Своя казачья сотня появилась в сентябре 1942 г. даже в составе 8-й итальянской армии. К весне 1943 г. в составе вермахта воевало более 20 казачьих полков общей численностью порядка 30 тысяч человек. Самой же распространенной и массовой формой сотрудничества бывших военнослужащих Красной Армии с оккупантами стало зачисление их в регуляр-

ные части вермахта в качестве так называемых «добровольных помощников» (Hilfswillige или сокращенно «хиви»).

Первоначально «хиви» служили водителями, кладовщиками, санитарями, саперами, грузчиками, высвобождая таким образом «полноценных арийцев» для непосредственного участия в боевых действиях. Затем, по мере роста потерь вермахта, русских «добровольцев» начали вооружать. В апреле 1942 г. в германской армии числилось 200 тысяч «хиви». Так, в окруженной у Сталинграда 6-й армии Паулюса в ноябре 1942 г. было 51 800 «хиви», а в 71-й, 76-й и 297-й пехотных дивизиях этой армии «русские» (как называли всех бывших советских) составляли до 40% личного состава. Летом 1942 г. в 11-й армии Манштейна числилось 47 тысяч «добровольцев». В конце концов масштабы этого беспрецедентного в истории России массового сотрудничества с оккупантами стали столь велики, что верховным командованием вермахта был создан специальный пост «генерал-инспектора восточных войск». В феврале 1943 г. под началом генерала Кестринга в рядах вермахта, СС и ПВО служило порядка **750 тыс. человек**. С октября 1943 г. «хиви» были включены в стандартный штат немецкой пехотной дивизии в количестве 2000 человек на дивизию, что составляло 15% от общей численности личного состава. Такие цифры называют зарубежные историки. С ними вполне согласны и военные историки российского Генштаба, составители сборника «Гриф секретности снят». На стр. 385 читаем: *«Численность личного состава военных формирований так называе-*

мых «добровольных помощников» Германии, включая полицейские и вспомогательные, к середине июля 1944 г. превышала 800 тыс. человек. Только в войсках СС в период войны служило более 150 тыс. бывших граждан СССР». На стр. 334 сообщается, что в 1942—1944 гг. из числа находившихся в немецких лагерях военнопленных в связи со вступлением в «добровольческие формирования» было освобождено порядка 500 тыс. человек. А ведь пленные были важным, но отнюдь не единственным источником людских ресурсов. К услугам немцев были и сотни тысяч дезертиров, и миллионы военнообязанных, уклонившихся от мобилизации в начале войны...

С тех страшных дней прошло уже более 60 лет. И все эти годы официальная советская военно-историческая наука, игнорируя очевидный и бесспорный факт полномасштабного развала Красной Армии, факт беспримерного массового дезертирства, массовой сдачи в плен и перехода на сторону врага, успешно искала и находила все новые и новые «причины поражения Красной Армии в начальном периоде Великой Отечественной войны». Сама по себе история этих попыток, выработанные за эти годы шулерские приемы могут стать предметом отдельного исследования. Новый импульс подобные исследования получили в начале 90-х годов, после того как рассекречивание огромного массива документальной информации сделало (правильнее сказать — должно было бы сделать) невозможным дальнейшие спекуляции на тему о «многократном численном превос-

ходстве противника» и «безнадежно устаревших советских танках». Новое время — новые песни. Да и читатель нынче новый, молодой и гораздо более требовательный. Посему нынешние продолжатели «славных традиций» советской историографии простых ответов не ищут, а свои 700-страничные труды пишут очень научным, чисто-конкретным, языком:

«Первая боевая группа 14-й танковой дивизии (кампфгруппа Штемпеля) состояла из 108-го моторизованного пехотного полка (без 2-го батальона), штаба 4-го артиллерийского полка 14-й танковой дивизии с 3-м дивизионом 4-го артполка (без 1-й батареи), 1-й батареи 4-го артиллерийского полка, 1-й батареи 607-го мортирного дивизиона (приданная корпусная часть, 210-мм мортиры), 1-й батареи 60-го артиллерийского полка (приданная корпусная часть, 100-мм пушки), 1-й роты 4-го противотанкового батальона 14-й танковой дивизии, 36-го танкового полка (без 1-й усиленной роты) со 2-й ротой 13-го моторизованного саперного батальона, частей моторизованного батальона связи, 2-го взвода 4-й саперной роты. Вторую боевую группу (кампфгруппу Фалькенштейна) составляли 103-й моторизованный пехотный полк, 1-я усиленная рота 36-го танкового полка, 2-й дивизион 4-го артиллерийского полка, 4-й противотанковый дивизион без одной роты и двух взводов, 1-й взвод 4-й саперной роты. Третья боевая группа (кампфгруппа Дамерау) состояла из...»

Вы таки будете смеяться, но молодой автор этого маленького шедевра претенциозного пустозвонства удостоился даже публичной похвалы из уст са-

мого Махмуда Ахметовича! Товарищ М.А.Гареев, генерал армии, президент Академии военных наук, академик РАН и прочая, прочая, прочая, недавно изрек: *«Если будут такие люди, как Алексей Исаев, наше дело небезнадежно!»* Совершенно точное определение. Махмуд Ахметович и его подчиненные в больших погонах и при высоких званиях десятки лет ели народный хлеб, но ничего, имеющего хотя бы признаки научности и правдоподобия, придумать так и не удосужились. Современный продолжатель их дела делает свое дело гораздо качественнее. Тоньше. Тов. Исаев не «подставляет» себя прямым утверждением о «численном превосходстве» противника. Но бесконечно длинный (из жалости к читателю мы процитировали только половину) перечень взводов, рот и батарей 14-й танковой дивизии на подсознательном уровне формирует у читателя, загипнотизированного всем этим мельканием номеров, мортир и пушек, представление об «огромной черной туче», надвигавшейся на позиции советских войск. Фактически, на своем пути от приграничного Владимир-Волынского до Луцка немецкая 14-я танковая дивизия встретила (опять же правильнее будет сказать — должна была бы встретить) четыре дивизии Красной Армии (19 тд, 135 сд, 215 мд, 131 мд) и 1-ю противотанковую бригаду. Это не считая находившейся непосредственно у границы 87-ю сд и 41-ю тд, а также трех узлов обороны Владимир-Волынского УРа (о которых А.Исаев коротко обронил: *«40 редко расположенных ДОТов»*). «Редко расположенных» — это 40 ДОТов на 20 км фронта. 26 июня к занятому

немцами Луцку подошли еще две стрелковые дивизии Красной Армии (200 сд и 193 сд). Чудес не бывает, и если полный перечень всех подразделений немецкой дивизии занимает 2 страницы текста, то такой же перечень применительно к 9 советским дивизиям должен был бы занять 18 страниц. Но вот его А.Исаев почему-то не приводит.

Интереснее другое. Случайно или осознанно, но А. Исаев своим длинным пассажем («первая кампф-группа состояла из..., вторая кампфгруппа состояла из..., третья кампфгруппа состояла...») практически точно воспроизвел хрестоматийно известный каждому образованному человеку фрагмент из романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Да-да, тот самый, где австрийский генерал перед Аустерлицким сражением долго и нудно зачитывает свою замечательную диспозицию: *«Die erste Kolonne marschirt... Die zweite Kolonne marschirt...»* На протяжении всего романа Лев Николаевич противопоставляет этот тупой механистический подход полководческому гению Кутузова, который *«долголетним военным опытом знал, что решают участь сражения не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следил за этой силой и руководил ею, насколько это было в его власти»*. Не отвлекаясь на дискуссию о том, насколько реальный исторический персонаж соответствовал тому образу Кутузова, который создал Л.Н. Толстой, отметим главное — почти мистический дар предвидения, проявленный великим писателем. В романе,

посвященном событиям Отечественной войны 1812 года, с абсолютной точностью названы и главная причина поражения 1941 года, и главный источник победы советского народа в Великой Отечественной войне. Увы, нынешняя молодежь (к которой я уже не могу себя причислять) «Войну и мир» не читает, а «проходит». Зато много и долго играет в компьютерные «стрелялки».

Поверьте, я ничуть не шучу и не ерничаю. Игра в «стрелялки» роковым образом препятствует понимаю простой причины военной катастрофы 41-го года. И вот почему: забавный человечек на экране монитора всегда абсолютно послушен вам. Легким движением компьютерной «мышки» вы можете направить его в переулок, который кишит злобными монстрами — и он пойдет. Без вопросов. Монстры сожрут его, другого, десятого — следующий пойдет по «трупам», беспрекословно выполняя ваши команды. Компьютерные игры совершенно не предполагают возможность того, что человечек вдруг вылезет из летающе-ныряющего ракетного танка, бросит на землю лазерный бластер и, матерно ругаясь, покажет вам большую дулю. В игре такого не бывает. А в реальной истории такое уже случалось бесчисленное число раз. Огромная армия персидского царя Ксеркса, воинов которой гнали в бой кнутами (не в переносном, а в прямом смысле этого слова), не смогла совладать с маленьким «пятнышком» на карте, называемым «Древняя Греция». Численно ничтожная армия Александра Македонского завоевала огромные пространства Персидской империи вовсе не потому, что кони в

персидской коннице были «безнадёжно устаревшими», а серпоносные колесницы «выработали почти весь моторесурс». Крохотный Израиль раз за разом громил многочисленные арабские армии, а вооруженные силы богатейшей страны мира так и не справились с вьетнамскими партизанами, ловившими вертолеты сетями, сплетенными из дикорастущих лиан...

Строго говоря, ни советская, ни считающая себя продолжательницей ее дела часть российской историографии никогда и не отрицала роль «человеческого фактора». Ни в коем разе! Наоборот, неустанное повторение «мантры» про «обстановку всенародного патриотического подъема» было неотъемлемой частью любой публикации, посвященной событиям советско-германской войны. Появилась даже новая отрасль военно-исторической науки: «героика войск».

И я опять не шучу. На полке у меня стоит книжечка, которая просто потрясла меня потоком грубейших фактических «ляпов». На первой же странице текста в первом абзаце сообщается, что Тимошенко сменил Ворошилова на посту наркома обороны СССР... знаете когда? «В декабре 1940 года». Дальше — больше, и все в том же духе. Кто же автор? На обложке читаем: *«полковник, доктор исторических наук, профессор, автор 300 печатных (лучше было бы сказать — непечатных) работ по теории и истории военного искусства и героике войск»*. Разумеется, писать про «героику войск» доходнее и прелестней. И гораздо проще — не надо проверять ни одной циф-

ры, ибо какая, в конце концов, разница: 15-я или 51-я, танковая или стрелковая дивизия совершила свой подвиг в октябре или ноябре 14-го или 41-го года? Вообще же логика советской пропаганды не может не изумлять: она (пропаганда) готова была признать почти любой «негатив». Могла согласиться с тем, что в ходе раскулачивания имели место «отдельные перегибы», а сплошная коллективизация не всегда была добровольной, что во время массовых репрессий 37—38-го гг. были допущены «нарушения социалистической законности», да и жизнь в «коммуналках» и бараках была не очень сытной и веселой. Но вот допустить хотя бы тень сомнения в том, что подданные сталинской империи *«как один человек с радостью готовы отдать жизнь за великое дело Ленина-Сталина, и во имя этой идеологии бойцы, командиры и политработники готовы всегда отдать свою жизнь»* (Ворошилов, речь на XVIII съезде партии) — нет, нет и еще раз нет! Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда!

Впрочем, не будем сверх меры и разума преувеличивать роль пропаганды. Пропаганде верят тогда, когда очень хотят в нее поверить. Раз уж мы заговорили про литературу, то как тут не вспомнить бессмертную пушкинскую строку: *«Ах, обмануть меня не трудно — я сам обманываться рад»*. Тупой и примитивной советской пропаганде верили не всегда. Сколько ни талдычили по радио и ТВ про «загнивание Запада и третий этап общего кризиса капитализма», а народ так и норovil на этот самый «загнивающий Запад» слинять — если уж и не навсегда, то хотя бы в турпоездку за джинсами

и японским «двухкассетником». Сколько ни предупреждали знающие специалисты и умеренно приличные политики о том, что рыночная экономика — это не молочная река с кисельными берегами, а в конкурентной борьбе не может «победить дружба», никто их не услышал и им не поверил. В героические мифы советской истории по сей день верят потому, что очень хотят в них поверить. Что другое может найти современный россиянин в истории XX века, что могло бы подкрепить и оправдать его великодержавные амбиции? Чем еще ему гордиться? Нынешним статусом, извините за выражение, «великой энергетической державы»? Московскими офисами, построенными из финских и итальянских материалов на немецкой технике турецкими строителями, в которых несколько тысяч «менеджеров среднего звена» протирают импортные штаны импортными стульями, подсчитывая на импортном компьютере доходы от экспорта российской нефти?

Меня часто спрашивают — когда мы узнаем правду о Великой Отечественной войне и узнаем ли мы ее вообще? Ответ и на этот вопрос очень прост. Узнаем. Когда? Не раньше, но и не позже, чем закончится нынешнее, изрядно затянувшееся, «смутное время» и Россия займет, наконец, достойное ее место в общем ряду цивилизованных стран.

Только тогда мы сможем честно признать, что в нашей недавней истории были не только славные победы, но и позорные поражения.

Виктор Суворов

СССР ГОТОВИЛСЯ НЕ К ТОЙ ВОЙНЕ

Беседа с Дмитрием Хмельницким

Дмитрий Хмельницкий: — Как Вы полагаете, почему Красная Армия, несмотря на многолетнюю подготовку к войне, была при первом же столкновении с вермахтом летом 1941 г. почти мгновенно разгромлена?

Виктор Суворов: — Советские войска готовились к совершенно другой войне, и это объясняет все. Это примерно как если бы мы готовились к экзамену по математическому анализу или физике, а нам устроили бы вдруг экзамен по анатомии какой-нибудь африканской зебры. Возникло бы полное несовпадение того, к чему мы готовились, и того, что случилось на самом деле. Все мои книги как раз об этом.

Вот известный пример. Была у нас Днепровская флотилия, которая перекрывала речной путь от Смоленска до Черного моря, не давала противнику идти на восток. Днепр — великая река. Очень труднопреодолимое препятствие, если взорвать мосты и постреливать с другой стороны, не давая переправляться. Там дислоцировалась в 30-е гг. Днепровская флотилия. Вот эту Днепровскую флотилию расформировали перед самой войной и двинули в устье Дуная. Ну что ей делать в устье Дуная? В случае оборонительной войны это полнейшая глупость.

А вторую часть Днепровской флотилии двинули в реку Припять и вырыли канал до города Бреста, чтобы соединить с Бугом, Вислой и реками Германии. Зачем это делалось?

У меня есть доказательства того, что это не глупость, и это не неготовность. Это готовность, но совсем к другой войне.

Вот скажем, всю войну немцы использовали наши мосты Н2П.

— **Что это такое?**

— Самый лучший в мире наплавной мост, назывался Н2П. Эти наплавные мосты были сосредоточены в районе государственных границ. Немцы напали, захватили мосты, которые мы заранее наготовили. После этого они легко форсировали Днепр, Березину и так далее.

Так отчего же немцы так быстро продвигались? Оттого, что мы не были готовы? Нет, быстрое продвижение немцев в направлении Москвы объясняется потрясающей готовностью Красной Армии к войне.

Вот еще пример. Советский Союз захватывает Западную Украину, Западную Белоруссию, Эстонию, Литву, Латвию. Не хотите сказать «захватывает», говорите «освобождает», сказать можно все, что угодно. На этих территориях практически не было аэродромов, потому что они там никому не были нужны. А у немцев весь расчет был на тактическую авиацию. У них стратегической авиации не было, она по большому счету им была не нужна.

Им не нужно было разрушать Донбасс, промышленные центры — Ленинград, Москву и т.д. Им нужно было разгромить армию, и тогда и Донбасс, и Ленинград, и Москва достались бы им целыми, неуничтоженными. А чтобы разгромить армию, не нужен стратегический бомбардировщик, который бомбит неподвижные цели далеко в тылу. Нужен тактический бомбардировщик, с одним двигателем, который падает с неба вниз и уничтожает командный пункт, батарею противотанковую, колонну танков. Он работает по точечным подвижным целям. У таких самолетов очень небольшой радиус действия. Поэтому для того, чтобы продвигаться вслед за войсками, им нужны аэродромы. И если бы Советский Союз не готовился к войне, то произошло бы следующее: немцы нападают, вступают в Западную Украину и Западную Белоруссию, там аэродромов нет. Они продвигаются вперед, а базы авиации остаются далеко в тылу, на германской и покоренной польской территории. Покоренной немцами. А впереди у них огромная безаэродромная полоса.

Но когда немцы вступили в Западную Украину и Белоруссию, там обнаружили сотни взлетно-посадочных полос, на которых было заготовлено топливо, бомбы и т.д. Потому немцы так быстро и пошли вперед до Киева и Смоленска, что для них кто-то наготовил бетонированные аэродромы со всем необходимым. Наша подготовка к войне полностью работала на Гитлера.

— Оборонять страну можно двумя путями. Это легко

представить себе на модели. Вот предположим, недалеко друг от друга находятся две враждебные деревни. Чтобы защититься от соседа, можно выстроить высокую стену, поставить там пулеметы, караулить круглосуточно и дать понять злому соседу, что лучше ему даже не соваться, хорошо не будет. А можно ничего не строить, а наоборот — сформировать команду охотников, самим в удобный момент напасть на соседей, захватить их деревню и тем самым надежно предотвратить нападение. Так вот, Советский Союз действовал по второму варианту?

— Да, именно так.

— Значит, поражение летом 41-го года было естественным завершением длительной и тщательной подготовки к войне. А когда эта подготовка началась?

— Она началась в 1917 году. Октябрьская революция сразу рассматривалась как пролог к мировой революции. Первая попытка развязать Вторую мировую войну была предпринята советским правительством 13 ноября 1918 года. 11 ноября в 11 часов Первая мировая завершилась, а уже 13 ноября советское правительство отдало приказ Красной Армии идти вперед, и она пошла — в Эстонию, Литву, Латвию, с намерением дойти до Берлина. Но в то время уже шла Гражданская война, и ничего у них не получилось.

— А чем закончился этот поход?

— Этот поход закончился установлением Советской власти в Эстонии, Латвии, Литве. Поэтому поз-

же, когда речь заходила о 1940 г., Советский Союз обычно говорил, что тогда произошло ВОССТАНОВЛЕНИЕ советской власти в Прибалтике. Но потом белые там поднялись всякие, Юденич и прочие, быстренько вышибли оттуда большевиков, однако попытка эта в ноябре 1918 года ринуться в Европу — была.

Потом была еще одна попытка, в 1920 году. «Даешь Варшаву, дай Берлин, уж врезались мы в Крым» — это марш Первой конной армии. Тогда Тухачевский шел на Варшаву, но по книгам его четко видно, что Варшава — это просто станционный полустаночек, они шли в Европу.

После неудачи польского похода было два пути. Все лидеры большевиков отлично понимали, что сосуществовать с капиталистическим миром мы не можем, и в этом они были полностью правы. Потому Советский Союз и рассыпался в конце концов, что существовать рядом с нормальным человеческим обществом он не мог. Потому что Запад — это пример нормальной человеческой жизни для всего нашего покоренного населения. Так же, как Северная Корея не способна сосуществовать с Южной Кореей. Люди смотрят туда, в Южную Корею, и спрашивают: «Почему же мы живем как-то иначе?» Точно так же и Восточная Германия не могла сосуществовать с Западной. Либо одно, либо другое победит, говорил товарищ Ленин.

Так вот, было два пути. Первый путь — путь Троцкого, то есть перманентная революция. Постоянно поддерживать любые силы, которые кто-либо где-либо поднимает

против капитализма. Партизанскую войну, например, вроде той, которая велась в Польше в 20-х годах.

— В Польше тогда было советское подполье?

— Да, шла советская партизанская война. Ваупшасов, Рябцевич, Орлов, будущие руководители советского партизанского движения во Второй мировой войне, были партизанскими лидерами в Западной Украине, Западной Белоруссии в 23-24-25-м гг. Есть еще несколько фамилий, сейчас не помню. В книге «День М», кажется, я про наших партизанских лидеров писал.

Второй путь — путь Сталина: социализм в одной стране. Этот социализм у нас совершенно неправильно трактуется. Тот, кто говорит, что Сталин хотел построить социализм в одной стране, Сталина не читал. Сталин писал, что можно добиться полной победы социализма в одной стране. Однако, продолжал он, окончательная победа социализма может быть только в мировом масштабе. И был тоже в этом прав. Что такое социализм? Ликвидация частной собственности. Это сделали. Съезд победителей в 1934 г. постановил, что социализм в Советском Союзе построен. Провели коллективизацию, всех загнали в колхозы, все встало под государственный контроль. Но, как говорил тов. Сталин, окончательная победа — это гарантия от реставрации капитализма. Оттого, что в мировом масштабе социалистическая революция не победила, окончательной победы у нас не вышло. Рухнуло все.

Так вот, путь Сталина — это социализм в одной стра-

не, который строится как база грядущего освобождения человечества.

Вот вчера я получил удивительный плакат «Боевой карандаш № 1», где написано: «Фашизм — враг человечества. Нет фашизму!» Нарисована змея, которой наш красноармеец втыкает штык в горло, и вокруг четыре маленькие картиночки: «Фашизм — это уничтожение культуры» — какой-то варвар сжигает книги в огне. «Фашизм — это голод» — несчастная мама с умирающим ребенком. «Фашизм — это тюрьма» — нарисована тюрьма. «Фашизм — это война». Нарисован поджигатель войны. Имеется штамп: «Музей В.И.Ленина. Ленинградский филиал». Инвентарный номер. Даты нет, но «№ 1» говорит очень о многом. О том, что это самый первый плакат из серии. То, что он подготовлен до войны, мне совершенно очевидно — в этом плакате нет ничего о защите нашего отечества. Нет ничего о том, что фашизм — это враг Советского Союза, или русского народа, или советских народов. Фашизм — враг человечества. А мы освобождаем человечество — не себя защищаем, а освобождаем человечество от фашизма.

— Интересно, когда слово «фашизм» стало применяться по отношению к национал-социалистической Германии? Мне кажется, что это изобретение Сталина.

— Не знаю, когда он стал применяться, но термин этот я встречал в речах Сталина 1927 года.

— Это была явная коминтерновская пропаганда...

— Да. Гитлеровцы никогда себя фашистами не называли. В «Майн кампф» такого термина я не нашел. Фашистами называли себя итальянцы. Фашина — это римское название, обозначает связку прутьев, то есть, если переводить на понятный нам язык, это союз единомышленников.

— В советской пропаганде слово «фашизм» применялось к чему угодно, ко всем, кто считался в тот или иной момент врагом СССР.

— Вот именно. Поэтому социал-демократов в 1927 г. стали называть социал-фашистами. Мол, не верьте этому названию, не социал-демократы они, а социал-фашисты. Это был выдуманный, ничего не обозначающий ярлык, который навешивался куда угодно.

— Самое забавное, что этот сталинский ярлык применяется во всем мире до сих пор. Даже в Германии говорят про «фашистскую Германию», а не про «нацистскую». Отсюда и Советский Союз, который воевал и с нацистами, и вообще со всеми, с кем хотел, по-прежнему числится в «антифашистах». Хотя если считать, что «фашизм» — это разговорный синоним тоталитаризма (что правильно), то никак не мог СССР оказаться в «рядах антифашистов». По определению не мог. Антифашизм — это борьба за демократию, а не наоборот.

— Да, это чисто сталинская наклейка, которая лепилась куда угодно. Вот пример. Открываю словарь иностранных слов под ред. Лехина и проф.

Петрова, Москва 1949 г., стр. 323. «Консерватор. Первое значение латинское, второе: член реакционной политической партии буржуазии, ведущий империалистическую политику экспансии, насильственного подавления рабочего и революционного движения, ликвидации демократических свобод. В настоящее время партии консерваторов открыто переходят на сторону фашизма». Так что наша Маргарита, которая миссис Тэтчер, вот куда, оказывается, клонила.

— Это было остроумное изобретение. Советская пропагандистская подготовка к будущей войне декларировала «войну с фашизмом», под которым подразумевались все враги, любые, без учета их политических различий. В «фашистах» мог оказаться кто угодно. Итак, первые попытки развязать войну в мировом масштабе начались в 1918 г., потом — польская война 1920 года, потом Сталин сместил и изгнал Троцкого, и примерно году в 28-м началась уже серьезная, долговременная подготовка к войне. Так?

— В экономическом плане она началась в 1927 г. Это первая пятилетка. Для того она и задумывалась. Хотя эти самые «немецкие фашисты» еще не были у власти. Будущие «фашисты» в это время проходили военную подготовку в Казани и других советских городах.

— Не был ли такой временной период — пятилетка — специально выбран для того, чтобы как раз за это время успеть подготовить страну к войне?

— Можно считать, что и так. Четкого мнения по этому поводу у меня нет. На мой взгляд, у Сталина было два плана: максимум и минимум. По всей видимости, он рассчитывал на одну или две пятилетки, потому что смотреть дальше вперед никогда не получается. Когда мы пытаемся это делаем, всегда нарушается пропорция: события кажутся нам либо очень отдаленными, либо близкими, а вот уловить определенный момент чисто психологически невозможно. Поэтому, возможно, первая пятилетка была организована Сталиным так, чтобы через пять лет начать ломать соседей. Ломать Польшу, ломать Европу. Но у Сталина могли быть и сомнения. В этом случае первая пятилетка была для него первым мощным заделом. Временем строительства производственной базы. А вторая пятилетка — дальнейшее развитие этой производственной базы и массовый выпуск оружия.

Вообще-то, никто не мог предполагать, что будет. Невозможно было предугадать ситуацию в Германии, если Гитлер придет к власти (32—33-й гг.) Вполне вероятной, например, была гражданская война. Она ведь никак не исключалась, правда? В этом случае — СССР проламывает Польшу и оказывает Германии прямую помощь. Так что долговременные прогнозы всегда могут быть ошибочны, их просто нельзя делать.

— **Когда могла произойти следующая после 1920 г. советская попытка реально спровоцировать европейскую войну?**

— **Мировая война приблизилась вплотную в 36—37-м**

годах. И вот почему. В 1936 г. вспыхивает гражданская война в Испании. Тогда Советский Союз начинает давить на Францию и Великобританию: «Там же дети гибнут, там Пикассо картину пишет, разрушили деревню, проклятые фашисты...» Интернациональные бригады рвутся в Испанию, а Сталин гонит туда военных советников. Чтобы понять серьезность намерений Сталина, надо просто посмотреть, кого он туда послал. Вот список этих советников. Тогда они были лейтенантами, капитанами, полковниками, однако это были самые перспективные командиры Красной Армии, которых Сталин наметил к выдвижению. Испания была для них последней проверкой. Большинство после возвращения из Испании стремительно пошло вверх. Вот вершины, которых достигли некоторые из военных советников через несколько лет:

Малиновский, маршал СССР, министр обороны СССР.

Мерецков, начальник Генштаба, маршал СССР.

Кулик, заместитель народного комиссара обороны, маршал Советского Союза.

Кузнецов, адмирал флота Советского Союза, военно-морской министр, на протяжении всей войны член Ставки Верховного главнокомандующего. В Испании он был морским офицером, громил конвои, которые шли через Майорку, Минорку.

Воронов, главный маршал артиллерии, командующий артиллерией вооруженных сил СССР.

Неделин, главный маршал артиллерии, заместитель министра обороны, главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения.

Огольцов, маршал авиации, командующий дальней авиацией, первый зам. главкома ВВС.

Казakov, маршал артиллерии, командующий ракетными войсками артиллерии сухопутных войск.

Рычагов, генерал-лейтенант авиации, начальник Главного управления ВВС.

Мансуров, генерал-полковник, первый замначальника ГРУ.

Вечный, генерал-лейтенант, военный адъютант Сталина.

Проскуров, генерал-лейтенант авиации, начальник ГРУ.

Датов, Павлов, Колпакчи, Лященко — генералы армии.

Родимцев, Романенко, Штерн, Шумилов, Юшкевич — генерал-полковники...

Всего более четырех десятков генералов, адмиралов... Чувствуете, какой букет? Вот я их собрал и обалдел. После возвращения из Испании все военные круто пошли вверх. Кроме того, там были разведчики. А самым главным человеком там был Антонов-Овсеенко. Официально он занимал должность генерального консула в Барселоне, но это было прикрытием. Это тот Антонов-Овсеенко, который брал Зимний дворец, потом давил мужиков в Тамбовской губернии, Тухачевский у него был тогда по военным делам. Этот консул вывез весь испанский золотой запас через Средиземное море, но по возвращении его расстреляли. Главным военным советником был Берзин, начальник Четвертого управления (впоследствии ГРУ). Его тоже расстреляли. Я это объясняю так: военные свое дело сделали — и все по-

шли вверх. А вот разведчики, политики, тот же Антонов-Овсеенко — они своей задачи не выполнили. А задача была — развязать вторую мировую войну.

Сталин защищал испанских детей. А у нас только что коллективизация прошла, сколько миллионов погибло... Если бы он втянул Испанию, Англию и Францию в войну и она бы распространилась дальше на Италию и Германию, тогда бы все европейские страны оказались втянуты. А там, кроме того, были интернациональные бригады — и американцы, и шведы, и прочие. Могло получиться, что и США, и какая-нибудь Канада, и Мексика, и другие тоже втянулись бы в войну.

28 марта 1939 года пал Мадрид, последний бастион республики. Война в Испании была как бы своеобразным прологом Второй мировой войны. Интернационалистов-добровольцев там было 42 тысячи человек, из 54 стран мира. Кто-то организовал пропаганду — давайте, ребята, слетайтесь в Испанию. Почему-то, когда Советский Союз воевал в Финляндии, никто интернациональных бригад не собирал. Но вот что интересно. Я занимался этими интернациональными бригадами. Так вот, когда они попадали в Испанию, у них забирали документы. А потом обязательно попадал снаряд в здание, где хранились эти документы, или сгорал грузовик, который их перевозил. Таким образом советская разведка получала на десятки тысяч молодых мужиков настоящие паспорта. Американские, голландские, бельгийские...

Это номер один. А вот второй момент. Когда человек туда приезжал и у него забирали паспорт, он превращался в раба. Денег у него нету, на север — море, на запад — море, на восток — Пиренейские горы, убежать он не мог. Побег из интернациональной бригады карался смертью. Система была продумана очень четко. Я считаю, что это организовал Советский Союз, хотя доказательств у меня нет. Но то, что их эксплуатировали по полной программе — это точно.

Один интернационалист в Барселоне все-таки прозрел. Он видел, как пытаются людей и все прочее. Вернулся оттуда прозревшим и написал потом книгу. Орвелл, «1984 год»...

Конечно, все это делалось на советские деньги. Кто-то платил людям, которые туда ехали... Это была попытка развязать Вторую мировую войну вдали от советских территорий. Для чего Сталин не жалел ни танков, ни советников. Но мировой войны не получилось. Немедленно после окончания Гражданской войны в Испании, в марте 1939 г., Сталин меняет внешнюю политику. Уже в мае он снимает Литвинова, который, как еврей, не может действовать в качестве министра иностранных дел, и переводит стрелки на Польшу, на Германию.

— Есть очень интересная книга «Русские добровольцы в Испании», выпущенная в Сан-Франциско в 1983 г. Автор — А.П. Яремчук 2-й. Он рассказал о белогвардейцах, которые воевали на стороне Франко и остались победителями. Их всего было человек тридцать.

— Есть у меня эта книга. В «Красной Звезде» была когда-то опубликована статья о том, что проклятые белогвардейцы, потерпев поражение в своей стране, встали под знамена фашистов и воевали против собственного народа, против советских добровольцев на стороне фашистов. Однако у генерала Франко не было колхозов, и если испанцу что-то не нравилось, он мог плюнуть, взять и уехать в какую-нибудь Аргентину. А советский мужик в то время уже в колхозе сидел. Я считаю, что, воюя в Испании, русские добровольцы тем самым спасали честь своей страны.

Испания — это была самая реальная возможность начать Вторую мировую войну. В 1936 г. в Германии вообще никаких танков не было, только-только что-то начинало строиться. И в Италии еще ничего особенного не было. В то время советский перевес был бы еще круче. А если бы в Испании развязалась Вторая мировая война и были бы втянуты Великобритания, Франция, Германия, Италия и Испания...

— Да, тогда о Польше вообще бы никто не позаботился.

— Это выглядело бы так: мы идем освобождать Европу, а тут какая-то шавка у нас под ногами. Ей пришили бы аморальное поведение. Мы идем детей спасать, а она нас не пускает.

— Существует мнение, что Сталин в очередной раз

готовился к прыжку летом 40-го года, рассчитывая на то, что Германия глубоко увязнет во Франции.

— Да, это была бы идеальная ситуация. Никто не ожидал падения Франции, даже Гитлер не предполагал, что все произойдет так быстро.

— Как вы считаете, можно ли, исходя из ситуации 1941 г., считать нападение Германии на СССР превентивным?

— Я считаю, что ни с той, ни с другой стороны нападение не могло быть в полной мере превентивным. Когда говорят, что Сталин хотел предупредить германское нападение своим, то это чепуха, потому что в германское нападение он вообще не верил. А с германской стороны оно было более или менее превентивным, но несколько с иной точки зрения. Гитлер не видел непосредственной угрозы, потому что Сталин отлично замаскировал свои действия, а германская разведка была чересчур слаба и советские военные приготовления толком не раскусила. Однако со стратегической точки зрения Гитлер совершенно отчетливо понимал: если он высадится в Британии, то товарищ Сталин его долбанет.

— Поставим вопрос по-другому. 1939 год, пакт Молотова—Риббентропа. В том, что Сталин планировал его нарушить, сомнений нет. А собирался ли нарушить его Гитлер? Или он заключал пакт всерьез, с намерением его соблюдать? Если не собирался, значит, он заранее готовил войну на два фронта.

— Есть достаточно свидетельств того, что он заклю-

чал пакт всерьез. И он не был так глуп, чтобы готовить войну на два фронта.

— Но оказался достаточно глуп, чтобы подставиться Сталину...

— По-моему, главная идея Гитлера в то время — консолидировать Германию. Он не предвидел и не планировал Второй мировой войны. По-моему, он просто залетел с Великобританией и Францией. Его задача была объединить все области, населенные немцами. В то время Гитлеру надо было вырваться из Версальского договора, надо было вернуть германские земли, надо было вернуть Данциг, ему, конечно, было мало Восточной Пруссии, ему хотелось, чтобы Германия не была разорвана на половинки. Он сначала хотел консолидировать Германию, построить хорошие дома, наладить рождаемость, поднять жизненный уровень, а потом уже...

— То есть в 1939 году он решал сугубо тактические задачи, не понимая, что вляпывается...

— Да, я так думаю.

— Значит, заключая пакт, он действительно хотел разделить сферы влияния, и все? Никакой войны за жизненное пространство на востоке не предполагалось?

— Да, только раздел сфер влияния. И Восточная Пруссия объединяется с Германией....

— Если Гитлер не собирался обманывать Сталина, то тогда стратегически нападение на СССР было превентивным.

— С точки зрения большой политики — да. Гитлер в 1940 году осознал, что Сталин не остановится на достигнутом. Когда Сталин вошел в Румынию, Гитлер дрогнул. А потом Молотов приехал в Берлин, поговорил с Гитлером, и тот все наконец понял. Да, с этой точки зрения война превентивная. Гитлер подумал, что если сейчас, когда я воюю с Британией и Францией на континенте, они мне руки выламывают, то что же будет потом, когда я рыпнусь на Британию. А Британия на мир не идет, и покорить ее нельзя, при ее-то количестве колоний.

А прямого интереса к советской территории у Гитлера тогда быть не могло. У него уже были голландские колонии, и Дания, и Словения, и Чехословакия, и часть Польши, так что жизненного пространства хватало.

Михаил Барятинский

«К ПОХОДУ И БОЮ НЕ ГОТОВЫ»

Тема советско-германского танкового противостояния и сейчас, спустя 65 лет после начала Великой Отечественной войны, является едва ли не самой обсуждаемой всеми, кто интересуется военной историей. Слишком сокрушительным был разгром, который понесли советские танковые войска летом 1941 года, чтобы не задумываться над его причинами. Само собой разумеется, что разгром танковых войск нельзя отделять от поражения всей Красной Армии, но ниже речь пойдет только о танковых войсках.

Поскольку анализ политических причин, связанных в первую очередь с общественно-политической системой, имевшейся тогда в СССР, не входит в задачу этой статьи, то рассматриваться будут в основном причины военного характера. Для начала надо определиться с самим понятием «танковые войска». Что это такое? Оставляя в стороне официальные формулировки, можно сказать, что это разнообразная материальная часть и многочисленный личный состав, объединенные жесткой организационной структурой. Пытаясь ответить на вопрос о причинах поражения,

следует, по-видимому, проанализировать эти три аспекта. Ну а начать, наверное, имеет смысл с вопроса, вызывающего наиболее жаркие споры — о количестве и качестве.

Справедливости ради надо сказать, что этот вопрос активно дискутируется лишь последние 15 лет, когда тезис о германском военно-техническом превосходстве был взят под сомнение. Раньше сомневаться было не принято. Раньше, когда речь заходила о *«временных неудачах Красной Армии в начальный период войны»* подчеркивалось, что немецко-фашистские войска *«использовали временные преимущества: милитаризацию экономики и всей жизни Германии; длительную подготовку к захватнической войне и опыт военных действий на Западе; превосходство в вооружении и численности войск, заблаговременно сосредоточенных в пограничных зонах. В их распоряжении оказались экономические и военные ресурсы почти всей Западной Европы»*. Вот так — *«превосходство в вооружении и численности»!* Это утверждение, а скорее даже историческая установка, заимствовано из тезисов ЦК КПСС *«50 лет Великой Октябрьской социалистической революции»*. В русле этой установки вполне логичным кажется и высказывание о том, что *«Красная Армия по ряду важных видов вооружения и боевой техники в то время отставала от гитлеровского вермахта. Обуславливалось это тем, что фашистская Германия уже давно организовала массовое военное производство, опираясь на ресурсы как свои собственные, так и государств-сателлитов, а также оккупированных ею стран Европы»*. Тезис о Европе, работающей

на экономику Германии, с конвейеров которой потоком сходит военная техника, почерпнут из книги члена-корреспондента АН СССР А.М.Самсонова «Крах фашистской агрессии» (издательство «Наука», 1975 г.).

Приведенные цитаты не были единичным явлением. Идея о глобальном превосходстве Германии над СССР в 1941 году поддерживалась советской пропагандой в течение всех послевоенных лет, вплоть до 1991 года. Именно этим объяснялись причины поражения Красной Армии. Зачем это было нужно и когда началось? На последний вопрос ответить очень просто. Выступая 6 ноября 1941 года на торжественном заседании по случаю 24-й годовщины Октябрьской революции, И.В.Сталин сказал: *«Другая причина временных неудач нашей армии состоит в недостатке у нас танков и отчасти авиации. В современной войне очень трудно бороться пехоте без танков и без достаточного авиационного прикрытия с воздуха. Наша авиация по качеству превосходит немецкую авиацию, а наши славные летчики покрыли себя славой бесстрашных бойцов. Но самолетов у нас пока еще меньше, чем у немцев. Наши танки по качеству превосходят немецкие танки, а наши славные танкисты и артиллеристы не раз обращали в бегство хваленые немецкие войска с их многочисленными танками. Но танков у нас все же в несколько раз меньше, чем у немцев. В этом секрет временных успехов немецкой армии. Нельзя сказать, что наша танковая промышленность работает плохо и подает нашему фронту мало танков. Нет, она работает*

очень хорошо и вырабатывает немало превосходных танков. Но немцы вырабатывают гораздо больше танков, ибо они имеют теперь в своем распоряжении не только свою танковую промышленность, но и промышленность Чехословакии, Бельгии, Голландии, Франции. Без этого обстоятельства Красная Армия давно разбила бы немецкую армию, которая не идет в бой без танков и не выдерживает удара наших частей, если у нее нет превосходства в танках».

С этих-то слов «вождя народов», стремившегося снять с себя ответственность за чудовищный разгром, и началось то нагромождение лжи и фальсификаций, с которым приходится сталкиваться и по сей день. Интересно, сам-то Сталин хоть немного верил в то, что говорил? Отчасти, видимо, да, поскольку вряд ли располагал точными данными о состоянии Панцерваффе и о германском танковом производстве. Но нам-то эти данные сейчас доступны, и есть возможность обстоятельно во всем разобраться. При этом, однако, следует подчеркнуть, что приводимые ниже цифры нельзя считать абсолютно точными. Дело в том, что в различных источниках, как отечественных, так и зарубежных, на одну и ту же дату имеются разные данные о численности боевых машин в Красной Армии и Вермахте. Приводимые ниже цифры получены в результате изучения многочисленных источников и, по мнению автора, являются наиболее близкими к действительности.

Итак, по состоянию на 1 июня 1941 года Вермахт располагал 6292 танками и САУ (5675 и 617 единиц со-

ответственно), включая штурмовые орудия, командирские и огнеметные танки. Однако из этого количества технически исправными, т.е. боеготовыми, являлись 5821 танк и САУ (5204 и 617 соответственно). В течение июня ожидалось поступление от промышленности еще 315 боевых машин.

Что касается Красной Армии, то на ту же дату — 1 июня 1941 года — в ней насчитывалось 25 664 танка и САУ, включая танкетки, малые плавающие, огнеметные и телеуправляемые танки. Соотношение просто чудовищное — 1:4! Но это в целом, а как в РККА обстояло дело с боеготовностью? Скажем прямо — неважно. Точных данных о количестве технически исправных машин нет, поскольку сведения на этот счет в Красной Армии составлялись в соответствии с приказом НКО СССР №15 от 10 января 1940 года. Согласно этому приказу, с 1 апреля вводилось в действие «Наставление по учету и отчетности в Красной Армии», в соответствии с которым предусматривалось деление всего военного имущества (в том числе и танков) в зависимости от его технического состояния на пять категорий:

1-я категория — новое, не бывшее в эксплуатации, отвечающее требованиям технических условий и вполне годное к использованию по прямому назначению;

2-я категория — имущество, находившееся в эксплуатации, вполне исправное и годное к использованию по прямому назначению, а также имущество, требующее текущего ремонта;

3-я категория — имущество, требующее ремонта в мастерских округа (средний ремонт);

4-я категория — имущество, требующее ремонта в центральных мастерских и на заводах промышленности (капитальный ремонт);

5-я категория — негодное имущество.

Из вышеприведенного числа танков в Красной Армии к 1-й категории относилось 2611 машин, ко 2-й — 17 214, к 3-й — 2741 и к 4-й — 3098. К 5-й не относилось ничего, так как это были уже списанные или подлежащие списанию машины. Совершенно очевидно, что под понятие боеготовые подпадают только танки 1-й и 2-й категории. Однако если с первыми все ясно, то со вторыми нет — ведь в эту категорию включались и машины, требовавшие текущего ремонта. Диапазон последнего был достаточно широк — от замены аккумуляторов до замены траков гусениц и опорных катков. Если принять во внимание, что в Красной Армии имелась большая проблема с запасными частями, то станет ясно, что некоторая часть танков 2-й категории — примерно до 30% — также была небоеспособна. Таким образом можно считать, что к числу боеготовых относилось 12 050 танков 2-й категории, а всего по первым двум категориям — 14 611 танков. С 1 по 21 июня 1941 года с заводов поступило 206 танков, а по состоянию на 21 июня оставались неотгруженными еще 99 машин.

В итоге по боеготовым танками выходим на соотношение 1:2,4 (6136 против 14 916 единиц).

Однако совершенно ясно, что далеко не все танки обеих сторон участвовали в боевых действиях. Так, Вермахт по состоянию на 22 июня 1941 года развернул на

западной границе СССР около 3850 танков (включая огнеметные и командирские) и САУ (включая штурмовые орудия, истребители танков и тяжелые пехотные орудия). Абсолютно точную цифру, к сожалению, невозможно найти даже в немецких источниках. Кроме того, к участию в операции «Барбаросса» привлекались 86 финских, 60 румынских и 116 венгерских танков. Итальянские танки (61 машина) прибыли позже и в подсчете не учитываются. Таким образом, противник имел не менее 4112 танков и САУ. Чем же располагала Красная Армия?

К 22 июня 1941 года в войсках так называемых приграничных военных округов — Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого и Одесского — насчитывалось 14 075 танков и САУ (включая танкетки, малые плавающие и телеуправляемые танки). Из этого количества к 1-й категории относилось 2356 танков, ко 2-й — 8854. Считая процент небоеспособных танков 2-й категории равным 30%, получаем 6197 танков. В итоге можно утверждать, что в приграничных военных округах имелось 8553 боеготовых советских танка. Налицо превосходство Красной Армии в танках над Вермахтом в два раза!

Но, быть может, противнику удалось добиться большего превосходства в полосах групп армий или танковых групп? Рассмотрим и этот вопрос. Начнем с северо-западного направления, где друг другу противостояли группа армий «Север» и 3-я танковая группа из группы армий «Центр» с немецкой стороны и Прибалтийский Особый военный округ с советской. Соотно-

шение сил в танках к вечеру 21 июня 1941 года здесь было следующим: у немцев — 1731 танк и САУ, у русских — 1052 боеготовых танка. Что касается более узких участков фронта, то тут положение было еще интереснее.

Против войск Прибалтийского Особого военного округа наступали 4-я танковая группа группы армий «Север» и 3-я танковая группа группы армий «Центр». Формально им противостояли 3-й и 12-й механизированные корпуса Красной Армии. На деле же все было не совсем так. Из-за большой разбросанности районов сосредоточения советских танковых соединений в полосе наступления 3-й танковой группы (1048 танков) оказалась лишь 5-я танковая дивизия 3-го мехкорпуса, насчитывавшая в своем составе 268 танков (50 Т-34, 30 сильно изношенных Т-28, 170 БТ-7 и 18 Т-26). Впрочем, совершенно ясно, что немецкие дивизии не набросились кучей на 5-ю танковую дивизию. Так и не покинув своего района сосредоточения под г. Алитус в Литве, она приняла бой с 7-й немецкой танковой дивизией (271 танк и САУ — 53 Pz.II, 30 Pz.IV, 167 Pz.38(t), 15 командирских и 6 самоходных пехотных орудий SIG33 на шасси Pz.I) и была разбита. Такая же участь постигла и другую дивизию 3-го мехкорпуса — 2-ю танковую, в одиночку оказавшуюся в полосе наступления 4-й немецкой танковой группы. 2-й танковой дивизии (252 танка — 32 KV-1, 19 KV-2, 27 Т-28, 116 БТ-7, 19 Т-26 и 12 ХТ-26) пришлось вступить в бой практически со всем 41-м немецким танковым корпусом: сначала с 6-й танко-

вой дивизией (245 танков — 47 Pz.II, 30 Pz.IV, 155 Pz.35(t), 15 командирских), затем к ней присоединились 1-я танковая (151 танк — 43 Pz.II, 71 Pz.III, 20 Pz.IV, 11 командирских и 6 пехотных САУ), 36-я моторизованная и 269-я пехотная дивизии. Вот уж действительно навалились кучей! Брошенная командованием на произвол судьбы 2-я танковая дивизия была окружена и разгромлена. Ну а что же 12-й механизированный корпус? Почему он не пришел на помощь соседям? Ведь формально в его полосе вообще не было немецких танков! Вечером 22 июня корпус получил приказ штаба 8-й армии о нанесении контрудара в направлении на Таураге, то есть во фланг 4-й танковой группы немцев. Но согласно этому распоряжению корпус должен был действовать на фронте шириной 90 км и глубиной 60 км! В такой ситуации не могло быть и речи о нанесении сосредоточенного контрудара всеми силами корпуса (806 танков, из них около 600 боеготовых). В итоге корпус вводился в бой разрозненно, порой получая противоречивые приказы, и до танков 4-й танковой группы так и не добрался. Все его атаки были отражены пехотными соединениями 18-й немецкой полевой армии. В результате корпус понес огромные потери в людях и материальной части (к 7 июля в нем осталось 82 исправных танка), даже не сумев задержать наступление противника на этом участке фронта.

Ну а какова была обстановка в полосе группы армий «Центр»? Фактическое соотношение сил в танках, без учета 3-й танковой группы, начавшей боевые

действия в полосе войск Прибалтийского Особого военного округа было следующим: 1331 немецкий танк против примерно 1800 боеготовых советских (общее количество танков в войсках Западного Особого военного округа равнялось 3345). Однако 1157 танков и САУ противника были сосредоточены во 2-й танковой группе, наносившей удар на южном фланге группы армий «Центр», на Брестском направлении. Танки Западного Особого военного округа были «размазаны» по шести механизированным корпусам, только один из которых — 14-й — находился в полосе наступления 2-й танковой группы. 14-й мехкорпус располагал по списку 534 танками, из них 504 Т-26. В технически исправном состоянии находилось не более 370—380 танков корпуса. Его соединения, рассредоточенные отдельными частями на фронте до 70 км, уже к вечеру 23 июня были рассечены войсками 2-й танковой группы и разгромлены. К 25 июня в частях корпуса осталось не более 25 исправных танков. Что касается остальных мехкорпусов, то в результате охвата силами 3-й танковой группы с севера и 2-й танковой группы с юга (29 июня войска этих групп соединились в Минске) все они (за исключением 20-го) оказались в так называемом «белостокском мешке» вместе с 30 дивизиями 3-й, 10-й и 4-й армий нашего Западного фронта.

Соотношение сил в полосе группы армий «Юг» существенно отличалось от остальных групп армий. Это направление не считалось главным и комплектовалось войсками по остаточному принципу. Развернутая здесь 1-я танковая группа насчитывала 728 танков,

всего же, с учетом дивизионов штурмовых орудий и прочих отдельных частей, в группе армий «Юг» насчитывалось 872 танка и САУ. В войсках Киевского Особого военного округа имелось 5894 танка (из них 3920 боеготовых), чем обеспечивалось формальное подавляющее превосходство. Фактически дело обстояло несколько иначе — восемь мехкорпусов Киевского Особого военного округа были разбросаны по огромной территории, о чем можно судить по приводимой таблице.

По иронии судьбы под названием «план прикрытия границы» наиболее близко расположенные к ней мехкорпуса придавались общевойсковым армиям, а непосредственно навстречу 1-й танковой группе

**УДАЛЕНИЕ РАЙОНОВ СОСРЕДОТОЧЕНИЯ
СОЕДИНЕНИЙ МЕХАНИЗИРОВАННЫХ КОРПУСОВ
КОВО ОТ ГОСГРАНИЦЫ И ВЗАИМНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ
ИХ ПО СОСТОЯНИЮ НА 10 ИЮНЯ 1941 ГОДА**

	Удаление передовых соединений корпуса от границы, в км	Наибольшее удаление соединений корпуса от границы, в км	Удаление соединений корпуса друг от друга, в км
4 мк	50	80	10 — 15
8 мк	40	90	40 — 60
9 мк	200	250	50 — 60
15 мк	90	130	50 — 60
16 мк	30	70	70 — 140
19 мк	380	400	40 — 115
22 мк	20	190	140 — 180
24 мк	130	170	50 — 60

противника выступили 9-й (300 танков) и 19-й (450 танков) механизированные корпуса. Но им требовалось пройти не одну сотню километров, прежде чем войти в соприкосновение с противником. Это произошло 26 июня в районе Дубно, в ходе проведения контрудара по 48-му моторизованному корпусу, совместно с частями 8-го (920 танков) и 15-го (738 танков) механизированных корпусов. Им противостояли 11-я (146 танков), 16-я (143 танка) и 14-я (147 танков) немецкие танковые дивизии с корпусными частями усиления. Вроде бы и тут подавляющее превосходство: 2408 советских танков против 436 немецких. Но данные приведены по состоянию на 22 июня и по всему парку в целом, боеготовых же машин в четырех советских корпусах на эту дату имелось не более 1700. Кроме того, в течение четырех дней мехкорпуса вели бои и совершали многочисленные марши, неся при этом и боевые, и, главным образом, не боевые потери. Так, например, к моменту начала контрудара в советской 43-й танковой дивизии имелось 79 боеготовых танков из списочного состава в 237 машин. Если учесть, что многие корпуса вводились в бой неполным составом и по частям, то становится очевидным, что танков в атакующих группировках советских войск было немногим больше, чем в обороняющейся немецкой. Вот и растаяло подавляющее превосходство как дым.

Анализируя все сказанное выше, можно сделать вывод, что немецкое командование не смогло добиться подавляющего превосходства в танках не только в полосе всего будущего фронта, но и в поло-

сах отдельных групп армий. Однако наши войска были рассредоточены на большой территории вдоль границы и до 400 км в глубину. Вследствие этого части первого эшелона войск прикрытия значительно уступали противнику, войска которого были развернуты непосредственно у границы. Подобное расположение наших войск позволяло громить их по частям. На направлениях главных ударов немецкое командование смогло создать превосходство в танках над нашими войсками, которое было близко к подавляющему.

Итогом сражений июня—июля 1941 года стал разгром практически всех механизированных корпусов, дислоцировавшихся в приграничных военных округах. С 22 июня по 9 июля 1941 года потери Красной Армии составили 11 712 танков (среднесуточные 233 танка). Огромные потери людей и техники привели к экстремному переходу от корпусов к более мелким частям — бригадам, полкам и батальонам.

Так, может быть, Сталин был прав, говоря, что танков у нас в несколько раз меньше и вырабатываем мы их меньше, чем немцы?

К сожалению, в распоряжении автора нет абсолютно точных данных о соотношении сил в танках на советско-германском фронте во второй половине 1941 года. Однако даже имеющиеся цифры, пусть и на разные даты, позволяют сделать определенные выводы. Итак, по состоянию на 4 сентября 1941 года в 17 немецких танковых дивизиях всех четырех танковых групп имелось 1586 боеспособных танков. Данными по действующей Красной Армии на нача-

ло сентября автор не располагает, но вот на 1 декабря 1941 года в советских войсках на фронте насчитывался 1731 исправный танк. Ну а на 1 января 1942 года на советско-германском фронте соотношение сил в танках составляло 1588 к 840 (1,9:1) в нашу пользу! Справедливости ради необходимо отметить, что в приводимых по Вермахту данных не учтены штурмовые орудия и прочие САУ, потери которых были в несколько раз меньше, чем танков. Так, например, по немецким данным, с июня по ноябрь 1941 года на всех фронтах (т.е. включая Африку) был безвозвратно потерян 2251 танк. За это же время потери штурмовых орудий составили всего 75 единиц, а до 1 января 1942 года — 96 единиц. Учитывая потери и производство штурмовых орудий и САУ во втором полугодии 1941 года, допуская, что вся убыль была восполнена (по штурмовым орудиям это действительно имело место, а вот по другим САУ — нет), возьмем число 600 единиц. Но даже с учетом этого, существенно завышенного, числа количество немецких танков и САУ на Восточном фронте на 1 января 1942 года все равно составит 1440 единиц, то есть на сотню с лишним меньше, чем у Красной Армии. Даже тяжелой для СССР осенью 1941 года немцы в лучшем случае с трудом смогли добиться соотношения в танках 1:1! Какое уж там превосходство в разы! Никогда за все время Великой Отечественной войны немцы не имели превосходства над Красной Армией в танках в целом.

Еще интереснее картина в части производства танков. Во втором полугодии 1941 года, то есть с 1 июля

по 31 декабря, германская промышленность изготовила 2175 танков и САУ (1859+316), а промышленность СССР — 4968 танков и САУ (4867+101)! Однако хорошо известно, что в 1941—1942 годах значительную часть нашего танкового производства составляли легкие танки. Быть может, тут у противника наблюдается превосходство? Нет, не наблюдается. Достаточно сказать, что за указанный период наши заводы выпустили только «тридцатьчетверок» 1886 штук, то есть больше, чем вся Германия танков. Ну а вместе КВ и Т-34 было изготовлено 2816 единиц, то есть больше, чем вся Германия изготовила танков и САУ.

Итак, мы убедились, что никакого превосходства Вермахта в танках над Красной Армией накануне войны не было и в помине. Скорее наоборот. К концу 1941 года наблюдался примерный паритет при значительно больших объемах производства танков в СССР.

С количественной составляющей все понятно, а с качественной?

Для начала можно привести пару цитат-штампов советского периода. Так, в книге «50 лет Вооруженных Сил СССР» читаем: *«В советских западных приграничных округах войска имели... 1800 тяжелых и средних танков (в том числе 1475 новых типов), а также значительное число легких танков устаревших конструкций»*. Из «Истории Коммунистической партии Советского Союза» можно почерпнуть информацию о том, что *«удельный вес танков новых типов составлял лишь 18,2%»*. Сразу возникает вопрос: что такое «старый тип» и «новый тип» и по какому принципу боевые машины на эти типы разде-

ляются? Не мешало бы разобраться и с «устарелостью конструкции», и тем, как она соотносится с вышеуказанными типами.

Германское танкостроение началось в январе 1934 года с запуском в серийное производство легкого танка Pz.I, и в этом отношении оно на два года моложе советского, если считать стартовым годом массового танкостроения в СССР 1932-й, когда из заводских цехов начали выходить танки Т-26 и БТ. Два года — срок небольшой, и по идее советская техника не могла успеть состариться по сравнению с немецкой. На деле же не совсем так. Дело в том, что все советские танки начала 1930-х годов создавались на основе конструкций середины или второй половины 1920-х и соответствовали тогдашним взглядам советского военного руководства на применение танков. Серии модернизаций продлевали им жизнь с технической точки зрения, но концептуально к 1941 году эти боевые машины устарели безнадежно. Произошло это главным образом потому, что из сочетания трех основных боевых свойств танка «огонь+броня+маневр» у советских машин упор делался на сочетание «огонь+маневр». В результате Красная Армия имела хорошо вооруженные, но слабобронированные танки, вполне пригодные для действий в условиях почти полного отсутствия противотанковой обороны, характерных для конца 1920-х — начала 1930-х годов.

В отличие от советских, основные типы немецких танков создавались уже в середине 1930-х годов, то есть в период активного формирования эффектив-

ных сил противотанковой обороны. В армиях разных стран в этот период одна за другой принимаются на вооружение противотанковые пушки калибром от 25 до 47 мм, а потому немецкие конструкторы при создании своих танков особое внимание уделяют сочетанию «броня+маневр». Все немецкие танки, за исключением Pz.I, соответствовали этой концепции, причем включая и чехословацкие Pz.35(t) и Pz.38(t). Первый — в меньшей степени, второй — в большей. Этим, по-видимому, и объясняется легкая усваиваемость их Вермахтом.

Совершенно очевидно, что комплекс свойств «броня+маневр» более перспективный. Кардинально усилить вооружение танка в большинстве случаев значительно проще, чем в той же степени повысить уровень его защищенности. Последний путь ведет, как правило, к перегрузке ходовой части и силовой установки, заметно снижая характеристики маневренности. Во всяком случае в СССР, несмотря на предпринимаемые в этом направлении во второй половине 1930-х годов шаги, добиться заметного улучшения защищенности легких и средних танков так и не смогли. Что же касается усиления вооружения, то и советский, и немецкий опыт говорит об обратном. Без какого-либо снижения маневренных характеристик было кардинально усилено вооружение легких танков Т-26 и БТ-2 (причем с заменой башен!), а также среднего Т-28. Без серьезных хлопот и немцы на танке Pz.III заменили 37-мм пушку на 50-мм. Таким образом, путь усиления вооружения в перспективе мог привести к оптимальному сочетанию свойств «огонь+бро-

ня+маневр», чего немцы добились на танке Pz.IV в начале 1942 года после установки длинноствольной 75-мм пушки.

На основании этих рассуждений можно сделать вывод, что в 1941 году практически все танки, состоявшие на вооружении Вермахта, были современнее всех танков Красной Армии так называемых «старых типов». Однако «современнее» далеко не всегда значит «новее». Достаточно сказать, что в 1939—1940 годах в Красную Армию поступило 2629 танков Т-26 и 2126 БТ-7 и БТ-7М, то есть 4755 концептуально устаревших, но свеженьких с точки зрения изготовления танков. Отсчет начат с 1939 года не случайно — именно тогда начались поставки в части Панцерваффе танков Pz.III и Pz.IV, на этот же год приходится и наиболее массовые поставки танков Pz.II. Кстати, любопытно и еще одно обстоятельство: промышленность Третьего рейха произвела с 1934 по 1940 год 4709 танков всех типов, то есть примерно столько же, сколько советская промышленность танков двух марок и только за два года. Парадокс — немцы располагали более современным, но одновременно и более старым по возрасту танковым парком. Справедливости ради, впрочем, следует признать, что несколько больший возраст немецкого танкового парка с лихвой компенсировался более высокими качеством изготовления и уровнем обслуживания, позволявшими увеличить периоды межремонтной эксплуатации техники.

До сих пор речь шла только о советских танках «старых типов», к которым относятся все танки, при-

нятые на вооружение Красной Армии до декабря 1939 года, то есть до момента принятия на вооружение танков «новых типов» — Т-34 и КВ. Что касается последних, то тут вроде бы все просто — обе машины и новые, и современные, и вообще самые-самые! Однако мы уже убедились, что «новый» не всегда означает «современный». Убедимся в этом еще раз. Начнем с КВ.

Тяжелый танк КВ был разработан в 1939 году и запущен в серийное производство в 1940-м. По состоянию на 1941 год он был не просто новым, он был новейшим. С точки зрения конструкции машина была современной: удачная компоновка, обеспечивавшая неплохие условия работы экипажа, сам экипаж из пяти человек, то есть с полным функциональным разделением обязанностей, противоснарядное бронирование, сильная пушка, неплохие маневренные характеристики. Сочетанию «огонь+броня+маневр» КВ соответствовал почти оптимально. Но именно — почти! Для 1941 года у КВ была избыточно мощная броня и недостаточно мощная для такого танка пушка. То, что установленное на нем орудие гарантированно поражало любой танк Вермахта, ничего не значит, их гарантированно поражала и «сококапятка». А вот то, что тяжелый КВ был вооружен слабее, чем средний Т-34, принципиально важно. Что же мы имеем, так сказать, в сухом остатке? А то, что КВ, который в 1941 году использовался как обычный общевойсковой танк, был безусловно сильнее, но концептуально не современнее немецкого тяжелого танка Pz.IV.

Ну а Т-34? С ним все наоборот. Традиционно принято считать этот танк самым современным в мире на 1941 год. Однако необходимо определиться — современным по конструкции или по концепции? Попробуем разобраться в этом вопросе. В 1935 году Харьковский паровозостроительный завод получил задание на проектирование колесно-гусеничного легкого танка БТ-9. Техзадание предусматривало, в частности, расположение брони под наклоном, а также возможность установки 76-мм пушки и дизеля. Работу эту, впрочем, завод благополучно завалил. В 1937 году техзадание было оптимизировано и сконцентрировалось вокруг трех основных характеристик: 45-мм пушка + наклонная броня + дизель. Новый, опять-таки легкий, колесно-гусеничный танк, получивший индекс А-20, изготовили в металле в первой половине 1939 года. Одновременно с ним спроектировали и изготовили гусеничный танк А-20Г, отличавшийся только отсутствием привода колесного хода и наличием пяти, а не четырех опорных катков на борт. Легкий танк А-20Г, переименованный в А-32, изготовили в двух экземплярах, один из которых был вооружен 45-мм, а другой — 76-мм пушкой. Осенью 1939-го А-32, как имевший запас по увеличению массы (это позволяла его ходовая часть), защитили 45-мм броней. В таком виде эта машина и была принята на вооружение под индексом Т-34!

Так что же современного было в конструкции танка, проектирование которого фактически началось в 1935 году? Да практически ничего! В итоге

работ получили средний по массе танк в габаритах легкого с не просто плотной, а чрезвычайно тесной компоновкой. К новшествам «тридцатьчетверки» традиционно относят наклон броневых листов и дизельный двигатель. Полноте! И то, и другое было новшеством в 1935 году, но не в 1941-м! Нельзя же всерьез полагать, что только конструкторы ХПЗ знали, что наклон броневых листов повышает их снарядостойкость. Рациональное расположение бронелистов в разной степени уже применялось на многих зарубежных и отечественных танках, а литые корпуса французских танков, например, имели еще более совершенную форму. Что касается дизелей, то и они уже использовались в танкостроении, наиболее активно в японском. То, что в Европе серьезно не занимались разработкой мощных танковых дизелей, вполне объяснимо — большой запас хода там был просто не нужен. А для танкостроения вполне хватало автомобильных моторов — учитывая высокий уровень развития европейского автомобилестроения. Как известно бензиновые танковые двигатели использовались на Западе вплоть до 1960-х годов, и там по этому поводу особенно не комплексовали. Кстати, в Европе было полно дизельных грузовиков, которых в СССР не было вовсе. Так что и дизель не новшество. Подвеска же «типа Кристи» на Т-34 была абсолютной архаикой для 1941 года. Современной тогда считалась торсионная подвеска, имевшаяся у КВ, легкого Т-50 и немецкого среднего танка Pz.III. Получается, что реальное новшество у Т-34 было только одно — 76-мм пушка с длиной

ствола в 41 калибр. Такое орудие действительно впервые установили на танке. Тут у Т-34 действительно не было аналогов. Но совершенно очевидно, что одно только вооружение ничего не решало, тем более его мощь в значительной степени нивелировалась недостатками конструкции танка: невысоким качеством и неудачным расположением прицелов и приборов наблюдения, а главное — стесненностью боевого отделения, изначально предназначенного для 45-мм пушки.

Конечно же, нельзя утверждать, что для 1941 года «тридцатьчетверка» была устаревшей по конструкции, но и самой современной ее назвать нельзя. Во всяком случае КВ и Т-50 были современнее. А немецкие танки Pz.III и Pz.IV были конструктивно лучше отработаны. По настоящему современным был танк Т-34М, но его производство, как известно, развернуть не успели.

Но Т-34 получился идеально сбалансированным танком. Сочетание «огонь+броня+маневр» у него было оптимальным. Последнее обстоятельство позволяет считать Т-34 первым в мире универсальным танком, по своим боевым возможностям в 1941 году доминировавшим на поле боя. Концептуальных аналогов на тот момент в мире действительно не было. Немцы получили свой первый универсальный танк только в начале 1942 года, после уже упоминавшейся установки в Pz.IV длинноствольной 75-мм пушки. Тогда же «четверка» догнала Т-34 по сбалансированности и обогнала по боевым характеристикам. Вот в чем и заключается парадокс танка Т-34: не будучи в 1941

году достаточно современным по конструкции, он был самым современным по концепции. А значит — все немецкие танки, как мы это уже выяснили, были современнее всех советских машин «старых типов», но одновременно являлись безнадежно устаревшими по сравнению с Т-34 и отчасти с КВ.

В связи с этим интересно другое: к 22 июня 1941 года в западных военных округах имелось 504 танка КВ и 967 Т-34, а всего 1471 танк (причем все они были боеготовыми, поскольку относились к 1-й категории). В то же время на советской западной границе были сосредоточены 1404 (по другим данным 1385) средних танков Pz.III и тяжелых Pz.IV. Из этого следует, что средних и тяжелых танков «новых типов» мы имели столько же и даже чуть больше, чем немцы своих самых современных и наиболее сильных боевых машин. При этом наши танки были современнее немецких! Тогда в чем же дело? Почему произошло то, что произошло?

Дело в том, что все КВ и Т-34 относились к 1-й категории, то есть представляли собой «имущество новое, не бывшее в эксплуатации и вполне годное к использованию». Вся загвоздка состоит в словах «не бывшее в эксплуатации». С находившимися на хранении танками «старых типов» все понятно — они были в эксплуатации уже несколько лет, их знали в войсках и снятый с хранения новый танк такого типа не вызывал сложностей освоения у танкистов. А вот с машинами «новых типов» — КВ, Т-34 и легкими Т-40 — ситуация была несколько иной. Во-первых, эти танки были сложнее в эксплуатации и обслужи-

вании, во-вторых, совершенно незнакомы экипажам, а в-третьих, имели множество конструктивных недостатков. Естественно, все эти проблемы были преодолимы. Но для этого требовалось время — нужно было тренировать танкистов и учить ремонтников эксплуатировать машины «новых типов», а заводы-изготовители должны были устранять недостатки по результатам эксплуатации машин. Но на деле основная часть новых Т-34 и КВ стояла в парках, а экипажи обучались на стареньких БТ и Т-26. Например, к 1 декабря 1940 года в танковых частях Красной Армии имелось всего 130 КВ и 37 Т-34. Естественно, такое количество не могло обеспечить нормального процесса обучения танкистов. К 1 июня 1941 года в западных военных округах эксплуатировалось 70 КВ и 38 (!) Т-34 (15 и 5% соответственно). В такой ситуации хорошо подготовленных экипажей на новые танки было очень немного. А что касается танков, отправленных в войска в июне, то ни о каком их освоении вообще не может быть и речи. Например, в 41-ю танковую дивизию 16 танков КВ прибыли за неделю до начала войны, а 15 КВ — 21 июня. До этого новых машин никто в дивизии и в глаза не видел.

Исходя из выше сказанного, можно считать, что подготовленных экипажей на КВ и Т-34 к началу войны имелось не более 300 (150 на КВ и столько же на Т-34), а может, даже меньше. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в первые же дни боев значительная часть этих танков была потеряна главным образом из-за технических неисправностей в

результате неграмотной эксплуатации. В танковых частях до войны не было в достаточной степени освоено вождение боевых машин, а сокращенные нормы боеприпасов не позволили полностью отработать стрельбу из танков, оснащенных новыми артистическими системами. Накануне войны в механизированных корпусах Ленинградского, Прибалтийского и Западного Особых военных округов вообще не было выстрелов к 152-мм танковым гаубицам КВ-2, а корпуса Киевского Особого и Одесского округов были обеспечены ими всего лишь на 10—15%. Общая обеспеченность мехкорпусов 76-мм танковыми выстрелами не превышала 12%, а в некоторых частях еще ниже. Само собой разумеется, что недостаток боеприпасов для Т-34 и КВ значительно снижал их боевые возможности.

Впрочем, вопрос качества, новизны и устарелости не так уж важен. И на устаревшей технике можно эффективно бороться с более современными танками. В годы войны это доказывалось не раз: и в 1941 году, и позже. Сами по себе танки ничего не решают, как и их количество. Мало что решает и отдельно взятый экипаж, даже с очень хорошим уровнем подготовки. Примеров удачных умелых действий отдельных танковых экипажей летом 1941 года можно привести довольно много, в том числе и на устаревших танках «старых типов». Но это умение, этот героизм ничего изменить не смогли. Почему? Да потому, что отдельные танки и их экипажи — это всего лишь ноты. Чтобы ноты сложились в мелодию, необходим инструмент. Таким инструментом в нашем случае

являются танковые войска. Какими они были у нас и у немцев? Дав ответ на этот вопрос, придем к пониманию если не стратегических, то оперативно-тактических причин поражения Красной Армии летом 1941 года.

Развертывание немецких танковых войск началось в октябре 1935 года, когда были сформированы первые три танковые дивизии. В 1938 году в дополнение к ним были сформированы еще две. Структура танковых дивизий была примерно одинакова: танковая бригада из двух полков по два батальона трехротного состава в каждом. Из трех рот — две легких танков и одна смешанная. Мотострелковая бригада в составе мотострелкового полка двух-батальонного состава и мотоциклетно-стрелкового батальона. Разведывательный батальон; противотанковый дивизион; моторизованный артиллерийский полк, включавший два легких дивизиона; саперный батальон и тыловые подразделения. По штату в дивизии насчитывалось 11 792 военнослужащих (в том числе 394 офицера), 324 танка, 421 бронетранспортер, 10 бронеавтомобилей, 36 полевых артиллерийских систем на механической тяге, 48 противотанковых пушек калибра 37 мм. На практике, правда, этот штат никогда не соблюдался полностью. Так, например, бронетранспортеры числились только на бумаге — даже в 1941 году в некоторых дивизиях ими была укомплектована только одна рота в мотострелковом полку. Остальные подразделения на марше перевозились грузовиками.

К началу Второй мировой войны число танковых соединений в Вермахте значительно увеличилось. В наступлении на Польшу приняли участие шесть танковых и четыре легких дивизии. Исходя из опыта Польской кампании, последние (изначально предназначенные для боевых действий совместно с кавалерией) были переформированы в танковые. В результате реорганизации, начатой в июле 1940 года после победы на Западе, число танковых дивизий Вермахта было доведено до 21. Этот процесс происходил путем дробления танковых бригад существующих дивизий и создания на базе высвобождающихся танковых полков новых соединений. Кроме того, стремясь обеспечить высокую боеспособность новых формирований, командование сухопутных войск включало в их состав части и подразделения из соединений, уже имевших солидный боевой опыт. Обычно это были целые полки или батальоны. Так, на укомплектование 11 новых танковых дивизий были обращены части и подразделения шести пехотных и двух моторизованных дивизий, а также одной моторизованной бригады. Например, в состав вновь сформированной 14-й танковой дивизии вошли два полка бывшей 4-й пехотной дивизии, а третий полк этой дивизии стал основой 18-й танковой дивизии. В состав новых танковых дивизий было включено также несколько пулеметных батальонов резерва Главного командования.

Теперь во всех танковых дивизиях Вермахта был только один танковый полк двух- или трехбатальонного состава. Зато число мотострелковых полков возросло

до двух. По штату дивизии полагалось иметь 196 танков, однако в реальности их число колебалось от 143 до 265 (во всяком случае в тех 17 танковых дивизиях, которые атаковали 22 июня 1941 года советскую границу). Общее сокращение танков в дивизии в значительной степени компенсировалось количественным и качественным наращиванием ударных возможностей танковых рот батальонов.

Помимо танковых, в сухопутных войсках имелись мотопехотные дивизии. Для участия в операции «Барбаросса» привлекались 14 таких соединений Вермахта и войск СС. Мотопехотные дивизии Вермахта, в отличие от обычных пехотных дивизий, имели в своем составе два, а не три полка пехоты, правда, полностью моторизованных. Артиллерийский полк мотопехотной дивизии был трехдивизионного состава (у пехотной дивизии — четыре дивизиона), но полностью обеспечивался механической тягой — полугусеничными тягачами. Механической тягой и автотранспортом были укомплектованы и остальные подразделения мотопехотной дивизии.

Мотопехотные дивизии СС имели по три мотопехотных полка и моторизованный артполк четырехдивизионного состава.

Об уровне моторизации Вермахта следует сказать особо. Для тех лет она действительно была очень высокой. К июню 1941 года немецкая армия располагала более чем 600 тыс. автомобилей различного типа. Около 500 тыс. были немецкого производства, остальные — трофейные. Из танковых соединений лишь одна 20-я танковая дивизия была полностью укомплектована ав-

тот транспортом французского производства, остальные имели на вооружении исключительно немецкие автомашины. Следует отметить, что значительная часть немецких автомобилей была разработана специально для армии, в том числе полноприводные автомобили с колесными формулами 4x4 и 6x6, специализированные артиллерийские тягачи и т.д. Кроме того, в армии имелось 15 642 полугусеничных тягача с тяговым усилием от 1 до 18 т, которые использовались как для буксировки орудий, так и в качестве эвакуационных средств, а также как шасси для размещения различного вооружения.

Танковые и мотопехотные дивизии объединялись в армейские моторизованные корпуса (Armeekorps (mot)), которые во многих отечественных источниках именуется танковыми, что не совсем верно. Танковые корпуса в немецкой армии появились несколько позже. Моторизованные корпуса получили боевое крещение во время Польской кампании и особенно эффективно использовались во Франции в 1940 году. Однако, готовясь к войне с Советским Союзом, германское командование посчитало объединение танковых и моторизованных соединений только в корпуса недостаточным. Поэтому, с учетом размаха предстоящих операций и возможностей противника (Красную Армию немцы недооценили гораздо меньше, чем наше руководство Вермахт), моторизованные корпуса были объединены в танковые группы, по сути — танковые армии.

Состав танковых групп существенно различался. Наиболее слабой была 4-я танковая группа (группа

армий «Север»). В двух ее моторизованных корпусах имелось 3 танковых, 2 моторизованных и 2 пехотных дивизии. Кроме того, в подчинении штаба группы имелась мотопехотная дивизия СС «Мертвая голова». Наиболее мощными являлись 2-я и 3-я танковые группы (группа армий «Центр»), действовавшие на главном стратегическом направлении. В состав 2-й танковой группы входили три моторизованных корпуса и один армейский (5 танковых, 3 мотопехотных, 3 пехотных, 1 кавалерийская дивизии и 1 моторизованная бригада). 3-я танковая группа включала в себя два моторизованных и два армейских корпуса (4 танковых, 3 мотопехотных и 4 пехотных дивизии). И, наконец, 1-я танковая группа состояла из трех моторизованных и одного армейского корпусов (5 танковых, 3 мотопехотных, 2 пехотных дивизии и 1 мотопехотная бригада).

Особенностью германских танковых войск было большое количество мотопехоты в их составе. Так, в танковой дивизии на два танковых батальона приходилось четыре мотострелковых и один — мотоциклетно-стрелковый. В масштабах корпуса это соотношение возрастало еще больше: на четыре танковых батальона приходилось восемь мотострелковых, шесть мотопехотных и три мотоциклетно-стрелковых батальона. Если учесть, что все последние были разновидностью пехотного батальона и незначительно различались между собой организацией и способом транспортировки личного состава, то можно считать, что в среднем на четыре танковых батальона в

моторизованном корпусе Вермахта приходилось 17 пехотных.

Хорошо это или плохо? Советская танковая дивизия имела шесть танковых и три мотострелковых батальона. Она в 2 раза превосходила немецкую по штатному количеству танков, уступая в численности личного состава (11 тыс. против 16 тыс. человек). С одной стороны, ударные возможности у немецкой танковой дивизии вдвое ниже, а с другой — выше устойчивость соединения на поле боя. Если, конечно, отойти от достаточно распространенного представления о танковом соединении как о безудержно несущейся вперед массе танков.

Ничего подобного немецкая танковая дивизия никогда собой не представляла. Хорошо отработанным, характерным приемом ведения боевых действий было формирование так называемых «боевых групп» (Kampfgruppe). Боевая группа представляла собой временное соединение из различных частей дивизионного подчинения. Ядром боевой группы являлся танковый или мотострелковый полк, которому придавались артиллерийские, противотанковые, саперные и другие подразделения. Часто в боевую группу включались и корпусные средства усиления. Возглавлял боевую группу командир полка или бригады. В рамках дивизии могли формироваться одна или две боевые группы. В итоге получалось соединение, достаточно компактное, легко управляемое, лишенное тыловых служб и обозов, с прекрасным взаимодействием различных родов войск. Приказы артиллеристам и саперам отдавал командир бо-

своей группы, не запрашивая при этом командира дивизии. После первых же столкновений с советскими танками Т-34 и КВ в состав боевых групп танковых дивизий в обязательном порядке стали включать батарею 88-мм зенитных пушек. Из воспоминаний наших танкистов следует, что практически сразу же после столкновения с немецкими танками наши танки попадали под огонь 88-мм зениток. Возникало ощущение, что эти орудия движутся непосредственно в боевых порядках немецких танковых частей. На самом деле так оно и было, организация боевой группы это позволяла. Вместе с тем в руках командира дивизии всегда имелся резерв из пары мотострелковых батальонов и нескольких артиллерийских дивизионов, главным образом 150-мм гаубиц и 105-мм пушек, которыми всегда могли быть усилены одна или другая группа.

В соответствии с организацией выстраивалась и тактика применения танковых соединений. При встрече с обороняющимся противником танки с ходу никогда в атаку не бросались. Разведка боем проводилась силами мотострелковых подразделений, велась активная разведка на флангах, выявлялись слабые места в обороне, а затем, после авиационной и артиллерийской подготовки, наносился сосредоточенный танковый удар при обязательной пехотной поддержке, как правило, на флангах. В случае атаки советскими танковыми подразделениями немецкие танки, как правило, от встречного боя уклонялись. Они оттягивались назад, а вперед выдвигались пехота и противотанковая артиллерия, немедленно вызы-

валась авиация. По необходимости подтягивалась тяжелая артиллерия. Таким образом, противнику, повсеместно атаковавшему практически без всякой пехотной, артиллерийской и авиационной поддержки, навязывался огневой бой на заведомо невыгодных для него условиях. Обычно это заканчивалось избиением советских танков.

Характерным для лета 1941 года было то, что перед немецкими танковыми войсками не ставились задачи по удержанию территории. Танковые группы, подобно клиньям, должны были взламывать оборону противника и, следуя впереди полевых армий, устремляться к главным целям операций. Увеличению мобильности танковых групп способствовало также отсутствие у них громоздких тыловых обозов. Материально-техническое обеспечение танковых групп возлагалось на полевые армии, в полосе которых они действовали. Аналогичные задачи, только меньшего масштаба, ставились и перед дивизионными боевыми группами, в составе которых также не было обозов. Все тыловые службы обеспечения и снабжения оставались в ведении командира дивизии.

В заключение краткого обзора немецких танковых войск необходимо сказать об уровне боевой подготовки личного состава Вермахта. Начиная с 12 октября 1940 года, после отказа германского командования от вторжения на Британские острова, началась интенсивная подготовка к «восточному походу».

Особое значение немецкое командование придавало оперативно-тактической подготовке офицерского и генеральского состава. С этой целью были

организованы различные курсы, проводились занятия в частях и соединениях. Важнейшей формой непосредственной подготовки к войне против Советского Союза были многочисленные командно-штабные учения на всех уровнях. К ним очень тщательно готовились. Основной их задачей, как указывалось, например, в разработке 2-й армии на командно-штабное учение от 10—13 марта 1941 года, было *«развитие оперативного мышления офицеров»*. Генеральный штаб сухопутных войск в своих указаниях требовал в ходе командно-штабных учений и других занятий с офицерами учить их умело вести разведку, постоянно заботиться об организации взаимодействия между родами войск, соседями и с авиацией, быстро реагировать на изменение боевой обстановки, рационально использовать имеющиеся силы и средства, заблаговременно готовиться к борьбе с танками и авиацией противника.

В феврале—апреле 1941 года главнокомандующий сухопутными войсками В. Браухич издал ряд новых директив по вопросам обучения и воспитания личного состава. В них требовалось обучать военнослужащих *«в духе агрессивности и безжалостности, смелости и решительности в действиях»*, добиваться *«создания у немецкого солдата чувства превосходства над любым противником и непоколебимой веры в победу»*. В директивах обращалось внимание на трудности ведения войны в глубине территории СССР, в условиях бездорожья, указывалось на необходимость выработки у командиров всех степеней умения быстро принимать решения, организовыв-

вать боевое и материально-техническое обеспечение войск, заботиться о прикрытии флангов. От командиров требовалось отрабатывать действия войск по отражению ударов противника из засад, обучать войска способам достижения внезапности. Всем родам войск, соединениям, частям и подразделениям, в том числе маршевым и тыловым, предписывалось освоить применение имеющихся средств противотанковой обороны, изучить способы борьбы с танками и противотанковыми средствами противника. Указывалось также на необходимость обучить командный состав и войска умению работать с ограниченным количеством карт и устаревшими данными, нанесенными на них. 28 мая была издана директива, требовавшая в ходе боевой подготовки учитывать опыт действий немецких войск в Балканской кампании.

Немецкое командование сумело к 22 июня 1941 года полностью обеспечить войска, предназначенные для нападения на СССР, квалифицированными командными кадрами и создать необходимый резерв офицеров. Например, для каждой из трех групп армий был подготовлен резерв в 300 человек. Наиболее квалифицированные командные кадры направлялись в соединения, которые должны были действовать на главных направлениях. Так, в танковых и моторизованных дивизиях кадровые офицеры составляли 50% офицерского состава.

Что касается рядового состава, то летом—осенью 1940 года осуществлялись демобилизация солдат, достигших предельного для службы в армии возраста, и

массовое увольнение военнослужащих в долгосрочный отпуск. В результате появилась возможность призвать в армию более молодых людей, которым раньше предоставлялась бронь. Эти лица в течение восьми недель проходили индивидуальную подготовку в армии резерва, а затем направлялись в действующую армию, где обучались еще два месяца. Увольнение же в долгосрочный отпуск осуществлялось только из дивизий, накопивших немалый боевой опыт, военнослужащие которых не нуждались в дополнительном обучении. Было предусмотрено, что уволенные, отработав несколько месяцев на предприятиях в военных отраслях промышленности, в январе—марте 1941 года придут в свои соединения и в их составе примут участие в «восточном походе». Таким образом, немецкое руководство нашло рациональный способ удовлетворения нужд и промышленности, и вооруженных сил, позволивший не допустить снижения боеспособности войск.

В результате к 22 июня 1941 года Вермахт располагал хорошо обученным, в значительной степени имевшим боевой опыт рядовым и офицерским составом. Части и соединения были полностью укомплектованы людьми, вооружением и боевой техникой. Вся техника прошла текущий и капитальный ремонт и находилась в боеготовом состоянии. Были созданы необходимые запасы ГСМ, боеприпасов и продовольствия. Имелся четкий план боевых действий, а в штабах всех уровней — ясное понимание поставленной задачи. Вермахт был готов к войне.

Ну а Красная Армия и ее бронетанковые войс-

ка? Какова была их боеготовность? Разговор об этом, по-видимому, следует начать с периода, предшествующего масштабной реорганизации 1940—1941 годов.

21 ноября 1939 года, после детального изучения опыта действий танковых войск во время «освободительного похода» в Западную Белоруссию и Западную Украину, Главный Военный Совет принял решение об их реорганизации. Было признано целесообразным иметь однотипную организацию отдельных танковых соединений (бригад), вооруженных танками БТ и Т-26 с дальнейшим перевооружением их танками Т-34. В каждой из таких бригад 4-батальонного состава полагалось иметь по 258 машин. Бригады средних (Т-28) и тяжелых (Т-35) танков намечалось в последующем перевооружить танками КВ, по 156 машин в бригаде. Имевшиеся четыре управления танковых корпусов подлежали расформированию. Этим же решением Главного Военного Совета в организацию сухопутных войск вводился новый тип соединения — моторизованная дивизия. По штату дивизия состояла из двух мотострелковых, танкового и артиллерийского полков, а также подразделений боевого и материально-технического обеспечения. Дивизии полагалось иметь 257 танков и 73 бронемшины.

К маю 1940 года реорганизация советских танковых войск в основном была завершена: в составе сухопутных войск Красной Армии имелись четыре моторизованные дивизии и 39 отдельных танковых бригад (32 легкотанковых, вооруженных либо танками Т-26, либо БТ; три тяжелых, оснащенных тан-

ками Т-28, одна тяжелая с танками Т-28 и Т-35 и три химических). Это были полностью сформированные моторизованные и танковые соединения, обеспеченные материальной частью и подготовленными кадрами. Они могли быть использованы как для совместных действий с пехотой, так и для решения самостоятельных задач. Кроме указанных соединений, имелись танковые полки, входившие в состав 20 кавалерийских дивизий, и танковые батальоны в 98 стрелковых дивизиях. Следует отметить, что советские моторизованные дивизии и танковые бригады 1940 года по числу боевых машин были равны немецкой танковой дивизии того же периода.

Новая структура автобронетанковых войск и их боевой состав полностью соответствовали наличию бронетанковой техники, командных и технических кадров, а также сложившимся взглядам и накопленному опыту в области применения этого рода войск. К сожалению, эта структура просуществовала недолго.

В июне 1940 года в НКО СССР был рассмотрен опыт применения танков на Халхин-Голе и действий немецких танковых войск в Европе. Новое руководство НКО во главе с С.К.Тимошенко решило в кратчайшие сроки догнать и перегнать Вермахт по количеству и качеству бронетанковых войск. Основной ударной силой их должны были стать танковые дивизии, объединенные в механизированные корпуса.

Летом 1940 года было начато формирование

восьми механизированных корпусов и двух танковых дивизий. В октябре — ноябре 1940 года вне всяких планов в Киевском Особом военном округе сформировали девятый мехкорпус. На их формирование были обращены 19 танковых бригад, два танковых полка и все танковые батальоны стрелковых дивизий (за исключением 15 дивизий Дальневосточного фронта). В механизированный корпус входили две танковых и одна моторизованная дивизии, мотоциклетный полк и другие части и подразделения. В танковой дивизии полагалось иметь 375 танков (63 КВ, 210 Т-34, 26 БТ-7, 24 Т-26, 54 огнеметных) и 91 бронемашину, в моторизованной — 275 легких танков. А всего в корпусе — 1031 танк. Автобронетанковые войска должны были состоять из девяти механизированных корпусов, двух отдельных танковых дивизий, 28 отдельных бригад, а также других подразделений и частей. Для их укомплектования требовалось свыше 18 тыс. танков различных типов, в том числе 6354 тяжелых и средних — КВ и Т-34.

Реорганизация 1940 года привела к существенному снижению боеспособности автобронетанковых войск. Одни части и соединения были расформированы, другие создавались вновь. Шла ротация личного состава, передислокация частей. Вместе с тем на этом этапе и техники, и людей было еще достаточно, чтобы укомплектовать новые соединения до штата.

12 февраля 1941 года, согласно постановлению СНК СССР «О мобилизационном плане на 1941 год»,

началось формирование еще 21 механизированного корпуса. По этому плану Красная Армия должна была иметь 61 танковую дивизию (в том числе три отдельные) и 31 моторизованную (в том числе две отдельные). Для обеспечения новых формирований требовалось уже около 32 тыс. танков, в том числе 16,6 тыс. танков Т-34 и КВ. Чтобы выпустить необходимое количество боевых машин при существовавшей в 1940—1941 годах мощности танковой промышленности, даже с учетом привлечения новых предприятий, таких, как Сталинградский и Челябинский тракторные заводы, требовалось не менее четырех-пяти лет. Трудно понять логику принятия такого решения, когда война буквально стояла у порога. Еще более трудно понять, чем руководствовался его главный инициатор — начальник Генерального штаба Красной Армии Г.К.Жуков. Впоследствии в своих мемуарах маршал напишет: *«Мы не рассчитали объективных возможностей нашей танковой промышленности. Такого количества машин в течение одного года взять было неоткуда, доставало и технических, командных кадров»*. Интересно, а тогда, в 1941 году, начальник Генерального штаба этого не понимал? Это до него только спустя 20 лет дошло? Если так, то как второму после наркома обороны лицу в армии ему грош цена!

Непонятно и другое. Трехдивизионный состав корпуса с наличием большого количества танков, мотопехоты и артиллерии обеспечивал ему возможность самостоятельного ведения боевых действий в отрыве от общевойсковых армий. Однако наличие в кор-

пуге около восьми с половиной тысяч разнотипных боевых и вспомогательных машин (танков — 1031, бронемашин — 268, автомобилей — 5164, тракторов — 352, мотоциклов — 1679) при ведении боевых действий усложняло снабжение войск, а также организацию и производство ремонта боевой и транспортной техники. Кроме того, это требовало хорошей организации маршей — ведь при следовании частей корпуса по четырем маршрутам глубина походных колонн составляла около 150 км. Управлять частями при таком глубоком построении войск было чрезвычайно трудным делом. Штатные средства связи корпуса с недостаточно высокими техническими характеристиками не могли в полной мере обеспечить надежного управления войсками в бою, тем более что пользоваться радиосвязью в Красной Армии толком не умели. Кроме того, большинство механизированных корпусов возглавляли не танкисты, а общевойсковые командиры, не имевшие специальной теоретической подготовки, не знавшие достаточно глубоко боевых качеств и возможностей бронетехники. Поэтому они не могли правильно использовать крупные механизированные соединения в современных операциях. А уж такие гигантские и подавно! Ведь мехкорпус 1941 года должен был иметь танков больше, чем советская танковая армия в 1945-м! И таких армий у нас было только шесть!

В результате этой инициативы все соединения, имевшиеся в начале 1940 года, расформировали, а их боевая техника и личный состав были направлены на формирование механизированных корпусов. Однако

этого было недостаточно. В первом полугодии 1941 года промышленность дала армии 1800 танков, что мало влияло на ситуацию. Укомплектованность корпусов приграничных военных округов всеми типами боевых машин к началу войны составляла в среднем 53%, автомобилями — 39%, тракторами — 44%, ремонтными средствами — 29%, мотоциклами — 17%. Значительная часть техники нуждалась в среднем и капитальном ремонте, а промышленность могла дать к 1 июня 1941 года только 11% требуемого количества запасных частей.

Еще хуже дело обстояло с кадрами. Младшие специалисты — командиры танков, механики-водители, командиры орудий, радисты-пулеметчики — готовились в учебных батальонах и школах младшего командного состава. В связи с формированием большого количества новых соединений была создана дополнительная сеть курсов в округах и армиях, однако этого оказалось недостаточно. Положение усугублялось тем, что многие новые танковые части создавались на базе стрелковых и кавалерийских частей и соединений. Была организована массовая переподготовка кадров — пехотинцы, кавалеристы, артиллеристы, связисты становились... механиками-водителями танков, наводчиками и другими специалистами танковых войск. В короткие сроки решить такую задачу было невозможно. В результате новые экипажи к началу войны не успели овладеть техникой, многие механики-водители, например, получили всего лишь 1,5—2-часовую практику вождения танков. Катастрофически не хватало командного состава.

Укомплектованность большинства мехкорпусов, сформировавшихся весной 1941 года, по командно-начальствующему составу составляла 22—40%, а по младшему — от 16 до 50%.

На 1 июня 1941 года в штабах 15, 16, 19 и 22-го мехкорпусов не были укомплектованы даже такие отделы, как оперативные и разведывательные!

Большинство мехкорпусов, по замыслу предназначавшихся для ведения самостоятельных действий, придали общевойсковым армиям, на которые возлагалось прикрытие государственной границы. Основные их силы располагались на широком фронте в 30—40 км от границы, а дивизии в корпусах находились одна от другой на расстоянии 50—100 км и более. Подобная неудачная дислокация не позволяла в короткие сроки собрать основные силы корпусов для нанесения сосредоточенных ударов. Части и соединения вступали в бой разрозненно, часто выполняя противоречивые приказы.

Что же получаем в итоге? Весной 1940 года Красная Армия имела вполне боеспособные танковые войска: 39 полностью укомплектованных материальной частью и обученным личным составом танковых бригад, каждая из которых по числу танков равнялась немецкой танковой дивизии. Бригад сколоченных, с четко налаженным взаимодействием подразделений, с опытным, хорошо знающим друг друга командным составом. Как минимум шесть бригад имели опыт финской войны. Казалось бы — от добра добра не ищут. Стоило бы заняться совершенствованием организационных форм уже существующих подразделе-

ний. Используя все тот же немецкий опыт, добавить бригадам пехоты, артиллерии, насытить до штата средствами эвакуации и ремонта. Заняться перевооружением на новую технику, наконец. К 1 июня 1941 года можно было перевооружить все тяжелые танковые бригады танками КВ и три легкотанковые — танками Т-34.

Но все это — рутинная работа, мало заметная на самом верху. Иное дело — формирование самых больших в мире мехкорпусов в самом большом в мире количестве! Хорошо отобилизованные, вполне боеготовые соединения расформированы, материальная часть разбросана по другим соединениям, подготовленный рядовой и командный состав растворен в огромной, плохо обученной массе войск. В результате организационной перестройки, начатой меньше чем за год до начала войны, танковые войска Красной Армии в значительной степени утратили боеспособность.

Высшее политическое и военное руководство СССР допустило грубый просчет и в отношении ожидаемого направления главного стратегического удара противника. Оно считало, что германская армия будет наносить главный удар на юго-западном направлении на Киев, стремясь в первую очередь овладеть Украиной и Донецким бассейном. Поэтому наиболее крупная группировка советских войск (58 дивизий, или 35% всех сухопутных сил западных округов) была сосредоточена в составе Киевского Особого военного округа. А германская армия нанесла главный удар на западном стратегическом направле-

нии, где у нас было сконцентрировано меньше сил и средств.

Совершенно очевидно, что общее соотношение сил позволяло советскому командованию не допустить превосходства противника даже на направлениях его главных ударов. Но в действительности произошло обратное. В значительной мере это объясняется общими представлениями политического и военного руководства СССР о характере будущей войны. Оно считало, что война начнется так же, как и в 1914 году: сначала в дело вступят войска прикрытия, а лишь затем главные силы. В рамках такой концепции начало войны не должно было совпасть с началом военных действий основных сил сторон. По предвоенным оценкам, у нас в запасе должно было быть от 10 до 15 дней, достаточных для мобилизации запасных, автотранспорта, средств тяги и т.д. Однако к июню 1941 года этот взгляд уже устарел, но пересмотрен не был, хотя опыт войны в Европе давал такую возможность. Наши части и соединения продолжали оставаться в местах постоянной дислокации, несмотря на очевидную угрозу вражеского вторжения. Почему же Наркомат обороны и Генштаб безучастно наблюдали за сосредоточением Вермахта у советской границы? Да потому, что система принятия решений была жестко замкнута на одного человека — Сталина. Информация о подготовке Германии к войне не вписывалась в его сценарий развития событий — а значит, игнорировалась. В таких условиях поражение было неизбежно.

Ну а если представить на мгновение, что Сталин,

вопреки себе, внял бы голосу разума и дал указание ввести в действие «План обороны государственной границы» и «Мобплан №23» (МП-41), с проведением мобилизации хотя бы по первому варианту — скрытым порядком, в рамках так называемых «Больших учебных сборов». Что тогда? Тогда войска, расположенные в непосредственной близости от государственной границы, после объявления боевой тревоги должны были занять районы обороны, намеченные им по плану. Сроки готовности первого эшелона (114 дивизий армий прикрытия, укрепленные районы на западной границе, 85% войск ПВО, воздушно-десантные войска, свыше 75% ВВС, 34 артиллерийских полка РГК) к выступлению в поход составляли от 2 до 6 ч. Время готовности войск второго эшелона — на 2—3-и сутки после объявления мобилизации. Так что тревогу не поздно было объявить за неделю до 22 июня. Войска прикрытия, в том числе и механизированные корпуса, успели бы покинуть места постоянной дислокации, выдвинуться к госгранице (без всякого воздействия авиации противника) и занять оборону. Более того, к границе успели бы подойти и войска второго эшелона. Внезапность вражеского нападения была бы утрачена. Стоит задаться вопросом: напали бы в такой ситуации немцы? Ведь мобилизация и развертывание войск Красной Армии вдоль границы не могли бы остаться ими не замеченными. Вероятнее всего — напали бы. Военная машина была запущена, а остановить ее очень трудно, практически невозможно. Война бы началась, но это могла быть уже другая война!

Мирослав Морозов

ПОРАЖЕНИЕ ЛЕТОМ 1941 ГОДА БЫЛО ЗАКОНОМЕРНЫМ

Дискуссия о причинах поражений Красной Армии летом 1941 года с различным уровнем интенсивности велась на протяжении всех послевоенных лет. В зависимости от уровня гласности в нашей стране она то принимала формы отдельных реплик в военно-исторических трудах и мемуарах, то превращалась в поток книг и публикаций в различных СМИ, как это происходит, например, сейчас.

Еще в 1941 г. Сталин заявил, что основной причиной «временных неудач Красной Армии» являлась внезапность нападения и огромный численный перевес противника. Теперь мы знаем, что это было не так. К настоящему времени российские историки в основном пришли к правильному пониманию причин поражений в первых операциях кампании 1941 г., хотя версия В. Резуна (Суворова), что главной причиной являлось неправильное развертывание войск, направленное не на оборону, а на наступательную войну против Германии, все еще имеет хождение.

В чем причина того, что эта дискуссия так долго не затухает? Помимо определенной политической

ангажированности данного вопроса, при анализе многих публикаций в глаза бросается слабое понимание рядом авторов чисто военных аспектов, в частности, тех, которые реально влияют на боеготовность вооруженных сил. Очень многие не идут дальше доводов, которые лежат на поверхности, а именно простого сопоставления численности и тактико-технических характеристик вооружения и военной техники. Самое интересное заключается, пожалуй, в том, что те, кто строил Красную Армию в 20—30-е годы, рассуждали аналогично и постарались, чтобы к началу будущей войны РККА была бы обеспечена большим числом танков, самолетов, пушек и т.д. Пусть характеристики многих образцов на лето 1941 года и не были последним словом военно-технического прогресса, но они уступали технике противника далеко не в той степени, чтобы объяснить масштабы серии постигших нашу страну военных катастроф. Гораздо меньше внимания уделялось оттачиванию Красной Армии как инструмента вооруженной борьбы. Оставался не решенным целый комплекс животрепещущих вопросов, связанных с боевым управлением и всеми видами обеспечения, на обе ноги хромали боевая подготовка войск и подготовка военных кадров. Последнее сыграло особенно негативную роль, поскольку не позволило сформировать современную и эффективную национальную концепцию военного искусства и выработать соответствующие обстановке планы военных действий. Только сложив все эти факторы воедино, мы и можем получить правильный ответ — пораже-

ние Красной Армии летом 41-го было абсолютно закономерным, тем более что ей пришлось столкнуться, пожалуй, с наиболее эффективной военной машиной, которая тогда существовала в мире — германским вермахтом. Приведенный ниже анализ раскрывает мысль автора на примере сопоставления предвоенного состояния военно-воздушных сил противоборствующих сторон.

СССР

Доктрина и военное искусство

а) Оперативное искусство

Советский Союз являлся одной из крупнейших континентальных держав, а площадь его территории примерно равнялась одной седьмой части суши. Поэтому неудивительно, что главным видом вооруженных сил России всегда считались сухопутные войска, в то время как другие виды по существу обеспечивали их действия. В равной степени такой подход в 20—30-е годы распространялся и на авиацию. Доктрина Дуэ была весьма холодно воспринята в СССР, получив эпитеты «антинаучная» и «реакционная». В своих взглядах советские военные руководители еще более укреплялись, наблюдая за немецкими учениями по поддержке сухопутных войск в Липецкой авиационной школе.

В отличие от Англии и Франции, в Советском Союзе не считали, что будущая война обязательно должна быть затяжной и победа в ней может быть

достигнута только после сокрушения (в т.ч. и воздушными ударами) экономики противника. Советская военная наука без колебаний пришла к выводу, что цели войны должны быть достигнуты решительным наземным наступлением. Выразитель идей высшего советского военного командования в области авиации профессор комбриг А.Н. Лапчинский в труде «Воздушная армия» писал: *«Раз налицо имеется массовая наступательная армия, основная задача воздушной армии — содействие продвижению этой армии вперед, для чего должны быть сосредоточены все силы. Раз ведется маневренная война, нужно выиграть воздушно-земные сражения, которые завязываются в воздухе и кончаются на земле, что требует сосредоточения всех воздушных сил»*. То же подтверждалось и в последующих программных документах и выступлениях.

На совещании высшего комсостава РККА в декабре 1940 г. народный комиссар обороны маршал С. К. Тимошенко заявил: *«Использование ВВС в операциях фронта и армии будет идти в порядке последовательного выполнения следующих задач:*

1) *Подавление воздушного противника, материальное и моральное истощение его наземных сил; одновременно с этим прикрытие своих войск и тыла с воздуха.*

2) *Непосредственное содействие войскам в прорыве тактической обороны противника, одновременно с этим продолжение борьбы с ВВС противника и обеспечение высадки и действий воздушных десантов»*.

Борьбу с авиацией противника рекомендовалось вести двумя способами: уничтожением авиации противника на аэродромах с одновременным ударом по его тылам: фронтовым базам, ремонтным службам, складам горючего и боеприпасов — и уничтожением вражеской авиации в воздушных боях.

Следующим по важности считалось участие авиации в «глубокой» наступательной операции. Согласно ее теории, наступление войск должно *«носить характер подавления всей оборонительной полосы с последующим прорывом, окружением и уничтожением противника»*. Следует подчеркнуть, что при прорыве тактической зоны обороны авиация предназначалась для ударов не по первой, а по второй позиции в глубине обороны противника, не менее чем в 1—2 км от линии фронта. Взламывать оборону противника на первой позиции должна была артиллерия, и это избавляло авиацию от необходимости четкой отработки вопросов тактического взаимодействия с сухопутными войсками, взаимного опознавания, обозначения переднего края и т.д. Наоборот, главные цели для воздействия авиации находились, по мнению советских военных теоретиков, в оперативном тылу. Главными тыловыми объектами они считали вражеские аэродромы и железнодорожные станции.

Предусматривались и так называемые самостоятельные стратегические воздушные операции ВВС — удары против важнейших военных, экономических и политических центров противника, но этим действиям отводилась явно второстепенная роль.

К сожалению, сталинские репрессии против ко-

мандных кадров имели одним из своих последствий полное прекращение всех военно-теоретических разработок. А необходимость их продолжения в конце 30-х годов возникла в связи с приобретением первого боевого опыта в ходе локальных войн и конфликтов. При отсутствии теоретической школы выдвинутые в период 1937—1939 гг. на должности командующих ВВС округов молодые командиры были предоставлены сами себе и не имели четкого мнения относительно оптимальных способов решения тех или иных задач. Все это ясно продемонстрировало совещание высшего командного состава, проводившееся в декабре 1940 г. Как теперь известно, до начала войны оставалось примерно полгода, а высказывались подчас прямо противоположные мнения относительно оптимальной структуры ВВС, степени централизации управления авиацией, лучших способов завоевания господства в воздухе, эффективности налетов на неприятельские аэродромы, взаимодействия авиации с наземными войсками. Выступающие также по-разному оценивали опыт боевых действий в Западной Европе. Это вызвало тревогу у наркома обороны. Подводя итоги совещания, Тимошенко сказал:

«В отношении использования ВВС в операциях мы имеем большой накопленный опыт, но, как отмечалось на совещании, этот опыт до сих пор не обобщен и не изучен. Больше того, — а это может быть чревато тяжелыми последствиями, — у нашего руководящего состава ВВС нет единства взглядов на такие вопросы, как построение и планирование операций, оценка противника, мето-

дика ведения воздушной войны и навязывание противнику своей воли, выбор целей и т. д.»

б) Тактика

Бомбардировочная и штурмовая авиация

Тактика советской бомбардировочной авиации являлась довольно примитивной. В качестве основного метода поражения целей практиковалось бомбометание с горизонтального полета. В начале войны с Финляндией оно осуществлялось с высот 800—1500 м, но после ощутимых потерь, которые, как считалось, нанесены финской зенитной артиллерией (на самом деле большая часть их приходилась на финские истребители и различные летные происшествия), высоту бомбометания увеличили до 3000—4000 м. При этом уменьшение точности, вызванное увеличением высоты сбрасывания, не компенсировалось увеличением наряда сил бомбардировщиков. Сформировавшиеся еще в первой половине 30-х годов тактические нормативы сильно преувеличивали действенность бомбометания, в результате чего в большом количестве случаев наблюдалось выделение слишком малого числа самолетов для выполнения одной задачи — звена там, где требовалась эскадрилья, эскадрильи там, где требовался полк, и т.д. Недостаточно внимания уделялось отработке слетанности большого числа бомбардировщиков в едином строю, организации системы оборонительного огня в масштабе звена или эскадрильи. Хотя все самолеты бомбардировочной авиации были

оснащены радиостанциями, для руководства боевыми действиями они почти не применялись.

Отработка методов бомбометания с пикирования находилось в зачаточной стадии. В ходе войны с Финляндией специальная экспериментальная часть пыталась освоить пикирование на бомбардировщиках ДБ-3 и СБ, но эти попытки потерпели неудачу. Временным выходом стал выпуск бомбардировщика Ар-2 — специальной версии СБ, предназначенной для выполнения атак с пикирования. Бомбардировщики Пе-2, специально планировавшиеся в качестве пикирующих, начали поступать в строевые части только в начале 1941 г., что не позволило подготовить кадры к выполнению данного метода атаки.

Штурмовая авиация до войны освоила теорию и практику проведения штурмовых атак, но и здесь имелся целый ряд недостатков. Во-первых, в ВВС РККА до середины 1940 г. имелось всего пять штурмовых авиаполков, что было явно недостаточно для выполнения поставленных задач (к 1945 г. численность штурмовиков в ВВС РККА примерно в два раза превышала количество бомбардировщиков). Во-вторых, до начала 1941 г. штурмовые авиаполки были в основном вооружены устаревшими истребителями ДИ-6 и И-15бис, не имевшими бронирования и обладавшими слабым стрелковым вооружением. В-третьих, реактивные снаряды РС до начала войны считались совершенно секретным видом вооружения, в результате чего отработка их боевого применения почти не проводилась.

Методы взаимодействия авиации с наземными войсками оставались неразработанными. До войны предусматривалось только выделение авиационных представителей в штабы стрелковых корпусов или дивизий, действовавших на направлении главного удара, но эти представители являлись просто передаточной инстанцией между сухопутным командованием и авиационной частью или соединением. Передовых авиационных наводчиков не существовало. Войска должны были обозначать свой передний край и подавать идентификационные сигналы выкладыванием на земле специальных полотнищ или простыней. Однако даже в ходе Зимней войны, где советская авиация обладала бесспорным господством в воздухе в районе линии фронта, эта система показала свою малую эффективность — опасаясь ударов вражеской авиации, наземные войска регулярно отказывались такие сигналы выкладывать.

Истребительная авиация

По большинству вопросов тактика советской истребительной авиации оставалась на уровне конца Первой мировой войны. Основными методами ее боевого применения считались прикрытие своих наземных войск и объектов и сопровождение бомбардировщиков. Из-за небольшой дальности полета и слабой штурманской подготовки полеты в глубь контролируемой противником территории на «свободную охоту» не практиковались.

Применение боевых порядков на основе трехмолетного звена не позволяло эффективно исполь-

зовать боевые качества новых скоростных истребителей типа Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3 в вертикальном маневре. Переход к боевым порядкам пары в истребительной авиации в ближайшее время не предусматривался.

Поскольку радиосвязь на советских истребителях практически отсутствовала, для наведения самолетов в воздухе предназначались специальные наземные посты наведения, которые должны были выкладывать на земле соответствующие сигналы полотнищами. Прочитать такой сигнал с большой высоты было зачастую затруднительно, поэтому истребителям приходилось снижаться и совершать круги, в то время как обстановка требовала решительных действий. К тому же такие посты наведения существовали только в системе ПВО крупных городов. В воздухе ведущие для управления ведомыми использовали визуальные сигналы руками или эволюциями самолета.

Разведывательная авиация

Ее тактика также находилась в примитивном состоянии. Это объяснялось в первую очередь слабостью самой разведывательной авиации. Фактически в составе ВВС существовало только несколько дальнеразведывательных эскадрилий и полков, которые готовились к выполнению задач командований фронтов или Главного командования с использованием фотоаппаратуры. Задачи же разведки на тактическую и оперативную глубину предстояло решать самолетам истребительной и бомбардировочной авиации исключительно на основе визуального наблюдения. Для этого летчикам сле-

довало до войны упражняться в правильной классификации наземных целей, но практически этого не делалось. В результате качество визуальной разведки оказывалось очень низким.

Организация

Советская авиация не являлась в то время самостоятельным видом вооруженных сил, а всего лишь родом войск в составе РККА и ВМФ. Во главе сухопутной авиации стояло Главное управление ВВС РККА под командованием генерал-лейтенанта П.Ф. Жигарева (назначен на должность 12.4.1941 вместо арестованного П.В. Рычагова). Главное управление организационно состояло из штаба и отдельных управлений. Штаб не имел оперативных функций, а ведал в основном вопросами боевой подготовки, тылового обеспечения и расстановки кадров. В его 1-м отделе велись только карты оперативной обстановки по отдельным направлениям, осуществлялось изучение вероятного противника. Вся полнота власти в отношении авиации военных округов находилась в руках командующих округов и подчиненных им командующих ВВС округов, а в отношении корпусов ДБА — начальника Управления авиации Главного командования полковника Л.А. Горбачевича (назначен на должность в апреле 1941г. вместо арестованного И.И. Проскурова), правда, часть сил ДБА (3-й авиакорпус и 18-я отдельная дивизия) была передана в оперативное подчинение командующим округами.

В соответствии с советской авиационной доктриной ВВС РККА подразделялись на авиацию Главного командования (ДБА), фронтовую (ВВС округов), армейскую (ВВС общевойсковых армий) и войсковую (корпусные эскадрильи) авиацию. Деление авиации на армейскую и фронтовую было принято с целью обеспечения более тесного взаимодействия с войсками на поле боя. Такая подчиненность соединений авиации фронтов была одобрена на совещании высшего руководящего состава РККА 23—31.12.1940. Так, в заключительной речи нарком обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко отмечал: *«Последний опыт на Западе подтвердил необходимость наличия войсковой авиации, авиации армейской и фронтовой, используемой по обстановке для обеспечения войск и для самостоятельных действий...»* На самом деле, такой вывод являлся глубоко ошибочным, препятствовавшим массированному и централизованному использованию авиации на важнейших направлениях.

Авиационные дивизии ВВС РККА состояли из трех-пяти авиаполков. В состав ВВС округов, как правило, входили истребительные и бомбардировочные авиадивизии, в состав ВВС армий — отдельные смешанные дивизии. Общая численность авиаполков в ВВС РККА за два года (с января 1939 г. по январь 1941 г.) увеличилась со 115 до 249.

23.10.1940 нарком обороны и начальник Генштаба докладывали Сталину переработанную программу подготовки летно-технического состава и усиления ВВС Красной Армии (доведение до 20 000 самолетов

в строю). В соответствии с этой программой планировалось сформировать в 1941 г. 2 дальнебомбардировочных, 23 скоростных бомбардировочных, 22 двухмоторных и 53 одномоторных истребительных и 4 смешанных авиаполка (всего 104 полка) и управления 25 авиадивизий. Выполнение этих мероприятий должно было дать штатную численность самолетов в ВВС к концу 1941 г. в 32 432 машины, из них 22 171 боевых. Формирование новых авиаполков следовало начать 1.2.1941 и закончить к 1.1.1942. Для подготовки в 1941 г. 32 500 летчиков и 69 тыс. авиаспециалистов создавались 33 новые авиашколы, а также соответствующие части для строительства и обслуживания аэродромов. Соответственно штатная численность ВВС возросла бы до 542 тыс. человек. 5.11.1940 Политбюро утвердило эту программу. Реально же в течение первых месяцев 1941 г. удалось начать формирование только 19 полков.

Следует подчеркнуть, что такие высокие темпы развертывания новых частей и соединений не обеспечивались ни поставками новой авиатехники, ни подготовкой летных кадров, в результате чего примерно 25% от общего числа полков существовали только на бумаге — в виде формирующих штабов. Так, на 22.6.1941 ВВС ЛенВО в своем составе имели: укомплектованных авиатехникой на 70—100% с подготовленным летным составом — 15 полков, из них бомбардировочных — 6, истребительных — 7, штурмовых — 1, разведывательных — 1; укомплектованных авиатехникой на 15—20% с полным штатом летного состава выпуска 1940 г. — 9 полков, из них бомбардировочных —

3, истребительных — 6; формирующихся по плану 1941 г., не укомплектованных ни авиатехникой, ни личным составом, за исключением штабов — 8, из них истребительных — 7, штурмовых — 1. Следовательно, только 15 полков из 32 были в той или иной степени боеготовы.

В ЗапОВО из 36 авиаполков были укомплектованы авиатехникой на 80—100% лишь 19 (одиннадцать истребительных, в т.ч. четыре на новых типах, семь бомбардировочных и один штурмовой), на 50—80% — два (истребительный и бомбардировочный), меньше чем на 50% — семь (четыре бомбардировочных, два разведывательных и один штурмовой) и вообще без техники — восемь истребительных авиаполков.

Не менее десятой части советских боевых самолетов принадлежали авиации ВМФ, которая возглавлялась собственным Управлением авиации (начальник управления генерал-майор авиации С.Ф. Жаворонков). Подобно Главному управлению ВВС РККА оно не располагало оперативными функциями, которые целиком принадлежали командованию флотов и их ВВС: Северного флота на Баренцевом море, Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) на Балтике, Черноморского флота на Черном море и Тихоокеанского флота на Тихом океане. В общей сложности авиация ВМФ насчитывала 25 боевых авиаполков, из которых 15 находились на западных границах. По родам авиации эти 15 полков относились: шесть к истребительной авиации, три к морской разведывательной, три к бомбардировочной, два к минно-торпедной и один являлся смешанным.

13 из 15 полков были сформированы до 31.12.1939 и лишь два в течение 1940 г. Этим, в частности, и объяснялся тот факт, что ВВС ВМФ обладали намного более боеспособными частями, а уровень летной подготовки личного состава в них был в целом выше.

Авиационные полки всех родов авиации имели по штату 60—64 самолета. Их организационная структура не была приспособлена к условиям ведения маневренных боевых действий и не обеспечивала быстрый вывод авиации из-под удара противника с воздуха. Для нормального базирования такого громоздкого полка требовалось три (основной, запасной и полевой) аэродрома. Управление в условиях разбросанности по разным площадкам, особенно в условиях недостатка средств связи, затруднялось. Поэтому большинство полков базировалось на одном аэродроме, что явилось одной из основных причин больших потерь советской авиации в первый день войны.

Самолеты

а) Количество

На протяжении десятилетия до 1941 г. советская военная авиация являлась одной из наиболее многочисленных, если не самой многочисленной в мире. По состоянию на 1.6.1940 она располагала 1508 дальними бомбардировщиками (981 ДБ-3 и 527 ТБ-3), 3726 средними бомбардировщиками (3703 СБ, 11 Як-2 и 12 Су-2), 1285 штурмовиками (1105 переоборудованных

ГРУППИРОВКА СОВЕТСКИХ ВВС К 1.6.1941 Г.

	Западный ТВД	Южный ТВД	Д. Восточный ТВД	Внутренние ВО	Всего
Управления корпусов ДБА	4	—	1	—	5
дивизий, в т.ч.	47	5	13	14	79
сад	19	2	7	3	31
иад*	14 (2)	2 (1)	3	7	26 (3)
бад*	14 (9)	1 (1)	3 (3)	4	22 (13)
бригад, в т.ч.	5	1	4	2	12
сабр	1	1	2	2	6
иабр	2	—	1	—	3
бабр	2	—	1	—	3
отдельных полков, в т.ч.	14	2	11	1	28
осап	1	—	3	—	4
оиап	3	1	3	—	7
обап	—	—	—	1	1
орап (омрап)	10	1	5	—	16
Всего боевых самолетов, в т.ч.	10266/8696	1635/1330	4547/3958	2311/2068	18759/16052
БА	3777/3189	522/452	1765/1544	823/727	6887/5912
ИА	5421/4737	1047/840	2395/2137	991/897	9881/8611
ША**	18/18	—	—	39/39	57/57
РА	1050/752	39/38	387/277	458/405	1934/1472

в штурмовики устаревших истребителей И-15бис и 180 ДИ-6), 5826 истребителями (599 И-15бис, 3891 И-16, 1336 И-153), 3334 разведчиками и корректировщиками (СБ, Р-5, Р-6, Р-З, Р-10, ССС). В то же время командование ВВС Красной Армии отдавало себе отчет, что подавляющее большинство этих самолетов устарело и нуждается в замене на новые типы.

Новые бомбардировщики, штурмовики и истребители были приняты на вооружение в течение 1940 г., но их выпуск и перевооружение авиации происходили очень медленно. Так, до конца 1940 г. было выпущено 20 МиГ-3, 64 Як-1 и два Пе-2. Одновременно прекратилось производство самолетов И-15бис, И-16 и СБ, а также запасных частей для них, что весьма отрицательно сказалось на техническом состоянии самолетов старых типов, уже находившихся в боевых частях.

В первой половине 1941 г. положение улучшилось. Всего авиационной промышленностью было выпущено до начала войны истребителей МиГ-3 — 1289, ЛаГГ-3 — 322 и Як-1 — 335, бомбардировщиков Пе-2 — 458 и штурмовиков Ил-2 — 249. Однако приемка этих самолетов от авиационной промышленности и направление их в строевые части осуществлялись крайне медленно.

Примечание к таблице:

* — В скобках указано в т.ч. количество дивизий ДБА.

** — Учтены только самолеты типа Ил-2. Самолеты других типов, имевшиеся в составе штурмовых авиаполков, учтены как истребительная или разведывательная авиация.

За период 1.1—20.6.1941 от авиационной промышленности частями ВВС РККА (без учета ИА ПВО и авиации ВМФ) было получено только 706 самолетов, в том числе МиГ-3 — 407, ЛаГГ-3 — 29, Як-1— 142, Пе-2 —128.

ВВС ВМФ получали новые самолеты по остаточному принципу. Поставки машин новых типов составили лишь 11 Як-1, 55 МиГ-1 и МиГ-3 и один Пе-2, причем почти половина машин поступила в части в июне 1941 г.

Из имевшихся к июню 1941 г. в Военно-воздушных силах РККА 106 полностью сформированных истребительных авиационных полков предполагалось в течение 1941 г. перевооружить новой авиационной техникой 22 полка. Из этого количества к началу войны были полностью перевооружены только восемь (пять — на МиГ-3, один — на ЛаГГ-3, два — на Як-1). Таким образом, только 7,6% истребительных частей к началу войны имели на вооружении новые самолеты, а еще 13,2% находились в стадии переформирования, в то время как 79,2% были вооружены старой авиационной техникой.

Еще хуже было положение с перевооружением бомбардировочной авиации, так как новый тип бомбардировщиков — Пе-2 — начал поступать в части только в марте 1941 г. К 22.6.1941 из имевшихся в Военно-воздушных силах 82 скоростных бомбардировочных авиационных полков был полностью перевооружен на новую авиационную технику (самолеты Пе-2) только один полк и два полка, находившиеся в стадии перевооружения, были частично

укомплектованы Пе-2. Восемь полков были вооружены самолетами Су-2, один полк — Як-2 и Як-4 и 70 полков — устаревшими к тому времени самолетами СБ.

В ДБА на Западном ТВД имелось 29 бомбардировочных авиаполков, которые располагали 1346 самолетами. 86% от них составляли ДБ-3 и ДБ-3ф, 14% — ТБ-3, в то время как ТБ-7 (Пе-8) имелось всего девять.

б) Качество

В начале 30-х годов советская авиация совершила значительный качественный скачек, а к середине 30-х ее авиапарк был представлен одними из лучших в мире моделями. Однако из опыта боевого применения советских самолетов в Гражданской войне в Испании был сделан неправильный вывод о том, что обновление авиационной техники в ближайшее время не потребуется. Вследствие этого в течение 1938—1939 гг. продолжался массовый серийный выпуск устаревающих самолетов, а внедрение в производство новых типов осуществлялось крайне медленно. Отрезвляющим сигналом стала война с Финляндией, где обозначилось значительное отставание советских самолетов от машин, полученных финнами из Англии, Франции и Италии. Однако времени на ликвидацию этого отставания у Советского Союза оказалось очень мало.

К июню 1941 г. 80% самолетов западных приграничных округов по-прежнему составляли устаревшие

модели, значительно уступавшие самолетам люфтваффе, принятым на вооружение в 1937—1939 гг. Так, истребители И-16 и И-153 имели невысокую скорость и недостаточную маневренность в вертикальной плоскости. Пушечное вооружение имели лишь 10% из них, остальные были оснащены пулеметами калибра 7,62 мм. Бомбардировщики СБ имели слабое вооружение и не были способны действовать с пикирования. В качестве штурмовиков использовались устаревшие истребители И-15бис, имевшие слабое вооружение, малую бомбовую нагрузку и недостаточную живучесть для действий над полем боя с малых высот. Разведчики Р-5, Р-3ет, а также СБ практически не имели специального разведывательного оборудования и могли использоваться в основном для ведения визуальной разведки. Все они подлежали замене самолетами новых типов.

Преобладающее количество самолетов устаревших конструкций в составе авиационной группировки приграничных округов обусловило высокий процент неисправных машин, что в свою очередь отразилось и на уровне боеготовности частей ВВС. Доля неисправных самолетов составляла 14% (1056 самолетов) от численного состава самолетного парка ВВС пяти округов. Одной из причин этого был образовавшийся дефицит запасных частей и агрегатов.

Увы, самолеты так называемых «новых типов» тоже имели целый ряд недостатков, которые не позволяют считать их ровней машинам люфтваффе.

Новый фронтовой бомбардировщик Пе-2 превосходил немецкий He 111 в скорости более чем на

100 км/час, Ju 88 — на 75 км/час. Но эффективность ударов фронтовых бомбардировщиков зависела в первую очередь от таких технических параметров самолетов, как максимальная бомбовая нагрузка и калибр бомб. Большое значение имели также дальность полета и обороноспособность. И здесь Пе-2 уступал Ju 88 по всем статьям. Боевая практика показала, что повышенная скорость полета, присущая Пе-2, не относилась к определяющим успех критериям, так как в любом случае тяжело нагруженные машины значительно уступали в скорости истребителям. Поэтому для выполнения поставленных задач фронтовые бомбардировщики нуждались в надежном истребительном прикрытии и должны были иметь хорошее оборонительное вооружение.

Ряд недостатков Пе-2 был предопределен еще на этапе проектирования, когда в кратчайшие сроки необходимо было переделать высотный дальний истребитель в пикирующий бомбардировщик. Пе-2 сохранил большую скорость своего прототипа, но по сравнению с другими бомбардировщиками (СБ, Ар-2, Ju 88) имел небольшую бомбовую нагрузку и относительно небольшую дальность. Он обладал высокой посадочной скоростью и не вполне удовлетворительными характеристиками самой посадки, имел неважные пилотажные качества при остановке одного из моторов и большую «просадку» при выходе из пикирования. Практически все эти недостатки можно было устранить в процессе доводки бомбардировщика, но времени на это у конструкторов не оказалось. Вносить же радикальные изменения в

**ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОСНОВНЫХ ТИПОВ САМОЛЕТОВ,
НАХОДИВШИХСЯ НА ВООРУЖЕНИИ СОВЕТСКИХ ВВС К ИЮНЮ 1941 Г.**

Тип (год принятия на вооружение)	Число членов эк.	Моторы: кол-во х л.с	Взлетный вес, кг	Максимальная скорость км/ч (на высоте, м)	Потолок, м	Дальность, км	Стрелковое вооружение	Вес нормальной боевой нагрузки, кг
Истребители								
И-15бис (1937)	1	1 x 775	1700	379 (3500)	9300	520	4 пул. 7,62 мм	—
И-153 (1938)	1	1 x 1000	1765	424 (5000)	10 700	560	4 пул. 7,62 мм	—
И-16 тип24 (1940)	1	1 x 1100	1882	470 (4800)	9900	440	4 пул. 7,62 мм или 2 пушки 20 мм и 2 пул. 7,62 мм	—
МиГ-3 (1940)	1	1 x 1200	3355	640 (7800)	11 000	820	1 пул 12,7 мм, 2 пул. 7,62 мм	—
Як-1 (1940)	1	1 x 1050	2858	578 (4950)	10 000	700	1 пушка 20 мм, 2 пул. 7,62 мм	—
ЛаГГ-3 (1941)	1	1 x 1050	3346	575 (5000)	9500	870	1 пушка 20 мм или пул. 12,7 мм, 1—2 пул. 12,7 мм, 2 пул. 7,62 мм	—

Штурмовики								
Ил-2 (1941)	1	1 x 1665	5340	451 (3600)	7500	600	2 пушки 20 мм, 2 пул. 7,62 мм	400
Бомбардировщики								
Су-2 (1940)	2	1 x 1100	4345	468 (4600)	9000	850— 1190	4 пул. 7,62 мм	400
Як-2(1940)	2	2 x 1000	5380	515 (5200)	8900	800	2 пул. 7,62 мм	400
СБ(1939)	3	2 x 950	7750	450 (4100)	9300	1350	4 пул. 7,62 мм	500
Ар-2 (1940)	3	2 x 1100	8000	480 (44700)	10 100	1500	3 пул. 7,62 мм	500
Пе-2 (1941)	3	2 x 1100	8516	540 (5000)	8800	1315	4 пул. 7,62 мм	600
ДБ-3Ф (1940)	4	2 x 1100	10 150	429 (6600)	9700	3300	3 пул. 7,62 мм	1000
Ер-2 (1941)	4	2 x 1100	14 150	437 (4000)	7700	4000	3 пул. 7,62 мм	1000
ТБ-3 (1936)	10	4 x 970	21 000	288 (4200)	7740	1960	4 пул. 7,62 мм	2000
ТБ-7(Пе-8) (1940)	10	4 x 1000	33 500	393 (5680)	9200	5460	1 пушка 20 мм, 7 пул. 7,62 мм	2000

конструкцию в процессе массового производства самолета во время войны, без снижения темпа выпуска, также было невозможно.

Много времени до начала войны было затрачено на создание новых ближних бомбардировщиков Су-2 и Як-2/Як-4, но практика их боевого применения ясно показала, что тактическая концепция, в соответствии с которыми они создавались, устарела. По таким характеристикам, как боевая нагрузка, они практически равнялись штурмовику Ил-2, а по защищенности и живучести ему явно проигрывали. Позднее, когда в СССР разрабатывалась историческая концепция освещения войны в воздухе в 1941—1945 гг., эти машины даже не были включены в список «самолетов новых типов», хотя и Су-2, и Як-2 поступили на вооружение только в 1940 г.

Ил-2 стал первым в мировой практике бронированным самолетом-штурмовиком, способным эффективно использоваться для непосредственной поддержки своих наземных войск на поле боя, успешно поражая бомбами, реактивными снарядами, пушечным и пулеметным огнем самые разнообразные наземные цели, в том числе и бронированные. Летно-технические данные и вооружение Ил-2 стали своего рода точкой отсчета при разработке технических требований к новым штурмовикам, к их скорости, вооружению, бронированию. Вместе с тем и этот самолет не был лишен ряда недостатков. В первую очередь среди них называют отсутствие оборонительного вооружения в задней полусфере, хотя изначально самолет разрабатывался именно как

двухместный с задним воздушным стрелком. При нанесении ударов по наземным целям сказывалось отсутствие бомбардировочного прицела, которое не позволяло эффективно использовать бомбы против защищенных целей. Ил-2 мог полого пикировать, но более крутое пикирование на нем было невозможно из-за большого веса брони. В годы войны он считался более пригодным для атак вражеских колонн на марше, чем для ударов по укреплениям на переднем крае обороны.

Истребитель МиГ-3 задумывался для ведения активного воздушного боя на основе преимущества в скорости в широком диапазоне высот, в первую очередь свыше 6000 м. МиГ-3 обладал лучшими пикирующими качествами, чем Вф 109Е, но другие его характеристики на средних и особенно малых высотах, где в основном и велись воздушные бои на протяжении всей войны, были весьма посредственными. Слабые стороны МиГ-3 особенно проявлялись в сравнении с новым немецким истребителем Вф 109F. До высоты 6 км МиГ-3 уступал Me-109F по всем основным летным показателям: скорости, скороподъемности, вертикальному и горизонтальному маневру. Таким образом, большая высотность МиГ-3, которая вначале считалась несомненным его достоинством, стала недостатком, поскольку при однокоростном нагнетателе, установленном на моторе AM-35A, она достигалась за счет ухудшения основных летных качеств на малых высотах. Другим, может быть, не менее важным недостатком МиГ-3 были не вполне удовлетворительные пилотажные свойства, что тре-

бовало достаточно высокой (по меркам военного времени) квалификации летчика. Особенно неприятным дефектом была склонность самолета к сравнительно раннему срыву в штопор. Наряду с техническими причинами, обусловившими не столь высокую, как рассчитывали, боеспособность МиГ-3 в воздушных боях, существовали еще и производственные. У серийных МиГ-3, выпущенных во второй половине 1941 г., скорость у земли вместо 495 км/ч была 462—475 км/ч, а на расчетной высоте вместо 640 км/ч всего 603—622 км/ч. Снизилась и без того невысокая скороподъемность на небольших высотах. Боевая эксплуатация МиГ-3 окончательно подтвердила слабость его вооружения, состоявшего из одних пулеметов.

Цельнодеревянный истребитель ЛаГГ-3 в больших количествах стал поступать на фронт к концу лета 1941 г. Он имел более мощное вооружение, чем другие серийные советские истребители, и повышенную дальность, однако это самым неблагоприятным образом сказалось на его летных характеристиках. К тому же и качество изготовления серийных самолетов поначалу было низким. В итоге максимальная скорость ЛаГГ-3 выпуска осени 1941 г. была всего 540—550 км/ч, для набора высоты 5 км требовалось 7,1—8,6 мин, время выполнения виража самолетами, не оборудованными предкрылками, составляло 24—26 с. Ввиду очень большой потери высоты при маневрах типа «переворот через крыло» и склонности к срыву в штопор, на ЛаГГ-3 практически нельзя было вести воздушный бой ниже 700 м. По мере увеличения высоты положение не-

сколько исправлялось, но в целом сражаться на ЛаГГ-3 с истребителями противника было очень трудно, особенно с Вf 109F, который благодаря большей скорости и энерговооруженности имел значительное преимущество в бою, и прежде всего на вертикалях.

Истребитель Як-1 стал самым легким советским боевым самолетом нового поколения. Он не только обладал высокой скоростью полета, но и был самым маневренным серийным истребителем. В сравнении с МиГом и ЛаГГом Як-1 имел бóльшую энерговооруженность, обладал лучшими пилотажными качествами и был проще в технике пилотирования. В конструктивном плане «як» имел лишь один существенный недостаток — плохой обзор назад из-за развитого гаргрота фюзеляжа. Что касается немецких истребителей, Як-1 предвоенного выпуска по комплексу летных и боевых качеств превосходил Вf109Е на всех высотах, но все-таки уступал Вf 109F-2. В отчете одного из авиационных соединений, датированном летом 1942 г., читаем: *«Наши истребители на средних высотах уступают Me-109 в скоростях, и особенно в скоростях в вертикальной плоскости (значительно тяжелее Me-109), поэтому бой вести с Me-109 в вертикальной плоскости чрезвычайно тяжело, и это ведет к излишним потерям. Благодаря чему бой почти во всех случаях производится в горизонтальной плоскости и приобретает характер оборонного боя — оборонного кольца, а не наступательного боя. В лучшую сторону по своим летно-техническим качествам выделяется самолет Як-1, однако и он уступает Me-109ф. Са-*

молет ЛаГГ-3 слишком тяжел и не способен вести бой с истребителями противника. В целом преимущество в летно-технических качествах самолета-истребителя на стороне истребителей противника типа Me-109 и особенно Me-109ф».

Связь ВВС

Одним из самых негативных моментов, во многом объяснявшим тяжелые потери ВВС РККА в 1941 г., являлось неудовлетворительное состояние связи — как между наземными штабами, так и в звене «наземный пункт управления — самолет».

В соответствии с введенной в начале 1941 г. структурой подразделения связи выводились из состава авиационных соединений и частей и передавались в состав органов тыла ВВС. По утвержденным штатам, например, в ВВС ЛенВО было необходимо сформировать пять рот связи управлений районов авиационного базирования, 17 батальонов связи авиабаз, 82 роты связи управлений батальонов аэродромного обслуживания, три роты связи управлений армий, одну роту связи управления ВВС фронта.

Развертывание 91 роты и 17 батальонов связи было проведено на базе старых 32 рот связи авиадивизий и авиабаз, содержавшихся в некомплекте даже по штатам мирного времени. Развертывание такого большого числа подразделений не обеспечивалось ни кадрами, ни техникой. На 28.5.1941 не хватало 695 командиров рот связи, 851 командира радиовзвода и 1430 командиров взводов проводной связи. На

1.4.1941 в частях связи ВВС имелось только 32 вместо 50 положенных по штату дальних радиостанций РАТ, 404 вместо 992 радиостанций РАФ и 11-АК (связь в звене штаб ВВС округа — штаб дивизии — штаб полка), 460 вместо 1671 радиостанций РСБ и 5-АК (связь между наземным штабом и самолетом). Не хватало даже телефонов — их было только 14,4 тысячи вместо положенных по штату 26,3 тысячи, — телефонного кабеля (13,7 тыс. км вместо 17,2 тыс. км). Все это в последующем привело к тому, что части связи не смогли обеспечить нормальное управление авиационными частями в ходе боевых действий ВВС летом 1941 г.

Ситуация с самолетными средствами связи была следующей: все бомбардировщики оборудовались коротковолновыми радиостанциями РСБ или РСБ-бис, которые имели паспортную дальность связи в режиме телефонии до 300 км, в режиме телеграфии — до 600—700 км. Эти станции считались соответствующими предъявляемым к ним требованиям и просуществовали до конца войны. Истребители до 1940 г. радиостанциями не оснащались вовсе. Лишь с началом производства истребителей новых типов на них стали устанавливать станции типа РСИ-3 из расчета одна на 15 самолетов, остальные комплектовались только радиоприемниками (да и тех первоначально хватало лишь на половину машин). Сами станции РСИ-3 обеспечивали связь в режиме телефонии на дальность не более 10—15 км, что было совершенно неудовлетворительно. Настройка их осуществлялась весьма сложно, а помехозащищен-

ность оказалась крайне низкой. Эти станции удалось заменить на более совершенные РСИ-4 только в 1942 г.

Кадры

а) Количество

Массовая подготовка кадров для ВВС РККА началась во второй половине 20-х годов. Уже к 1928 г. 90% советских пилотов и летчиков-наблюдателей закончили отечественные авиашколы. За несколько лет в Советском Союзе были обучены сотни летчиков, штурманов, радистов, авиационных инженеров и техников. Широко привлекали в авиацию наиболее способных командиров из других родов войск, преимущественно из пехоты и кавалерии. Многочисленные школы и несколько высших военно-учебных заведений позволили увеличить численность личного состава ВВС РККА с 33 тыс. человек в 1929 г. до 110 тыс. в 1935 г. При этом удельный вес военнослужащих ВВС в Вооруженных силах вырос с 5,3 до 9,6 %.

Наращивание количества подготавливаемых кадров происходило и в дальнейшем. Так, например, с 1937 г. в широких масштабах было начато формирование летных школ. Но опыт показал, что летная школа с авиационной техникой того времени могла подготовить летчиков через 2—2,5 года после начала ее формирования, что привело к резкому всплеску количества выпускников летных школ и училищ в 1940 г.

В целом же программа развития ВВС оказалась не обеспечена в должной мере ни командным составом, ни летными кадрами. Еще в марте 1938 г. начальник Главного политического управления РККА Л.З. Мехлис докладывал Сталину об отсутствии командующих военно-воздушными силами в Московском, Харьковском, Северо-Кавказском, Уральском и Сибирском военных округах, а *«в Киевском военном округе командующий пока есть, но нет двух командиров авиабригад, шести командиров эскадрилий, двадцати двух командиров отрядов, ста четырнадцати командиров звеньев и кораблей»*.

Анализ количества экипажей в авиации приграничных военных округов к июню 1941 г. показывает, что укомплектованность ВВС личным составом в целом была невысокой. Имевшееся количество самолетов было укомплектовано экипажами в среднем на 77%. В ДБА на 1346 бомбардировщиков имелся всего 931 боевой экипаж (укомплектованность 69%). Особенно низкая укомплектованность экипажами была в истребительной авиации — в среднем 65%.

Типичным было положение в ВВС ЗапОВО, где начиная с сентября 1940 года в связи с формированием трех новых авиадивизий (59, 60, 61-й) почти все командиры звеньев и эскадрилий были выдвинуты на вышестоящие должности. Лучших летчиков назначили командирами звеньев, и все же их недостаток был огромным. Например, лишь в одной 43-й иад не хватало до 60 командиров звеньев. В полках же све-

жеформируемых дивизий, наоборот, оказались только командиры эскадрилий и звеньев, поэтому некоторые из этих частей были расформированы в первые дни войны.

б) Качество

В 20—30-е годы увлечение авиацией в СССР приняло массовый характер. Важную роль в комплектовании аэроклубов и авиашкол партия отводила комсомолу. В 1931 г. комсомол взял шефство над Военно-воздушными силами. Газеты печатали призывы типа «Комсомолец, на самолет!», а кумир молодежи генеральный секретарь комсомола А.В.Косарев успешно овладел основами парашютного спорта и планеризма. Получить путевку на поступление в авиашколу считалось в Советском Союзе большой честью, и ряды летных школ ежегодно пополняли тысячи молодых воспитанников. Однако, хотя советская пропаганда постоянно подчеркивала заботу партии о подготовке кадров, стартовые условия для советских авиаторов оказались хуже, чем для немецких, прежде всего из-за более низкого среднего образовательного уровня и меньших затрат на каждого курсанта.

Тем не менее, пока до 1938—1939 гг. ВВС Красной Армии оставались в более-менее стабильном составе, уровень подготовки летных кадров был довольно высоким. По завершении авиационных школ летчики получали обширную летную практику в боевых частях, и опыт боев в небе Испании и Халхин-Гола, казалось бы, подтвердил тот факт, что по своей подготовке советс-

КОЛИЧЕСТВО ЭКИПАЖЕЙ В ВВС РККА ПРИГРАНИЧНЫХ ВОЕННЫХ ОКРУГОВ К ИЮНЮ 1941 Г.

Округ	ИА		БА		ША		РА		Всего	
	самолетов	экипажей	самолетов	экипажей	самолетов	экипажей	самолетов	экипажей	самолетов	экипажей
ЛВО	902	569 (63%)	394	485 (123%)	—	—	40	58 (145%)	1336	1187 (89%)
ПрибОВО	744	404 (54%)	453	383 (86%)	5	—	60	50 (83%)	1262	842 (67%)
ЗапОВО	1043	626 (60%)	489	485 (99%)	8	—	231	145 (63%)	1771	1256 (71%)
КОВО	1341	1016 (76%)	466	431 (92%)	5	—	247	234 (95%)	2059	1681 (82%)
ОдВО	698	457 (65%)	287	239 (83%)	—	—	57	83 (146%)	1041	779 (75%)
Итого	4727	3072 (65%)	2089	2098 (100%)	18	—	635	570 (90%)	7469	5765 (77%)

кие летчики в общей массе не уступают зарубежным оппонентам.

Снижение уровня боевой подготовки в Военно-воздушных силах накануне Великой Отечественной войны произошло в основном за счет вновь сформированных авиационных частей, укомплектованных молодым летным составом. Так, в ВВС ЛенВО 60% летного состава были выпускниками осени 1940 года. Эти 756 молодых летчиков, прибывших из школ, в течение зимнего периода 1940—1941 гг. проходили одиночную подготовку и частично слетанность в составе пары и звена. Выполнение плана боевой подготовки истребительными авиационными частями определялось приказом НКО от 13.12.1940 и указаниями начальника Главного управления ВВС Красной Армии от 2.2.1941, согласно которым на самолетах И-16 и И-153 с моторами М-63 и М-62, а в последующем и на остальных типах истребителей, пилотаж на 80% ограничивался. В результате этого летная подготовка сводилась в основном к аэродромным полетам, ограниченному воздушному бою, частично к стрельбе по конусам и маршрутным полетам в районе аэродромов.

В Московском военном округе, при наличии в ВВС этого округа 1000 летчиков, было проведено всего лишь 346 бомбометаний (при этом положительные оценки получены при 191 бомбометании) и 78 воздушных боев. Ночью летало только 103 летчика, которые налетали 206 часов. Высотная подготовка в ВВС округа не проводилась. За весь зимний период высотный налет составлял всего 45 час. 27

мин., причем летали на высоту до 7000 м лишь некоторые командиры, а не рядовые летчики. Обучение летного состава полетам в сложных метеорологических условиях в частях ВВС округа почти не проводилось, подготовка к полетам зимой на колесах осуществлялась плохо. Учебные полеты проводились упрощенно. Вследствие боязни аварийности истребителям в 1941 г. был запрещен высший пилотаж, в частности штопор, и, как ни странно, это запрещение действовало и в первые месяцы войны. Боязнь аварийности также задерживала темпы переучивания на новой авиационной технике.

Не лучшим было положение и в ряде других округов. Так, за три месяца 1941 г. летчики Прибалтийского военного округа находились в воздухе в среднем по 15,5 часа, Западного особого — по 9 часов, а Киевского — только по 4 часа.

Число летных происшествий, ради чего и вводились ограничительные меры, несколько снизилось, но уровень подготовки упал до неудовлетворительного.

С ббльшей интенсивностью накануне войны проводилась боевая подготовка частей и соединений дальнебомбардировочной авиации. Только в первой половине июня 1941 г. экипажи налетали 8614 час., из них 1032 часа ночью, а 679 часов было затрачено на высотную подготовку. За это время было произведено 1400 маршрутных полетов, 1839 бомбометаний на полигонах и 1560 воздушных стрельб.

О низких показателях боевой подготовки ВВС накануне войны говорилось в решениях Главного во-

енного совета и в ряде директив и приказов наркома обороны. Так, в директиве от 11.5.1941 отмечалось, что боевая подготовка ВВС Красной Армии в зимний период 1941 г. проходила неудовлетворительно. Низкие показатели сопровождались чрезвычайно большим количеством катастроф и аварий. Особенно слабо проводилась боевая подготовка в частях ВВС Орловского, Московского и Киевского особых военных округов.

В этой директиве указывались следующие основные недочеты: переучивание летного состава на новые типы самолетов проводилось медленно; эксплуатация новой авиационной техники летно-техническим составом освоена слабо; тренировка в пикировании на самолетах СБ и Ар-2 была развернута неинтенсивно; обучение бомбометанию с пикирования на самолетах Ар-2 и Пе-2 не производилось; летный состав боевому применению — бомбометанию, воздушной стрельбе, высотным и маршрутным полетам — обучался неудовлетворительно; выпуск летчиков в полет самостоятельно на боевых самолетах недопустимо затянулся и не был закончен к концу зимнего периода; подготовка летного состава к полетам по приборам и к ночным полетам во всех частях ВВС РККА развернута слабо; налет по приборам составил 5,2% от общего налета, ночной — 4,6%.

Прямым следствием сталинских репрессий 1937—1938 гг. в авиации стали постоянное чувство страха, резкое снижение профессионального уровня командного состава, падение дисциплины. Часто подчиненным не

приказывали, а уговаривали их исполнить то или иное поручение, боясь показать требовательность и принципиальность в отношении недисциплинированных бойцов, которые могли написать донос. В то время как одна часть командиров проявляла излишнюю робость, другая демонстрировала недопустимое рвение из страха подвергнуться аресту за слабую дисциплину подчиненных.

Многие оставшиеся в строю командиры вынуждены были письменно объяснять *«причины своей политической близорукости и имевшиеся связи с осужденными троцкистами»* — недавними заслуженными начальниками.

Хотя в 1938 г. новые типы самолетов не поступали на вооружение авиации и не осваивались действующими частями, количество катастроф возросло по сравнению с предыдущим годом в 2,4 раза; налет в расчете на одно летное происшествие упал с 1511 до 933 часов. Не изменилась ситуация и в дальнейшем. В приказе наркома обороны от 12.4.1941 отмечалось, что из-за слабой дисциплины ежедневно при авариях и катастрофах гибнет 2—3 самолета, что составляет за год 600—900 самолетов. Только за неполный 1-й квартал 1941 г. произошли 71 катастрофа и 156 аварий.

Очень медленно осуществлялось переучивание на новые самолеты. Так на 22.6.1941 на новые истребители были переучены только 932 летчика вместо 2800 по годовому плану. Количество переученных летчиков уступало даже количеству машин, произведенных промышленностью. Так, в ВВС ЗапОВО к началу войны

имелось 262 самолета МиГ-1 и МиГ-3, а переучилось на них только 140 летчиков.

В целом по ВВС на 22 июня 1941 г. на новые типы самолетов было переучено около 10% всего летного состава строевых частей.

Что касается уровня подготовки, к июню 1941 г. картина была следующей: 95% от общей численности экипажей самолетов приграничных округов сдали зачеты на полеты в простых метеоусловиях, однако в сложных метеоусловиях к боевым действиям были подготовлены менее 18% экипажей, ночью в простых метеоусловиях — 19%, в сложных — 0,8%.

Таким образом, уровень подготовки летного состава позволял вести боевые действия в основном в простых метеоусловиях и на старых типах самолетов.

Отдельной темой для разговора является подготовка командных кадров ВВС. За отсутствием боевого опыта и собственной военно-теоретической школы в области авиации она не была высокой даже в первой половине 30-х годов, а позднее еще снизилась, главным образом из-за репрессий. По данным российского историка О.Ф. Сувенирова, в 1937—1938 гг. по политическим мотивам из ВВС было уволено 4773 человека (или каждый тридцатый), а подверглись аресту 1590 человек. Конечно, репрессировали и рядовых авиаторов, и младших авиаспециалистов, но большинство «врагов народа» занимали видные должности. Так, из 77 авиабригад, которыми располагали ВВС РККА в 1937 г., 14 (или 18%) лишились своих командиров. Один за другим были

сняты с должностей, арестованы и расстреляны начальники Военно-воздушных сил РККА Я.И. Алкснис, Я.В. Смушкевич и П.В. Рычагов.

Отбор на замещение вакантных должностей командиров полков, бригад и дивизий шел среди героев локальных войн и конфликтов. Так еще вчерашние старшие лейтенанты и капитаны стали генералами. Другая часть высших руководителей была выдвинута на крупные должности в авиацию из других родов войск. При всем опыте штабной работы, им иногда не хватало знания чисто авиационной специфики. Сказанное относится и к начальнику ВВС РККА П.Ф. Жигареву. Осенью 1938 г. ему поручили возглавить управление боевой подготовки ВВС, затем направили на Дальний Восток командовать ВВС одной из армий, а с апреля 1941 г. назначили начальником Главного управления ВВС Красной Армии. По отзывам хорошо знавших Павла Федоровича людей, он меньше любого из своих предшественников годился на роль командующего в предвоенное время: Жигарев публично не высказывал каких-либо взглядов на действия авиации в глобальных конфликтах, стараясь отмолчаться на ответственных совещаниях.

Из тех, кто командовал авиацией округов в 1941 г., лишь немногие имели за плечами академическое образование. Из 16 командующих ВВС округов академии закончили только пять человек, девять — приравненные к академиям по статусу (но далеко не по реальным знаниям) курсы усовершенствования начального состава (КУВНАС), а остальные — воен-

ные школы (тогдашний аналог училищ). Интересно отметить, что трое из 16 даже не имели общего среднего образования. Из 58 командиров авиадивизий (еще 21 дивизия вообще не имела штатных командиров) пять окончили академии, 15 — курсы, а остальные только летные школы, причем среднего образования из них не получили 20 человек. По 244 командирам полков цифры по военному образованию составляли соответственно 24, 103 и 117, а законченного среднего не имели 110 командиров.

Отсутствие теоретических знаний могло до некоторой степени компенсироваться богатой практикой, но и тут все обстояло крайне плохо, поскольку большинство советских авиационных командиров было выдвинуто «наверх» буквально за несколько месяцев до начала войны. Так, из 16 командующих ВВС округов только двое имели стаж нахождения в данной должности от года до двух, пять — от полугода до года, а остальные — менее шести месяцев. К последней категории относились 53 из 58 командиров авиадивизий и 120 из 244 командиров полков.

Военный конфликт с Финляндией — далеко не самым опасным противником, который не располагал современными ВВС, — показал слабость Красной Армии и ее авиации. Сменивший К.Е. Ворошилова на должности наркома обороны С.К. Тимошенко начал, среди других первоочередных мер, реорганизацию ВВС и формирование новых частей и соединений. Он многого добился по части укрепления дисциплины и наведения порядка. Однако напряженная летная подготовка вновь резко повысила количество

аварий и катастроф. В августе 1940 г. Тимошенко издал приказ, где говорилось: *«В частях ВВС на должности командиров полков, эскадрилий, звеньев находятся командиры, не имеющие достаточного опыта в руководстве частями и подразделениями. Они не имеют инструкторско-методического опыта, не умеют учить своих подчиненных. Командующие ВВС округов, командиры дивизий и полков не поняли необходимости особо учить и воспитывать кадры, а предоставили их самим себе. Это привело к тому, что командиры подразделений не знают, как строить работу, допускают ошибки, порождающие аварийность».*

Задачи на кампанию

В начале 1941 г. в округах был получен составленный в Ген штабе РККА «План прикрытия государственной границы». Между 10 и 20 июня штабы округов представили свои планы боевых действий на утверждение в Генеральный штаб. Что они собой представляли, удобнее всего показать на примере плана ЗапОВО. Его 7-й раздел назывался «План использования ВВС округа». Он гласил:

«1. На части ВВС округа возложены следующие задачи:

а) последовательными ударами боевой авиации по установленным базам и аэродромам противника, а также боевыми действиями в воздухе уничтожить авиацию противника и с первых же дней войны завоевать господство в воздухе;

б) истребительной авиацией в тесном взаимодействии

со всей системой ПВО округа прочно прикрыть от мобилизацию и сосредоточение войск округа, нормальную работу железных дорог и не допустить пролета авиации противника через территорию округа в глубинные районы округа и страны;

в) во взаимодействии с наземными войсками уничтожить наступающего противника и не допустить прорыва его крупных мотомехсил через фронт обороны округа;

г) мощными, систематическими ударами по крупным железнодорожным мостам и узлам Кенигсберг, Мариенбург, Алленштайн, Торн, Калиш, Лодзь, Варшава, а также по группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение войск противника;

д) действиями боевой и разведывательной авиации своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника».

Далее содержалась оценка командованием округа возможности решения этих задач:

«Исходя из поставленных задач и наличия бомбардировочной авиации, части ВВС округа могут решать следующие задачи:

а) нанести одновременный удар по установленным аэродромам и базам противника, расположенным в первой зоне, до рубежа Инстербург, Алленштайн, Млава, Варшава, Демблин, прикрыв действия бомбардировочной авиации истребительной авиацией. Для выполнения этой задачи потребуется 138 звеньев, мы имеем 142 звена, т.е., используя всю наличную бомбардировочную авиацию, можем решить эту задачу одновременно;

б) вторым вылетом бомбардировочной авиации на-

нести удар по аэродромам и базам противника, расположенным во второй зоне до рубежа Кенигсберг, Мариенбург, Торн, Лодзь. Для этой цели могут быть использованы самолеты типа СБ, Пе-2, АР-2, которых мы имеем 122 звена, для решения этой задачи требуется 132 звена, недостает 10 звеньев. Истребительная авиация сопровождать бомбардировщиков при выполнении этой задачи не может, не позволяет радиус действия;

в) для одновременного удара по железнодорожным узлам с целью задержать перевозки и сосредоточение войск противника требуется 320 авиазвеньев, у нас имеется только 122 звена; следовательно, задача может выполняться только последовательными ударами после решения первой задачи — разгрома авиации противника и завоевания господства в воздухе.

Для удара по железнодорожным мостам могут быть использованы только самолеты типа Пе-2 и АР-2, которые могут производить бомбометание с пикирования. Бомбометание по мостам с горизонтального полета малоэффективно и требует большого расхода самолетов. Ввиду того, что у нас мало пикирующих бомбардировщиков, необходимо взять для разрушения только главнейшие мосты, как то в Мариенбурге, Торне, Варшаве и Демблине;

г) для совместного действия с наземными войсками по наступающим войскам противника в первую очередь используются смешанные авиадивизии, приданные армиям. При обнаружении наступления на одном из армейских направлений крупных мотомехчастей противника уси-

лить последнее за счет 12-й и 13-й бомбардировочных авиационных дивизий;

д) истребительная авиация в тесном взаимодействии с ПВО прикрывает сосредоточение войск и объекты государственной важности до рубежа Друскеники, Щучин, Слоним, Береза-Картуска, ст. Дрогичин. Восточнее этого рубежа истребительной авиации нет.

Выводы:

Одновременно обе задачи по борьбе за господство в воздухе и по срыву перевозок, сосредоточения и мобилизации противника выполнять нельзя.

Борьба за господство в воздухе полностью может решаться лишь при отсутствии наземных целей и то только в первой полосе. Для борьбы во второй полосе средств нет.

Выбор целей по выполнению каждой из этих двух задач будет решаться в каждом отдельном случае в зависимости от обстановки.

Выполнить поставленные задачи по завоеванию господства в воздухе можно только с помощью авиации Главного Командования, или надо придать в распоряжение командования округа еще не менее 12 — 15 бомбардировочных авиаполков.

Территория округа восточнее рубежа Слоним совершенно не прикрыта истребительной авиацией. Совершенно необходимо в срочном порядке укомплектовать матчастью, техническим и летным составом 59-ю и 60-ю истребительные авиадивизии».

Далее приводились весьма неутешительные прогнозы в отношении возможности вести воздушную разведку и производить высадки воздушных десантов.

Таким образом, и Генеральный штаб, и командование округов правильно представляли круг задач, которые возникли бы в случае начала войны, но отдавали себе отчет, что выполнить их в установленные сроки при наличном составе сил нереально.

Развертывание ВВС для выполнения плана кампании

В связи с возрастанием опасности войны с Германией, которая особенно ясно обозначилась в конце 1940 г. после провала визита делегации Молотова в Берлин, вдоль западных границ СССР началось сосредоточение большого количества войск. Там же происходило и формирование новых полков и дивизий. По причинам экономического характера, которые исключали перемещение большого количества войск и авиации в случае начала войны, все они с самого начала дислоцировались там, где должны были вести боевые действия в соответствии с планом прикрытия.

Группировка советских ВВС у западной границы СССР включала 130 авиаполков (59% от числа окончивших формирование) и 47 авиадивизий из 79 (60%). Из этих 47 дивизий 36 находились в подчинении у командующих армиями прикрытия и округами, а 11 — в составе дальнебомбардировочной авиации. Таким образом, более половины всей фронтовой авиации было сосредоточено вблизи западных границ СССР. Самолетный парк внутренних военных округов являлся на случай войны резервом для восполнения потерь и на-

рацивания сил авиации действующей армии на важнейших направлениях.

ВВС Северного флота (генерал-майор авиации А.А. Кузнецов)

72-й сап, 118-й мрап, 49-я омраэ

ВВС ЛенВО (генерал-майор авиации А.А. Новиков)
2-я сад (2, 44, 58-й сбap), 39-я иад (154, 156, 196-й иап), 311-й орап, 116-я раэ, 19-я каэ, 22, 120, 121, 202-я аэ связи, 7-я сан аэ

ВВС 14-й армии — 1-я сад (137-й сбap, 145, 147-й иап), 118-я раэ, 42-я каэ, 14-я аэ связи — мурманское направление

ВВС 7-й армии — 55-я сад (72-й сбap, 65-й шап, 155, 197-й иап) — петрозаводское направление

ВВС 23-й армии — 5-я сад (235-й шап, 7, 153, 158, 159-й иап), 41-я бад (10, 201, 202, 205-й сбap), 117-я раэ, 30-я каэ — Карельский перешеек

7-й иак ПВО (формировался на базе 3 и 54-й иад; 19, 26, 44, 157, 191, 192, 193, 194, 195-й иап) — ПВО Ленинграда

ВВС КБФ (генерал-майор авиации В.В. Ермаченков)

8-я бабр (1-й мтап, 57-й бап), 61-я иабр (5-й иап, 12, 13-я оиаэ), 10-я сабр (73-й бап, 13, 71-й иап), 15-й мрап, 15, 41, 43, 44, 58, 81-я омраэ, 71-я каэ

ВВС Прибово (генерал-майор авиации А.П. Ионов)

4-я сад (35, 50, 63-й сбап, 38-й иап), 57-я сад (54-й сбап, 42, 49-й иап), 312-й орап, девять каэ

ВВС 27-й армии — 6-я сад (31, 40 сбап, 21, 148-й иап) — Курляндский полуостров, район Риги

ВВС 8-й армии — 7-я сад (9, 46-й сбап, 241-й шап, 10-й иап) — шауляйское направление

ВВС 11-й армии — 8-я сад (61-й шап, 15, 31-й иап) — вильнюсское направление

ВВС ЗапОВО (генерал-майор авиации И.И. Копец)

12-я бад (6, 43, 128, 209-й сбап, 215-й шап), 13-я бад (24, 97, 121, 125, 130-й сбап), 43-я иад (160, 161, 162, 163-й иап), 59-я иад (182, 183, 184, 185-й иап), 60-я иад (186, 187, 188, 189-й иап), 313, 314-й рап, 161, 162-й резап

ВВС 3-й армии — 11-я сад (16-й сбап, 190-й шап, 122, 127-й иап) — лидское направление

ВВС 10-й армии — 9-я сад (13-й сбап, 41, 124, 126, 129-й иап) — белостокский выступ

ВВС 4-й армии — 10-я сад (39-й сбап, 74-й шап, 33, 123-й иап) — брестское направление

ВВС КОВО (генерал-лейтенант авиации Е.С. Птухин)

17-я сад (48, 224, 225, 242, 244-й сбап, 20, 91-й иап), 19-я бад (33, 136, 138-й сбап), 44-я иад (88, 248, 249, 252-й иап), 315, 316-й рап

ВВС 5-й армии — 14-я сад (253-й шап, 17, 46, 89-й иап), 62-я бад (52, 94, 243, 245-й сбап) — луцкое направление

ВВС 6-й армии — 15-я сад (66-й шап, 23, 28, 164-й

иап), 16-я сад (86, 226, 227-й сбап, 87, 92-й иап) — львовское направление

ВВС 12-й армии — 64-я иад (12, 149, 166, 246, 247-й иап) — станиславское направление

ВВС 26-й армии — 63-я сад (62-й шап, 165-й иап) — дрогобычское направление

36-я иад (4, 43, 254, 255-й иап) — ПВО Киева

ВВС ОдВО (генерал-майор авиации Ф.Г. Мичугин)

20-я сад (45, 211-й сбап, 4, 55-й иап), 21-я сад (5, 299-й сбап, 67, 69, 168-й иап), 45-я сад (132, 210, 232-й сбап, 131-й иап), 65-я иад (все полки в стадии формирования без самолетов), 66-я иад (все полки в стадии формирования без самолетов), 317-й рап, 160-й резап, шесть каэ

ВВС ЧФ (генерал-майор авиации В.А. Русаков)

63-я бабр (2-й мтап, 40-й бап), 62-я иабр (8, 9, 32-й иап), 119-й мрап, 16, 45, 60, 80, 82, 83 омраз, 70, 78-я обаэ, 93, 96-я оиаэ

1-й авиационный корпус ДБА (генерал-майор авиации В.И. Изотов)

40-я ад ДД (7-й тбап, 53, 200-й дбап), 51-я ад ДД (7, 203, 204-й дбап) — район Ленинград—Новгород

3-й авиационный корпус ДБА (полковник Н.С. Скрипко)

42-я ад ДД (1-й тбап, 96, 207-й дбап), 52-я ад дд (3-й тбап, 98, 212-й дбап) — район Смоленска

2-й авиационный корпус ДБА (полковник К.Н. Смирнов)

35-я ад ДД (100, 219, 223-й дбап), 48-я ад дд (51, 220, 221, 222-й дбап) — район Курска

18-я отдельная ад ДД (полковник А.М. Дубошин; 14-й тбап, 90, 93-й дбап) — район Киева

4-й авиационный корпус ДБА (полковник В.А. Судец)

5-я ад ДД (81, 228, 229, 231-й дбап), 22-я ад ДД (8, 11, 21-й дбап) — район Запорожье—Ростов-на-Дону

Таким образом, группировка советской авиации, развернутая вдоль западных границ, была весьма многочисленной, и численность самолетов, пожалуй, была единственным показателем, по которому ВВС РККА бесспорно превосходили люфтваффе и ВВС союзников Германии.

Базы

Имевшаяся в западных приграничных военных округах аэродромная сеть не могла обеспечить базирования авиации в соответствии с существующими нормами. К тому же развита она была неравномерно. Если в Киевском особом и Одесском военных округах в трехсоткилометровой полосе к востоку от границы имелось 180 аэродромов, что удовлетворительно обеспечивало базирование и маневр ВВС этих округов, то в Западном и Прибалтийском особых военных округов

ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ ГРУППИРОВКИ СОВЕТСКИХ ВВС

	СФ	ЛенВО	КБФ	ПриБОВО	Зап ОВО
Всего боевых самолетов, в т.ч.	116/97	1336/1216	682/595	1262/1078	1771/1539
БА	11/9	394/356	184/157	453/408	489/441
ИА	49/39	902/828	331/297	744/645	1043/906
ША	—	—	—	5/5	8/8
РА и МРА	56/49	40/32	167/141	60/20	245/194*

Примечание: * В состав суммы вошли 14/10 разведчиков Пинской военной флотилии.

ЧИСЛЕННОСТЬ САМОЛЕТОВ Т.Н. «НОВЫХ ТИПОВ» В СОСТАВЕ (ВСЕГО/В Т.Ч.)

	СФ	ЛенВО	КБФ	ПриБОВО	Зап ОВО
Всего боевых самолетов, в т.ч.	—	207/203	13/12	161/149	320/282
Пе-2	—	21/20	—	16/16	54/54
Ил-2	—	—	—	5/5	8/8
МиГ-1, МиГ-3	—	164/163	13/12	140/128	238/200
Як-1	—	20/20	—	—	20/20
ЛаГГ-3	—	2/0	—	—	—

НА ЗАПАДНОМ ТВД К 22.6.1941 Г. (ВСЕГО/В Т.Ч. ИСПРАВНЫХ)

КОВО	ОлВО	ЧФ	ДБА	Всего
2059/1759	1041/838	639/543	1346/1021	10 266/8696
466/421	287/245	153/133	1340/1019	3777/3189
1341/1174	697/565	314/283	—	5421/4737
5/5	—	—	—	18/18
247/159	57/28	172/127	6/2	1050/752

ГРУППИРОВКИ СОВЕТСКИХ ВВС НА ЗАПАДНОМ ТВД К 1.6.1941 Г. ИСПРАВНЫХ)

КОВО	ОлВО	ЧФ	ДБА	Всего
332/299	229/218	16/15	—	1287/1178
74/73	40/38	—	—	205/201
5/5	—	—	—	18/18
191/170	189/180	16/15	—	951/868
62/51	—	—	—	102/91
—	—	—	—	2/0

ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ ГРУППИРОВКИ СОВЕТСКИХ ВВС

	СФ	ЛенВО	КБФ	ПрибовО	Зап ОВО
Всего боевых самолетов, в т.ч.	116/97	1336/1216	682/595	1262/1078	1771/1539
БА	11/9	394/356	184/157	453/408	489/441
ИА	49/39	902/828	331/297	744/645	1043/906
ША	—	—	—	5/5	8/8
РА и МРА	56/49	40/32	167/141	60/20	245/194*

Примечание: * В состав суммы вошли 14/10 разведчиков Пинской военной флотилии.

ЧИСЛЕННОСТЬ САМОЛЕТОВ Т.Н. «НОВЫХ ТИПОВ» В СОСТАВЕ (ВСЕГО/В Т.Ч.)

	СФ	ЛенВО	КБФ	ПрибовО	Зап ОВО
Всего боевых самолетов, в т.ч.	—	207/203	13/12	161/149	320/282
Пе-2	—	21/20	—	16/16	54/54
Ил-2	—	—	—	5/5	8/8
МиГ-1, МиГ-3	—	164/163	13/12	140/128	238/200
Як-1	—	20/20	—	—	20/20
ЛаГГ-3	—	2/0	—	—	—

НА ЗАПАДНОМ ТВД К 22.6.1941 Г. (ВСЕГО/В Т.Ч. ИСПРАВНЫХ)

КОВО	ОдВО	ЧФ	ДБА	Всего
2059/1759	1041/838	639/543	1346/1021	10 266/8696
466/421	287/245	153/133	1340/1019	3777/3189
1341/1174	697/565	314/283	—	5421/4737
5/5	—	—	—	18/18
247/159	57/28	172/127	6/2	1050/752

ГРУППИРОВКИ СОВЕТСКИХ ВВС НА ЗАПАДНОМ ТВД К 1.6.1941 Г. ИСПРАВНЫХ)

КОВО	ОдВО	ЧФ	ДБА	Всего
332/299	229/218	16/15	—	1287/1178
74/73	40/38	—	—	205/201
5/5	—	—	—	18/18
191/170	189/180	16/15	—	951/868
62/51	—	—	—	102/91
—	—	—	—	2/0

гах в пределах указанной зоны имелось всего лишь по 35 аэродромов. Столь неблагоприятное положение с базированием авиации в приграничных районах создалось после присоединения к Советскому Союзу западных областей Белоруссии и Украины, а также вхождения в состав СССР прибалтийских стран — Литвы, Латвии, Эстонии. На указанных территориях, которые в основном и составляли трехсоткилометровую приграничную зону, аэродромная сеть была развита крайне слабо.

Строительные работы здесь начались уже в 1939 г., однако все 70 аэродромов, построенных в Западной Белоруссии, находились либо в непосредственной близости от государственной границы (что обуславливалось наступательной доктриной Красной Армии, которая вне зависимости от того, кто начнет войну, собиралась воевать на чужой территории), либо в тыловой зоне. На удалении же 120—250 км от новой границы, в полосе между меридианами Вильно и Минска, аэродромов почти не было. Это вынуждало большинство авиачастей базироваться на приграничных аэродромах, что не обеспечивало их вывода из-под удара в случае нападения противника.

В соответствии с постановлением СНК СССР 10.04.1941 был утвержден помесечный план строительства аэродромов на 1941 год, в котором значился 251 аэродром, из них новых — 20, расширяемых — 220 и реконструируемых — 11. Однако руководство ВВС оказалось не готово к проведению такого объема работ, что привело к спешке с проектированием строительства, завозом материалов, сосредоточени-

ем рабочей силы и т. п. Кроме того, командование ВВС предполагало, что строительные работы будут вестись не сразу на всех аэродромах, а в определенной последовательности. Но органы НКВД, которым эти работы были поручены, не считаясь с обстановкой, приступили к ним повсеместно. Так, в Прибалтийском военном округе приступили к устройству водостоков сразу на всех 23 строящихся аэродромах. В Киевском особом военном округе земляные работы велись на 45 аэродромах из 63, в Западном особом военном округе — на 46 из 62. На многих действовавших аэродромах, где должны были базироваться самолеты новых типов, шло бетонирование и удлинение взлетно-посадочных полос, строились склады горючего, боеприпасов и аэродромные пункты управления. Вследствие этого полеты с таких аэродромов на новых типах самолетов временно исключались, а на устаревших самолетах — ограничивались. Полностью пригодны для летной работы в Западном особом военном округе были лишь 15—16 аэродромов, предназначенных для лагерной стоянки авиационных частей и расположенных в непосредственной близости от государственной границы (на удалении 10—40 км), на которых и базировались основные силы ВВС ЗапОВО.

Согласно решению СНК СССР от 10.4.1941 перестраивалась и структура тыла ВВС. До этого постановления части авиационного тыла входили в состав авиационных соединений. Боевая практика, особенно в Советско-финляндской войне, показала, что такая структура снижает мобильность ВВС. В целях

устранения этого недостатка авиационный тыл изымался из непосредственного подчинения авиационным соединениям и организовывался по территориальному признаку. Вся территория западных приграничных военных округов была разделена на 36 районов авиационного базирования (РАБ). В состав каждого района входили авиационные базы из расчета одна на дивизию. Новая структура должна была освободить авиационные части от громоздких тыловых органов, увеличить бесперебойность всех видов тылового обеспечения, повысить маневренные возможности авиационных полков и дивизий. Однако завершить перестройку авиационного тыла предполагалось лишь к 1.8.1941, т.е. на момент нападения Германии она была в самом разгаре — прежние мобилизационные расчеты оказались нарушены, новые авиабазы недоукомплектованы, что существенно сказалось на тыловом обеспечении ВВС в начальный период войны.

Накануне войны накопление материальных средств для обеспечения боевых действий ВВС осуществлялось по принципу максимального их сосредоточения в приграничных военных округах. Но распределение этих запасов внутри округов по глубине расположения происходило без учета возможности внезапного нападения противника и необходимости быстрой их эвакуации. Например, на 30 аэродромах ЗапОВО, ближайших к государственной границе, были созданы большие запасы авиагорючего и бомб, в то время как на остальных аэродромах достаточных запасов не было.

Нараставшая угроза войны требовала принять срочные меры по рассредоточению базирования авиации и маскировке аэродромов. Однако, несмотря на ряд приказов НКО, эта работа проводилась крайне медленно. Так, в приказе от 27.12.1940 указывалось, что еще в 1939 г. Главное управление ВВС Красной Армии должно было провести мероприятия по маскировке на всей аэродромной сети ВВС, но ни один из округов этого приказа не выполнил. Нарком обороны приказал к 1.7.1941 закончить маскировку всех аэродромов, расположенных в 500-км полосе от границы. 19.6.1941 в приказе НКО констатировалось, что *«по маскировке аэродромов до сих пор ничего существенного не сделано»*. Этим же приказом категорически воспрещалось линейное и скученное размещение самолетов. В новом приказе от 20.6.1941 подчеркивалось, что *«такое отношение к маскировке как к одному из главных видов боевой готовности ВВС дальше терпимо быть не может»*. Ответственность за выполнение всех маскировочных мероприятий возлагалась персонально на командующих ВВС округов. Однако выполнить эти мероприятия в указанные сроки было уже не суждено.

Данные о противнике

а) Оценка количества

В период сближения между СССР и Германией с конца 1939 г. до осени 1940 г. советскому авиационному командованию удалось восполнить ряд про-

белов в своих знаниях о люфтваффе. Большинство сведений были получены по официальным каналам от самих немцев, которые старались произвести впечатление на своего вероятного противника. Это имело определенные последствия. В Главном управлении ВВС РККА действительно восприняли немцев как весьма совершенную в военном отношении силу, а их люфтваффе — как почти идеальный инструмент. По оценке помощника начальника НИИ ВВС И.Ф. Петрова, посетившего немецкие авиазаводы в конце 1939 г., они вместе с предприятиями оккупированных Чехословакии и Польши могли при необходимости выпускать 70—80 самолетов в день. Между тем советские авиационные заводы производили 26 боевых самолетов в день. По воспоминаниям наркома авиапрома А.И. Шахурина, *«поездки в Германию, пополнившие наше представление о немецкой авиации и авиапромышленности, привели нас к важным выводам... можно считать, что гитлеровцы имеют значительно более мощную авиапромышленность, чем наша»*. Советское командование полагало, что люфтваффе имеет не менее 10 тысяч боевых самолетов в 1-й линии — что, как мы знаем, практически в два раза превосходило реальную цифру.

Несмотря на то что разведка по многим каналам получала сведения о сосредоточении немецких сил у западных границ СССР, советские высшие руководители так и не пришли к выводу о неизбежности нападения. При этом они, несомненно, учитывали мнение

И.В. Сталина, который был уверен, что Германия почти наверняка воздержится от агрессии до того момента, как заключит мир с Англией.

Вторым негативным для советской стороны фактором было то, что она старалась всячески избежать конфликта с немцами и действий, которые могли бы расцениваться как провокация. Поэтому не велось ни визуальной воздушной разведки, ни аэрофотосъемки приграничной полосы на территории противника. Фактически были известны только основные немецкие аэродромы, сооруженные еще в мирное время на территории Восточной Пруссии, Польши и Финляндии.

Таким образом, и состав группировки, и истинные задачи люфтваффе оставались для советской стороны тайной за семью печатями.

б) Оценка качества

Лучше обстояло дело с качественной оценкой самолетов противника. После визита советской делегации в Германию в 1939 г. Советский Союз закупил для собственных испытаний 36 немецких самолетов, относившихся к 12 различным типам, в т.ч. шесть истребителей He 100, пять Vf 109E-3, пять Vf 110C, два бомбардировщика Ju 88A-1, два Do 215B и один He 111H-5. Результаты их испытаний произвели большое впечатление. К примеру, известный советский авиаконструктор Н.Н. Поликарпов на заседании Технического совета Народного комиссариата авиационной промышленности, состоявшемся

27.12.1939, заявил, что *«германское самолетостроение шагнуло весьма далеко и вышло на первое место мировой авиационной промышленности»*. Однако с конца 1939 г. новых приглашений осмотреть немецкие авиазаводы не поступало. Было очевидно, что немцы продолжают наращивать свой воздушный потенциал, в том числе и за счет внедрения в производство новых моделей самолетов. Весьма вероятным считалось появление на вооружении люфтваффе нового скоростного истребителя, созданного на базе He 100. Позднее, когда советские пилоты столкнулись с модификацией «мессершмитта» Bf 109F, в ВВС РККА ему присвоили наименование He 113. Интересно отметить, что оно продолжало использоваться в войсках до конца 1942 г., даже после того, как трофейный экземпляр Bf 109F-1 попал на испытания в НИИ ВВС.

К июню 1941 г. в строевых частях ВВС имелись лишь самые общие данные относительно немецких самолетов. О существовании «мессершмиттов», «хейнкелей», «юнкерсов» и «дорнье» знали, но четко отличать друг от друга не умели — плакаты с изображениями основных типов немецких самолетов поступили в авиаполки только накануне войны. Seriously ухудшали состояние дел еще два момента: во-первых, советским летчикам была совершенно неизвестна тактика авиации противника, в первую очередь тактика его истребителей при ведении воздушного боя. Во-вторых, многие пилоты не знали и того, как выглядят новейшие советские самолеты,

только что поступившие на вооружение, поскольку те считались секретными. В перспективе это привело к значительному количеству случаев, когда Пе-2 принимался за Ju 88, Су-2 за Ju 87 и так далее — со всеми вытекающими последствиями.

ГЕРМАНИЯ

Доктрина и военное искусство

а) Оперативное искусство

Несмотря на поражение в Первой мировой войне, развитие военной мысли в Германии не остановилось. Напротив, к началу новой мировой войны она стояла на самых передовых позициях. Этого удалось достичь благодаря внимательному изучению накопленного в 1914—1918 гг. боевого опыта, большому количеству проводившихся в межвоенный период учений, а также участию частей Легиона «Кондор» в гражданской войне в Испании.

Строительство военно-воздушных сил Германии и основы их боевого применения обуславливались теорией «молниеносной войны», составлявшей сущность германской военной доктрины и предусматривавшей разгром вооруженных сил страны-противника в ходе одной, максимум двух стратегических операций с решительными целями. Главную роль в этих операциях предстояло сыграть авиации и танковым войскам. При этом, как и в СССР, на авиацию смотрели прежде всего как на средство эффективной поддержки сухопутных войск в наступлении

и обороне. Тем не менее, в строительстве люфтваффе имелся и ряд важных отличий. Во-первых, германские ВВС с момента своего создания в 1935 г. сразу стали самостоятельным видом вооруженных сил со своим собственным командованием и штабом. Такое положение во многом объяснялось субъективным фактором — ставший главнокомандующим люфтваффе бывший ас Первой мировой войны Г. Геринг одновременно являлся «человеком №2» в нацистской партии и мог требовать для себя любые полномочия. Подобно многим авиационным командирам он увлекался идеями главенства авиации в вооруженной борьбе. Германский военный историк, подполковник люфтваффе Герреффрат утверждал, что Геринг был одержим идеей обеспечить ВВС такую роль, какую отводил им Дуэ: *«Придерживаясь взглядов Дуэ, Геринг исходил из того, что при наличии чрезвычайно мощных наступательных ВВС можно быстро решить исход войны. С первых же минут военных действий авиация должна была завоевать господство в воздухе и лишить противника всякой возможности оказать сопротивление раньше, чем он соберется с силами и сам перейдет в наступление».*

Тем не менее, далеко не все в люфтваффе разделяли взгляды своего главнокомандующего. Подобно Гитлеру, Геринг обладал в военной среде скорее должностным, а не личным авторитетом. Он не имел фундаментального военного образования и был вынужден считаться с мнением подчиненных, таких как Вевер, Кессельринг, Ешоннек, Мильх и Удет. В результате идеи Дуэ так и не стали в Германии офици-

альной доктриной, а вместо них была принята концепция «универсальных ВВС», которые с одинаковой эффективностью могли бы осуществлять поддержку сухопутных войск, флота, а в случае необходимости решать такие стратегические задачи, как разрушение экономики и крупных политических центров противника. Но прежде всего от авиации требовалось активное участие в операциях «молниеносной войны». Гереффрат писал, что главной задачей ВВС считался разгром авиации противника в самом начале кампании. Поэтому для нанесения первого удара по вражеским аэродромам намечалось привлечь максимальные силы. Оказание авиационной поддержки наземным войскам в первые дни боевых действий не являлось приоритетной задачей. В подтверждение этого Гереффрат приводил следующую выдержку из заявления бывшего в то время начальником Главного штаба люфтваффе генерала Ешоннека: *«Те результаты, которых можно добиться, действуя в первые два дня войны против неприятельских сухопутных войск, не идут ни в какое сравнение с ущербом, который способна нанести вражеская авиация, если она останется полностью боеспособной».*

В дальнейшем знамя борьбы с вражеской авиацией переходило к истребителям. Их пилотам предписывалось *«разыскивать противника в небе и атаковать, стремясь уничтожить как можно большее количество неприятельских самолетов».* Немецкие стратеги требовали вести борьбу за господство в воздухе только наступательно, навязывая свою волю противнику. Наставления подчеркивали, что область воздушного боя должна ле-

жать впереди собственных войск, чтобы обеспечить свободу действий немецким бомбардировщикам и разведчикам. Последние в случае надежного подавления ВВС противника непосредственно истребителями не сопровождалась. Основным методом боевых действий истребителей считалась «свободная охота» на самолеты противника, которая для повышения вероятности встречи с целями велась в районе вражеских аэродромов либо над линией фронта на наиболее ответственных участках. Прикрытие истребителями наземных войск осуществлялось только в исключительных случаях.

Стремление уничтожать как можно больше неприятельских самолетов и максимально увеличивать личные счета порой приводило немецких авиаторов к сомнительным решениям. Так, например, атакам в первую очередь подвергались не исправные самолеты противника, а те, что легче было сбить — уже поврежденные зенитным огнем и в любом случае неспособные в ближайшее время принять участие в боевых действиях. Очень часто, оказавшись перед лицом численно превосходящего врага, немецкие пилоты выходили из боя, предпочитая дожидаться более выгодного для себя соотношения сил. Происходило это даже в тех случаях, когда вражеская авиация непосредственно угрожала немецким наземным частям. Советские летчики не понимали такого поведения, называя его «трусливым» и «бандитским» — ведь в ВВС РККА истребитель в первую очередь являлся защитником своих бомбардировщиков и сухопутных войск.

Что касается ударной авиации, в отличие от ВВС других стран, в Германии считали, что бомбардировщики должны уметь действовать не только в глубине боевых порядков противника, но в случае необходимости и непосредственно по объектам на переднем крае, таким как танки, опорные пункты или артиллерийские позиции. В других странах такие цели традиционно относились к прерогативе артиллерии, но в Германии пришли к верному выводу, что при ведении боевых действий подвижными соединениями в оперативной глубине вражеской обороны может возникнуть ситуация, когда артиллерия отстанет и поддержать свои подвижные соединения сможет только авиация. Для этого в ходе предвоенных маневров была отработана эффективная система взаимодействия авиации с наземными войсками, ключевым элементом которой являлись передовые авиационные наводчики — офицеры ВВС, имевшие радиосвязь со штабом отвечающего за авиационную поддержку соединения люфтваффе и сигнальные ракеты, которыми осуществлялось целеуказание для прибывших в район боя бомбардировщиков. В случае необходимости авиационные наводчики могли вызывать и свои истребители из состава звеньев, дежуривших на аэродромах. Также были четко отработаны вопросы взаимного опознавания между авиацией и наземными войсками, обозначение переднего края.

В то же время концепция «универсальных ВВС» имела определенные издержки. При строительстве бомбардировочной авиации главный упор делался

на двухмоторные бомбардировщики, которые считались более многоцелевыми, чем пикирующие. В результате в 1-й линии количество двухмоторных бомбардировщиков в три раза превышало количество пикирующих. На самом же деле двухмоторные He 111 и Ju 88 плохо подходили на роль самолетов поля боя. Крупные по размерам и весьма уязвимые для огня с земли, они не обладали необходимой точностью бомбометания по точечным целям. Пикирующие бомбардировщики Ju 87 лучше соответствовали этой роли, но тоже не имели бронирования и не могли производить штурмовые атаки — обстреливать наземные цели пушечно-пулеметным огнем. На это были способны лишь истребители Vf 109 и Vf 110, но, поскольку они также не имели бронирования, к атакам целей, расположенных непосредственно на линии фронта, они привлекались крайне редко. Вместе с тем двухмоторные истребители считались лучшим средством воздействия на вражеские аэродромы.

Большое внимание в люфтваффе уделялось организации воздушной разведки. Вся вражеская территория за линией фронта делилась на три зоны: тактическую, в которой разведку вели эскадрильи, приданные армейским корпусам и танковым дивизиям; оперативную, где разведку вели эскадрильи дальних разведчиков, подчиненные штабам авиакорпусов; и стратегическую, за которую отвечали разведчики из специальной группы главного командования люфтваффе, временно приданные штабам воздушных флотов. Тактическая разведка велась в основном

визуальными средствами в пределах поля боя, оперативная и стратегическая — фотосъемкой наиболее важных объектов в тылу противника. В число этих объектов входили узловые железнодорожные станции, что позволяло получать информацию о перегруппировке неприятельских войск, ведущие к фронту шоссейные дороги, а также аэродромы. Имелась в составе люфтваффе и собственная радиоразведка, пеленговавшая местоположение наиболее важных штабов противника, а также контролировавшая радиообмен между вражескими самолетами и их наземными пунктами управления. Это позволяло оперативно получать информацию о перемещении советских самолетов, наводить на них группы перехватчиков, быть в курсе результатов советской воздушной разведки и т.д.

б) Тактика

Бомбардировочная авиация

Немецкая бомбардировочная авиация пользовалась всеми методами атак наземных и морских целей, существовавшими в то время. Для поражения точечных целей в пределах тактической зоны обороны широко применялось бомбометание с крутого или полого пикирования, для поражения площадных целей (ж/д станции, аэродромы, промышленные предприятия и т.д.) в оперативной глубине — бомбометание с горизонтального полета с высот от 1500 до 4000 м в зависимости от ожидаемого противодействия противника. Пикирующие бомбардировщики действовали,

как правило, в составе эскадрильи, реже — группы, двухмоторные бомбардировщики могли действовать любым составом, включая звенья или даже отдельные экипажи. Это объяснялось тем, что их налеты не всегда имели решительный характер, а часто проводились для вскрытия системы ПВО, в демонстративных целях или для изматывания сил противника. Благодаря хорошей подготовке летных кадров и качеству прицелов большинство ударов, даже те, что наносились со средних и больших высот, находили свои цели. Хуже обстояло дело с точностью ночных бомбардировок, но в то время это было общей проблемой для ВВС всех стран.

Как уже отмечалось выше, сопровождение бомбардировщиков истребителями, как правило, не практиковалось. Даже в случае внезапной атаки истребителей противника эскадрилья или звено бомбардировщиков в большинстве случаев могло отбить ее без потерь благодаря хорошо организованной системе огня.

Истребительная авиация

Как известно, немцы стали первыми, кто решительно применил в воздушном бою истребителей боевой порядок пары и вертикальный маневр. Произошло это по результатам изучения боевого опыта, накопленного в Испании. В. Мельдерс, одержавший в испанском небе 14 побед на Vf 109, отметил, что современные машины стали тяжелее ранних моделей и из-за большей нагрузки на крыло несколько уступают им в горизонтальном маневре, особенно бипланам. Кроме того, обстреливая противника на виражах и петлях, приходи-

лось брать значительное упреждение, что приводило к повышенному рассеиванию пуль, и эффективность огня в таком бою на горизонталях оказывалась невысокой.

По мнению Мёльдерса, на новых «сто девярых» следовало отказаться от сложных маневренных боев и перейти к атаке цели на скорости, близкой к максимальной, с заранее выбранной позиции, позволявшей в полной мере реализовать фактор внезапности. Если атака не удалась, следовало временно выйти из боя и подготовить новую атаку, предварительно обеспечив себе преимущество. Ведь при высокой скорости и неожиданности атаки практически отсутствовал риск попасть под ответный огонь — противнику было чрезвычайно трудно прицелиться по быстро удаляющемуся истребителю. Подобные удары лучше наносить, перемещаясь в вертикальной плоскости, особенно на пикировании, а выходить из атаки «горкой» или «боевым разворотом».

Молодой ас обратил внимание на то, что принятое в авиации большинства стран сомкнутое V-образное построение из трех истребителей в воздушном бою совершенно неэффективно, поскольку ведомые летчики больше заботятся о соблюдении дистанции при резких эволюциях, чем о наблюдении за обстановкой и неприятелем. Целесообразнее, на взгляд Мёльдерса, действовать парой машин (ведущий и ведомый), которые легко могут маневрировать друг относительно друга. Бой лучше вести звеном из двух пар.

Опыт также показал, что при действиях в разомкнутом строю даже звено (четыре истребителя) могло

контролировать значительное воздушное пространство. Но для успешного взаимодействия требовалось оснастить машину ведущего приемопередающей радиостанцией, а у ведомого смонтировать, по крайней мере, приемник. Вскоре все «мессершмитты» оборудовали компактными и надежными радиостанциями, ставшими не менее важным фактором успеха летчика-истребителя, чем бортовое оружие; авиаторов научили пользоваться в воздухе короткими четкими командами. Описанная тактика стала основой действий германских асов на всех фронтах. Ее широко применяли уже в 1940 г., а впоследствии лишь усовершенствовали.

Разведывательная авиация

Полеты немецких стратегических и оперативных разведчиков качественно планировались на основе прогнозов погоды и данных о вскрытой системе ПВО противника. Маршрут и профиль каждого полета тщательно рассчитывался, а отличная штурманская и летная подготовка экипажей становилась залогом успешного выполнения задания. Все экипажи владели навыками поиска замаскированных целей и умели правильно их опознавать.

Организация

Организационно германские военно-воздушные силы подразделялись на пять воздушных флотов, каждый из которых являлся оперативным объединением и состоял из нескольких авиационных корпусов, зенит-

ных корпусов (дивизий) и органов авиационного тыла — воздушных районов. При ведении операций «молниеносной войны» воздушный флот взаимодействовал с одной группой армий и отвечал за весь комплекс вопросов, связанных с борьбой в воздухе на отдельном стратегическом направлении.

Авиационный корпус являлся высшим тактическим соединением и включал две-три бомбардировочные и одну-две истребительные эскадры, а также от одной до трех разведывательных и транспортных групп. Эскадра имела в своем составе три (реже до пяти) авиационных группы, каждая из которых состояла из трех авиационных эскадрилий. Авиационный тыл был отделен от летных частей. Такая структура отвечала требованиям материального и аэродромного обеспечения авиации в условиях маневренных действий сухопутных войск и позволяла совершать быстрый аэродромный маневр из глубины и по фронту. В целом организационная структура люфтваффе обеспечивала массированное применение авиации на главных направлениях и централизованное управление ею.

Самолеты

а) Количество

На 1.9.1939 г. в 1-й линии люфтваффе числилось 3750 машин, в т.ч. 1170 бомбардировщиков (780 He 111, 470 Do 17, 20 Ju 88), 335 пикирующих бомбардировщиков Ju 87, 1125 истребителей (235 Bf 109D, 850 Bf 109E, 5 Ar 66, 35 Ar 68), 195 двухмоторных истре-

ГРУППИРОВКА ГЕРМАНСКИХ ВВС НА 22.6.1941 Г.

	граница с СССР	ПВО Германии	Средиземное море	Франция	Южная Норвегия	Всего
Управления ВФЛ	3	—	—	1	1	5
Управления корпусов	5	—	1	1	—	7
Штабы эскадр, в т.ч.						
бомбардировочных	10	—	—	2	—	12
учебных	—	—	1	—	—	1
пикировочных	3	—	—	—	—	3
истребительных	7	1	—	—	—	8
двухмоторных истребителей	2	—	—	—	—	2
Эскадрильи, в т.ч.						
бомбардировочные	91	—	12	33	5	141
пикировочные	27	—	6	—	—	33
штурмовые	4	—	—	—	—	4
истребительные	87	15	7	27	—	136
ночные истребительные	—	14	1	4	—	19
разведывательные	12	—	5	3	1	21
морские	3	—	—	9	3	15
Всего боевых самолетов, в т.ч.	3275/2549	393	320	719	129	4836
БА	952/757	—	114	304	46	1416
пикирующих БА	465/360	—	66	—	—	531
ИА и ША	965/735	109	44	234	40	1392
двухмоторная ИА	102/64	102	27	—	—	231
ночная ИА	—	182	13	52	—	247
РА и МРА	791/633	—	56	129	43	1019

бителей Vf 110, 620 разведчиков (280 Do 17, 195 Hs 126, 100 He 46, 45 прочих типов) и 205 гидросамолетов. К июню 1941 г. германские ВВС не только заметно увеличили свою численность, но и произвели полную замену самолетов конструкций до 1937—1938 гг., тогда как в советских ВВС машины старых типов все еще составляли основу боевой мощи.

б) Качество

Анализ тактико-технических данных самолетов, состоявших на вооружении сторон, показывает, что немецкие истребители, основу которых составляли Vf 109, превосходили советские И-16 и И-153 по целому ряду характеристик, особенно по скорости полета и вертикальному маневру.

Хотя некоторые истребительные эскадры ВВС Германии все еще использовали истребители типа Vf 109E, большинство частей, базировавшихся у границ СССР, были вооружены Vf 109F-2. «Мессершмитты» этой модификации, оснащенные более мощным двигателем DB 601N-1, имели хорошее вооружение, состоявшее из двух 7,92-мм пулеметов MG 17 и одной 15-мм пушки MG 151/15, и обладали улучшенными высотно-скоростными характеристиками по сравнению с базовой моделью. А с появлением в августе 1941 года модификации Vf 109F-4 люфтваффе получили истребитель, превосходящий по своим характеристикам любой самолет, состоявший на вооружении советских ВВС.

**ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОСНОВНЫХ ТИПОВ САМОЛЕТОВ,
НАХОДИВШИХСЯ НА ВООРУЖЕНИИ ЛЮФТВАФФЕ К ИЮНЮ 1941 Г.**

Тип (год принятия на вооружение)	Число членов эк.	Моторы: кол-во х л.с	Взлетный вес, кг	Максимальная скорость км/ч (на высоте, м)	Потолок, м	Дальность, км	Стрелковое вооружение	Вес нормальной боевой нагрузки, кг
Истребители								
Vf 109E-3 (1940)	1	1 x 1175	2670	557 (4500)	10 500	660	2 пушки 20 мм и 2 пул. 7,92 мм	—
Vf 109F-2 (1941)	1	1 x 1270	2900	600 (6000)	11 000	845	1 пушка 15 мм, 2 пул. 7,92 мм	—
Vf 110D (1940)	2	1 x 1270	7000	540 (3800)	10 900	1200	2 пушки 20 мм, 5 пул. 7,92 мм	500
Бомбардировщики								
Ju 87B-2 (1939)	2	1 x 1200	4340	380 (4100)	8000	590	3 пул. 7,92 мм	500
Do 17Z (1939)	4	2 x 1000	8600	410 (4000)	8200	1100	6 пул. 7,92 мм	1000
Ju 88A-5 (1940)	4	2 x 1210	10 400	450 (5500)	9800	2500	3—5 пул. 7,92 мм	1400—1500
He 111H-5 (1940)	5	2 x 1200	14 050	415 (5500)	7200	3250	1 пушка 20 мм, 4 пул. 7,92 мм	2000

Двухмоторный Vf 110 считался недостаточно скоростным и маневренным для боя против современных одномоторных истребителей, но советские бомбардировщики и истребители 30-х годов были ему вполне по зубам. В кампании на Востоке использовалось лишь ограниченное количество этих самолетов, причем применялись они в основном в качестве штурмовиков, для нанесения ударов по объектам в глубине обороны противника, в первую очередь по аэродромам и железнодорожному транспорту.

Еще больше проигрывали при сравнительном анализе советские бомбардировщики. Ju 88 и He 111 превосходили СБ в максимальной скорости примерно на 50 км/час, а в бомбовой нагрузке и дальности полета — в два раза. He 111 уступал Пе-2 в скорости более чем на 100 км/час, Ju 88 — на 75 км/час, однако оба они превосходили Пе-2 в дальности полета и бомбовой нагрузке. Что касается Су-2 и Ар-2, эти бомбардировщики также уступали немецким по боевым возможностям. Так, горизонтальная скорость Ju 88 была в полтора раза выше скорости Ар-2, а бомбовая нагрузка втрое больше нагрузки Су-2.

Помимо летных данных, самолеты люфтваффе заметно превосходили советские по эксплуатационным характеристикам. В отчете НИИ ВВС, проводившего испытание купленных немецких машин в конце 1939 г., отмечалась простота их эксплуатации в полевых условиях и удобство управления при выполнении боевых заданий. С этой целью в конструкции самолета предусматривался ряд автоматов, облегчающих работу летчика. Другим важным дос-

тижением немецкой авиатехники было широкое внедрение стандартных образцов вооружения, спецоборудования, агрегатов винтомоторной группы, деталей и материалов, что значительно упрощало проектирование самолетов, их эксплуатацию, снабжение запчастями и обучение летно-технического состава ВВС.

Связь

В Советской Армии существует юмористический афоризм — «Связь замечают только тогда, когда ее нет». С этой точки зрения, связь в люфтваффе была совершенно незаметна. Существовавшие средства связи и их количество обеспечивали надежное управление частями и соединениями люфтваффе, а также управление самолетами с земли. Самолетные радиостанции обеспечивали надежную связь с землей и между экипажами в воздухе. Они были установлены на 100% боевых машин.

Кадры

Подготовка кадров для ВВС Германии началась задолго до 1933 г. — с развития планеризма. Уже в 1920 г. возникли десятки планерных кружков, позволивших вести планомерную тренировку и отбор летного состава. Планеризм при минимальных затратах превратился в массовую школу по обучению молодежи летному искусству, авиаконструкторскому делу и обслуживанию летательных аппаратов в

таких масштабах, которые были бы совершенно немыслимы в школах моторной авиации. К началу 30-х годов немецкий планеризм занял ведущие позиции в мире. Кроме того, в августе 1922 г. стране удалось добиться разрешения на строительство и эксплуатацию гражданских самолетов, что также способствовало повышению качества подготовки кадров. Пилоты, прошедшие тренировку на планерах, получили возможность легально обучаться пилотированию курьерских, почтовых и других небольших машин. Широкое развитие в стране легкой спортивной авиации дало мощный толчок росту первичных летных школ, где инструкторами работали бывшие кайзеровские офицеры. Если к 1927 г. в Германии имелась 71 планерная школа с 1400 учениками, то через три года действовало уже 173 школы, в которых обучались 6600 курсантов, а воздушно-спортивные организации располагали 1100 планерами и сотнями одно- и двухместных легких самолетов.

Определенную роль в развитии германской авиации сыграл и Советский Союз, создав на своей территории, в Липецке, крупный немецкий учебно-летный центр. Здесь тайно испытывались образцы военной техники и прошли обучение и переподготовку 450 человек летно-технического состава, в т. ч. 120 летчиков. С приходом Гитлера к власти советско-германское военное сотрудничество практически полностью прекратилось.

К этому времени немцы воссоздали сеть высших учебных заведений, включавшую 12 институтов и университетов, а также 15 технических и инженерных

школ. Все средние и высшие учебные заведения стали базой для получения будущим летным составом необходимого теоретического образования. К началу 1933 г. в Германии удалось обучить 3200 пилотов и 17 тыс. планеристов.

Приход Гитлера к власти резко ускорил процесс строительства воздушного флота. К этому времени удалось нелегально подготовить экипажи примерно 700 боевых самолетов. Нацисты понимали, что кадры планерных и легкомоторных школ являются резервом военной авиации. 25.3.1933 Геринг объединил все планерные и спортивные организации в единый Германский воздушно-спортивный союз, подчинив его Министерству авиации. В том же 1933 г. на основе учебных центров открыли 18 новых летных школ. В программу обучения вошли и военные дисциплины. Кроме того, курсанты стали выполнять ночные и слепые полеты. Осенью 1934 г. началась усиленная военная переподготовка кайзеровских авиаторов и пилотов гражданской авиации. Только на аэродромах вокруг Берлина немцы организовали 30 тренировочных групп по 40 человек в каждой. Аналогичные группы создали в Коттбусе, Рехлине, Варнемюнде и других городах. Школа воздушного боя в Шлесхейме начала действовать еще до официального восстановления воздушных сил.

Одновременно всячески пропагандировались действительные и мнимые заслуги германских асов прошедшей войны. Молодым немецким пилотам внушали, что они будут продолжателями дела М. фон Рихт-

гофена, О. Бельке, М. Иммельмана, что роль авиации в грядущей войне возрастет во много раз и вскоре никто не сможет устоять перед возрожденными люфтваффе. Популярным стал лозунг «Ди флигер зинд зигер!» («Летчики — значит победители!»).

Задачи на кампанию

Взгляды немецкого командования на роль авиации в войне против СССР нашли выражение в директиве от 18.12.1940 за № 21, более известной как план «Барбаросса». В этом документе указывалось, что задача военно-воздушных сил *«будет заключаться в том, чтобы по возможности парализовать и ликвидировать воздействие русской авиации, а также в том, чтобы поддерживать операции армии на ее решающих направлениях»*. Далее отмечалось, что *«в целях сосредоточения всех сил для борьбы против неприятельской авиации и непосредственной поддержки армии не следует во время главных операций совершать нападения на оборонную промышленность. Только по окончании операции против средств сообщения такие нападения станут в порядок дня и в первую очередь на уральскую область»*.

В дополнение к плану «Барбаросса» ставкой Главного командования сухопутных войск фашистской Германии 31.1.1941 была издана директива по сосредоточению войск, в которой указывалось, что *«на первом этапе операции ВВС должны сосредоточить все свои усилия на борьбе с авиацией противника и на непосредственной поддержке сухопутных войск. Удары по промышлен-*

ным центрам могут быть проведены не ранее, чем будут достигнуты оперативные цели, поставленные сухопутным войскам».

К этому следует добавить, что целью операции считалось выдвижение на линию Архангельск — Астрахань, а приблизительная продолжительность «восточного похода» оценивалась в три-четыре месяца.

Развертывание для выполнения плана кампании

Несмотря на то что Германия продолжала боевые действия против Англии на других фронтах Второй мировой войны, для действий по плану «Барбаросса» было сосредоточено более 2/3 самолетов 1-й линии. Боевой состав люфтваффе, привлеченных к «восточному походу», выглядел следующим образом:

Luftflotte 5 (Generaloberst Hans-Juergen Stumpff)
(часть сил)

Einsatzgruppe z.b.V. — взаимодействует с 19-м горнострелковым корпусом

kette 1(F)/124, IV/LG 1, 6/KG 30, I/JG 77, 1(H)/32

Luftflotte 1 (Generaloberst A. Keller) — взаимодействует с группой армий «Север»

KGrzbV. 106, 2/ObdL, Westa I.

Fliegerkorps I (General der Flieger H. Forster) — взаи-

модернизируется с 16, 18-й полевыми армиями и 4-й танковой группой

5(F)/122.

Stab, II, III/KG 1, Stab, I, II, III/KG 76, Stab, I, II, III/KG 77.

4., 5/JG 53, Stab, I, II, III/JG 54.

Fliegerfuhrer Ostsee (Obersleutnant W. von Wild) — взаимодействует с немецкими ВМС на Балтийском море
KGr 806, SAGr 125.

Luftgaukommando I (Generelleutnant R. Putzier) — взаимодействует с ПВО Восточной Пруссии
ErgGr/JG 52, ErgGr/JG 54.

Luftflotte 2 (Generalfeldmarschall A. Kesselring) — взаимодействует с группой армий «Центр»

Stab, 2(F)/122, Westa 26, IV./KG.z.b.V. I

Stab, I, III/JG 53.

Fliegerkorps VIII (General der Flieger W. von Richt-hofen) — взаимодействует с 9-й полевой армией и 3-й танковой группой.

2(F)/11.

Stab, I, 8, 9/KG 2, III/KG 3.

Stab, II, III/StG 1, Stab, I, III/StG 2, II, 10(S)/LG 2,
Stab, I, II/ZG 26.

Stab, II, III/JG 27, II/JG 52.

Fliegerkorps II (General der Flieger B. Loerzer) — взаимодействует с 4-й полевой армией и 2-й танковой группой

1(F)/122, KGr.z.b.V. 102

Stab, I, II/SKG 210, Stab, I, II/KG 3, Stab, I, II, III/KG 53.

Stab, I, II, III, IV/JG 51.

Stab, I, II, III/StG 77.

Luftgaukommando II (General der Flieger H. Bieneck) — взаимодействует с ПВО генерал-губернаторства Польша

ErgGr/ZG 26, ErgGr/JG 51.

Luftflotte 4 (Generaloberst A. Lohr) — взаимодействует с группой армий «Юг»

KGrzbV 50, KGrzbV 104, 4(F)/122, Westa 76.

Fliegerkorps V (General der Flieger R. von Greim) — взаимодействует с 6 и 17-й полевыми армиями, 1-й танковой группой

4(F)/121.

Stab, I, II, III/KG 51, Stab, I, II/KG 54, Stab, I, II, III./KG 55.

Stab, I, II, III/JG 3.

Fliegerkorps IV (Generalleutnant K. Pflugbeil) — взаимодействует с 11-й полевой армией и 3, 4-й румынскими армиями

3(F)/121.

II/KG 4, Stab, I, II, III/KG 27.

Stab, II, III/JG 77, I(J)/LG 2.

Deutsche Luftwaffenmission Rumanien (General-leutnant H. Speidel) — взаимодействует с ПВО Румынии

Stab/JG 52, III/JG 52.

**ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ ГРУППИРОВКИ ГЕРМАНСКИХ ВВС, ЗАДЕЙСТВОВАННЫХ
В ВЫПОЛНЕНИИ ПЛАНА «БАРБАРОССА» К 22.6.1941 Г. (ВСЕГО/В Т.Ч. ИСПРАВНЫХ)**

	5-й ВФ (часть сил)	1-й ВФЛ	2-й ВФЛ	4-й ВФЛ	Итого
Всего боевых самолетов, в т.ч.	108/87	679/542	1468/1100	969/784	3275/2549*
БА	22/17	271/211	299/222	360/307	952/757
пикирующих БА	40/37	—	425/323	—	465/360
ИА и ША	12/12	203/167	384/284	366/272	965/735
двухмоторная ИА	4/4	—	98/60	—	102/64
РА и МРА	30/21	205/164	262/211	243/205	791/633*

Примечание:

* В данной графе учтены еще 51/32 дальних разведчика из состава группы дальней разведки главного командования люфтваффе, не входившей в состав ни одного из флотов.

По численности данная группировка превосходила ту, что принимала участие в Битве за Англию (2790 боевых самолетов) и лишь незначительно уступала привлекавшейся к кампании против Франции (3355 боевых самолетов). Если же принять во внимание авиацию союзников Германии, то группировка, задействованная в плане «Барбаросса» являлась самым мощным сосредоточением авиации стран «оси» с начала Второй мировой войны.

Официально Финляндия не присоединилась к союзу с гитлеровской Германией, но на самом деле прошедшие весной 1941 г. германо-финские переговоры четко оговаривали ее участие в боевых действиях против СССР для возвращения провинций, потерянных в ходе Зимней войны, а также присоединения советской Восточной Карелии. Дата нападения Финляндии на СССР должна была определиться с учетом успехов вермахта на московском и ленинградском направлениях. Пока же финское правительство только предоставило свою территорию для размещения немецких войск, кораблей и самолетов. Собственные ВВС Финляндии располагали штабами трех авиационных полков, 13 авиационными флотилиями и насчитывали около 250 боевых самолетов (на 1.7.1941 240/204 боевых самолета, в т.ч. БА — 35/28, ИА — 179/152, РА — 26/24). По своим летным характеристикам финские самолеты примерно соответствовали качеству советских машин (часть из них являлись трофейными ДБ-3, СБ и И-153), но летный состав, получивший боевой опыт в ходе Зимней войны, отличался гораздо более высоким уровнем подготовки.

Качество подготовки летчиков румынских ВВС заметно уступало финскому, зато они располагали гораздо более многочисленным авиапарком. В 50 румынских эскадрильях имелось 580/493 боевых самолета, в т.ч. БА — 133/116, ИА — 270/226 и РА — 177/157. Непосредственно для участия в войне против СССР выделялась так называемая «Боевая авиационная группа», насчитывавшая 253/205 боевых самолетов (24 эскадрильи), в т.ч. БА — 110/88, ИА — 88/76, РА — 55/41. Значительная часть остальной авиации находилась в подчинении развернутых вдоль границы 3-й и 4-й армий (9 эскадрилий), а также авиагруппы «Добруджа» (4 эскадрильи), отвечавшей за оборону морского побережья страны от воздушного и морского противника. С учетом этого численность румынской авиации, задействованной для войны против СССР, можно оценить примерно в 400 самолетов, а всю группировку ВВС противников Советского Союза — почти в 4000 боевых самолетов.

Базы

Готовясь к нападению на Советский Союз, германское военное руководство усиленно строило и переоборудовало аэродромы. С лета 1940 г. до мая 1941 г. на территории Германии было оборудовано более 250 аэродромов и 160 посадочных площадок. На территории Польши за то же время было построено и восстановлено 100 аэродромов и 50 посадочных площадок. Строились аэродромы в Румынии и Венгрии. Хорошо разви-

тая аэродромная сеть обеспечивала немецким военно-воздушным силам рассредоточенное базирование и свободу маневра в любых направлениях.

Данные о противнике

а) Оценка количества

Германская разведка всегда пыталась сорвать завесу секретности с советских вооруженных сил, однако до определенного времени все эти попытки никакого результата не давали. Благодаря наличию в СССР надежной системы сокрытия государственных секретов ни агентурная разведка, ни данные, полученные от эмигрантов и перебежчиков, не могли создать целостной картины состояния советской авиационной промышленности, боевого состава и дислокации ВВС. Ситуация изменилась с момента заключения пакта Молотова—Риббентропа и договора между СССР и Германией о дружбе и границах. С этого момента Сталин всячески старался избежать обострения политических отношений с новым мощным стратегическим партнером, что создало немцам весьма благоприятные условия для ведения самой откровенной и эффективной разведки — воздушной.

С октября 1939 г. и до начала войны над территорией западных областей Украинской и Белорусской ССР немецкие самолеты появлялись более 500 раз. С января по 21.6.1941 люфтваффе проводили интенсивную воздушную разведку аэродромной сети западной приграничной зоны СССР. За указанный период германские самолеты нарушили границу 324 раза. При

этом с 27 марта по 18 апреля было 80, а с 19 апреля по 19 июня — 180 случаев нарушений. В отдельные дни «нарушения» носили характер специальных разведывательных операций. Так, 4 апреля в период с 11.56 до 13.30 государственную границу СССР в районе Львова нарушили шесть немецких самолетов. 9 апреля границу Литвы с 14.25 до 16.08 нарушили пять немецких самолетов, а 10 апреля в период с 11.21 до 14.28 — 14 самолетов. Особенно участились случаи нарушения государственной границы перед самым началом войны. На отдельных участках самолеты-нарушители перелетали государственную границу по нескольку раз в день и углублялись в воздушное пространство СССР на 100—150 км.

Маршруты немецких самолетов-нарушителей совпадали с основными железнодорожными и шоссейными магистралями и выводили их к важнейшим населенным пунктам и основным аэродромам. В первую очередь преследовалась цель разведать базирование советской авиации. Со второй половины мая резко возросла высота полета самолетов-нарушителей, что, очевидно, было связано с аэрофотосъемкой основных объектов разведки и особенно аэродромов. Так, по данным штаба ВВС Прибалтийского военного округа, за 15—20 дней до войны немецкие разведывательные самолеты сфотографировали все аэродромы на территории округа.

Помимо прямых нарушений государственной границы немецкая авиация применяла разведку под видом потери ориентировки в учебных полетах — экипажи, укомплектованные переодетыми офицерами, про-

изводили посадки на наиболее важные аэродромы приграничной зоны.

Кроме того, в разведывательных целях использовалась и воздушная трасса Москва—Берлин, проходившая через основные аэроузлы ЗапОВО. Немецкие рейсовые самолеты преднамеренно отклонялись от установленного маршрута на 15—20 км и, снижаясь до 50 м, производили разведку начавшегося строительства ВПП и других объектов. Порой они даже производили посадку на таких аэродромах, как Белосток, Минск, в то время, когда на них велась летная работа советских частей.

Казалось бы, следовало принять все меры, вплоть до открытия огня по самолетам-нарушителям, чтобы не допустить ведения ими разведки. Однако советским истребителям открывать огонь было запрещено. Они могли лишь принуждать самолеты-нарушители к посадке. Последние же при их перехвате истребителями требованиям о посадке не подчинялись, а в ряде случаев сами открывали огонь. Если самолет-нарушитель все же удавалось посадить, немцы старались уничтожить имевшуюся на борту разведывательную аппаратуру. Так, 15.4.1941 в районе Ровно был перехвачен и принужден к посадке (по немецким данным, сел в результате неисправности) разведчик Ju 86. После того как немецкие летчики отбежали от самолета, на его борту произошло два взрыва, в результате чего «юнкерс» загорелся. Однако пожар удалось потушить. В самолете обнаружили три фотоаппарата, один из которых уцелел. На пленке были засняты железнодорожные узлы на участке Киев — Коростень.

В связи с участвовавшими случаями нарушения государственной границы СССР со стороны разведывательной авиации Германии, накануне войны командованием ВВС был усилен наряд дежурных истребителей на аэродромах всех пяти западных приграничных округов. Например, в ЗапОВО летом 1941 года ежедневно выделялось пять дежурных звеньев на И-153 и И-16 и три на МиГ-3. Кроме того, выделялось еще восемь дежурных звеньев в засадах.

Командование советских Военно-воздушных сил в основном правильно оценивало характер полетов германских самолетов-нарушителей, рассматривая их как систематическое ведение разведки с фотографированием западной приграничной зоны СССР. Начальник Главного управления ВВС дважды (4 и 17 июня) в докладах на имя наркома обороны С.К. Тимошенко (17 июня — и на имя И.В. Сталина) предлагал вести ответную разведку с аэрофотосъемкой важнейших объектов в германских приграничных районах, однако такое предложение принято не было. Борьба с немецкой воздушной разведкой возлагалась на пограничные войска НКВД и части приграничных военных округов. Но, как военным стало известно впоследствии, нарком внутренних дел Л.П. Берия еще в марте 1940 г. с ведома Сталина категорически запретил пограничным войскам открывать огонь по самолетам-нарушителям.

Просчеты политического и военного руководства СССР, не допускавшего применения эффективных ответных мер, дали возможность немецкому командованию выявить все советские аэродромы в приграничных

районах, установить количество и типы базирующихся на них самолетов и сделать выводы о составе и возможностях авиационных группировок советских Военно-воздушных сил на главных направлениях предстоящего вторжения. Это оказало существенное влияние на масштабы потерь нашей авиации от первых массированных ударов противника в начальный период войны.

Последние немецкие данные о численности советских ВВС перед началом боевых действий приводились в Отчете разведки по СССР, на основании которого верховное командование люфтваффе накануне войны произвело собственные расчеты. В соответствии с этим анализом, в советских полевых частях находилось 10 500 военных самолетов, из них 7500 в европейской России и 3000 — на Дальнем Востоке. За вычетом 1800 транспортных и связных самолетов, которые не считались боевыми, немцы насчитывали в европейской части СССР 5700 боевых самолетов (2000 новых и 980 старых истребителей, 2100 новых бомбардировщиков и 620 старых разведчиков). Под новыми самолетами подразумевались И-16, И-153, СБ и ДБ-3, под старыми — И-15, Р-5 и ТБ-3. Поскольку процент устаревшей техники был довольно высок, реальная сила советских ВВС считалась эквивалентной 50% от приведенных цифр. Также предполагалось, что в первой половине 1941 г. истребительные части будут пополнены 700 самолетами, в том числе от 200 до 300 новых истребителей И-18 (так немцы называли МиГ-3). Зна-

чительное усиление бомбардировочной авиации считалось маловероятным.

Как видим, и немецкая разведка, и командование люфтваффе в своих расчетах явно недооценили численность советской авиации, занизив ее почти вдвое. Гораздо ближе к реальности оказались цифры, полученные немецкой службой радиоперехвата, которая на основе анализа радиопереговоров пришла к выводу, что, считая вспомогательную авиацию, у советской стороны имеется от 13 000 до 14 000 самолетов. Т.о., оценка радиоперехватов оказалась гораздо точнее выводов разведки, основанных на агентурных данных и аэрофотосъемке. Зато немцам, безусловно, удалось вскрыть почти все аэродромы базирования советских ВВС на глубину до 150—200 км от границы, а также значительную часть аэродромов, находившихся на стратегической глубине.

б) Оценка качества

Несмотря на то что по численности люфтваффе уступали ВВС РККА в соотношении 1:3 или 1:4, ударная сила советской авиации и ее шансы на успех оценивались немцами невысоко.

Немецкое командование полагало, что отсутствие боевого опыта и порочная система управления будут отрицательно влиять на ход операций советских ВВС и не позволят осуществлять взаимодействие авиации с наземными войсками, особенно в условиях мобильной войны, а также массировать силы в районах основных событий. В одном из отчетов немецкой раз-

ведки говорилось, что *«благодаря неповоротливости управления и плохим средствам связи вряд ли можно рассчитывать, что ВВС быстро будут перебазироваться с одного участка фронта на другой в связи с изменением обстановки. Изменение порядка размещения (одновременно и стратегического сосредоточения) потребует много времени, и его можно будет своевременно опознать»*.

Уровень подготовки высшего командного состава ВВС РККА оценивался как крайне неудовлетворительный. Хорошо известно мнение начальника Генерального штаба сухопутных сил Германии Ф. Гальдера, записавшего весной 1941 г. в своем дневнике: *«Русский офицерский корпус исключительно плох (производит жалкое впечатление), гораздо хуже, чем в 1933 г.»* А вот что отметил в апреле 1938 г. военный атташе Германии в СССР генерал Э. Кестринг: *«Благодаря ликвидации большого числа высших офицеров, совершенствовавших свое искусство десятилетиями практики и теоретических занятий Красная Армия парализована в своих оперативных возможностях. Отсутствие старших и вообще опытных командиров будет отрицательно влиять на обучение войск в течение длительного времени... Армия не представляет существенный фактор обороны»*.

Немецкому командованию было известно, что ВВС РККА находятся в процессе перевооружения, которое, как предполагалось, должно занять много времени. Уровень советских наземных служб и снабжения оценивался как неудовлетворительный и не соответствующий современным требованиям. Такого же низкого

мнения были немцы и о связи ВВС, и об уровне их боеготовности — из общего числа 5700 боевых самолетов (в приграничных округах) полностью боеготовыми считались только 1500 истребителей и 1300 бомбардировщиков.

В целом советские ВВС расценивались как очень легко уязвимые и неготовые к боевым действиям. Немцы с уверенностью предполагали, что в ходе боев с высокоорганизованным, хорошо вооруженным противником численность и эффективность нашей авиации будет быстро сокращена.

В техническом отношении советские ВВС, по мнению немецкого командования, также уступали люфтваффе. Самолеты считались в той или иной степени устаревшими, за исключением небольшого числа современных истребителей, подробные данные о которых отсутствовали.

В марте 1941 г. высшее советское руководство решило произвести демонстрацию своих новейших самолетов, для чего пригласило немецкую делегацию во главе с военно-воздушным атташе Германии полковником Г. Ашенбрэннером посетить ряд советских авиазаводов. Этот визит состоялся в период с 29 марта по 16 апреля 1941 г. Немецким специалистам показали ЦАГИ и заводы, производящие истребители МиГ-3, пикирующие бомбардировщики Пе-2, авиамоторы АМ-35, М-25, М-105, подшипники, алюминиевые листы. По признанию членов комиссии, *«мы не ожидали того, что увидели. По имевшимся в Германии сведениям, ожидали увидеть значительно худшее, против того, что увидели... тех-*

нологический процесс налажен хорошо. Рабочие работают очень интенсивно». Большое впечатление на немцев, в частности, произвели самолеты МиГ и Пе-2, организация производства, качество литья, большая аэродинамическая труба ЦАГИ, размеры подшипникового завода и пр. По высказыванию члена комиссии инженер-полковника Швенке, «СССР технически прогрессирует и имеет сырье». В беседе с немецкими специалистами главный конструктор истребителя МиГ-3 А.И. Микоян, брат министра советского правительства, недвусмысленно заявил: «Мы сейчас показали вам, что мы имеем и чем мы занимаемся, и тот, кто попытается напасть на нас, будет уничтожен!» Ашенбреннер доложил о результатах своего визита в Берлин, но переданное им предостережение сыграло прямо противоположную роль. Гитлер написал на рапорте: «Хорошо, вы поглядели, как далеко они продвинулись. Мы должны начинать немедленно!»

* * *

Из вышесказанного достаточно очевидно вытекает, что к началу войны между Германией и СССР люфтваффе обладали настолько большим качественным превосходством над советской авиацией, что с легкостью могли компенсировать свое численное меньшинство, особенно в случае успеха заранее запланированного удара по советским аэродромам. Тем не менее, в долгосрочном плане расчеты германского авиационного командования оказались опровергнуты, подобно расчетам сухопутных генералов. Фактически под-

чиненные Геринга совершили три ошибки: во-первых, они не смогли правильно определить численность советской авиации внутри страны, занизив количество находившихся там самолетов примерно в три раза (с 8,5 до 3 тысяч). Во-вторых, они не приняли во внимание того факта, что на вооружение ВВС РККА уже успели поступить самолеты «новых типов», которые по своим летным характеристикам примерно соответствовали или незначительно уступали аналогичным немецким. В-третьих, неверно были определены производственные мощности советской авиапромышленности, которая, как считали немцы, не сможет покрыть потерь ВВС РККА, понесенных в первые дни кампании.

Главная же ошибка была не военной, а политической. Гитлер не предполагал, что русские, которые не смогли оказать серьезного сопротивления немцам в годы Первой мировой войны и дух которых, казалось бы, должен быть окончательно сломлен в результате сталинских репрессий, — вместо того, чтобы сразу бросить оружие, станут сражаться настолько отчаянно, что полностью сорвут реализацию плана «Барбаросса».

Список сокращений

ад ДД — авиационная дивизия дальнего действия

БА — бомбардировочная авиация

бабр — бомбардировочная авиационная бригада

бад — бомбардировочная авиационная дивизия

бап — бомбардировочный авиационный полк

ВО — военный округ

ДБА — дальнебомбардировочная авиация

дбап — дальнебомбардировочный авиационный полк

ЗапОВО — Западный особый военный округ

ИА — истребительная авиация

иабр — истребительная авиационная бригада

иад — истребительная авиационная дивизия

иап — истребительный авиационный полк

каэ — корректировочная авиационная эскадрилья

КБФ — Краснознаменный Балтийский флот

КОВО — Киевский особый военный округ

ЛенВО — Ленинградский военный округ

МРА — морская разведывательная авиация

мрап — морской разведывательный авиационный полк

мтап — минно-торпедный авиационный полк

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НКО — Народный комиссариат обороны

ОдВО — Одесский военный округ

оиаэ — отдельная истребительная авиационная эскадрилья

омраэ — отдельная морская разведывательная авиационная эскадрилья

орап — отдельный разведывательный авиационный полк

ПриБОВО — Прибалтийский особый военный округ

РА — разведывательная авиация

раэ — разведывательная авиационная эскадрилья

резап — резервный авиационный полк

сад — смешанная авиационная дивизия

сап — смешанный авиационный полк

сбап — скоростной бомбардировочный авиационный полк

СНК — Совет Народных Комиссаров

СФ — Северный флот

тбап — тяжелобомбардировочный авиационный полк

ТВД — театр военных действий

ЧФ — Черноморский флот

ША — штурмовая авиация

шап — штурмовой авиационный полк

ЦАГИ — Центральный аэрогидродинамический институт

Михаил Мельтюхов

РОКОВАЯ ОШИБКА

Неудачное для советских войск начало Великой Отечественной войны и поражения лета—осени 1941 г. стали трагедией общенационального масштаба. Не случайно и сегодня именно эти события привлекают основное внимание не только исследователей, но и широких кругов общественности. За прошедшие десятилетия в отечественной историографии сложился устоявшийся перечень ответов на вопрос о причинах поражений Красной армии в начале войны¹. Конечно, дальнейшее изучение событий 1941 г. позволит уточнить, а также конкретизировать многие слишком общие из этих ответов. Совершенно очевидно, что сам вопрос о причинах неудач советских войск возник еще в 1941 г. Собственно, уже в своем выступлении по радио 3 июля 1941 г. И.В. Сталин отметил, что успехи врага объясняются тем, что *«войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придви-*

нуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 г.»² Естественно, глава советского правительства не стал вдаваться в вопрос о том, почему Советский Союз не реагировал на возмраставшую угрозу германского нападения.

Таким образом, главной причиной неудачного начала Великой Отечественной войны стала **ошибка советского руководства в оценке военно-политической обстановки накануне войны**. Правда, вопрос о причинах, по которым она была допущена все еще не получил однозначного ответа. В отечественной историографии сложилось мнение, что советская разведка располагала многими ценными сведениями о намерениях Германии и о подготовке нападения на СССР. Однако Сталин не верил этой информации, поскольку верил Гитлеру и в силу договора о ненападении, стремился оттянуть войну, которую боялся, не давая Германии повода для нападения³. Для подтверждения версии о вине Сталина, не реагировавшего на тревожные донесения разведки, в последние годы было издано немало сборников документов⁴, анализ которых свидетельствует об их определенной тенденциозности. Как правило, подбираются те документы, которые содержат сведения, подтвержденные последующими событиями и послевоенными исследованиями. Однако в момент получения этих данных все было не столь однозначно. Трудно не согласиться с П.А. Судоплатовым, который пишет, что *«руководство страны не смогло правильно оценить полученную*

по разведывательным каналам информацию, но надо сначала разобраться с вопросом, что представляла собою эта информация»⁵. В историографии отсутствуют исследования самих разведанных с точки зрения их достоверности и объективности, а выборочная публикация искажает картину предвоенных разведывательных материалов, так как менее достоверные сведения остаются неизвестными исследователям. Поэтому, прежде всего, следует оценить имеющиеся в нашем распоряжении разведанные с точки зрения их достоверности.

В литературе можно встретить утверждения, что «материал об основных положениях плана «Барбаросса», утвержденный Гитлером 18 декабря 1940 г., уже через неделю был передан военной разведкой в Москву»⁶. К сожалению, это не соответствует действительности. 29 декабря советский военный атташе в Берлине генерал-майор В.И. Тупиков доложил в Москву о том, что «Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года. Дано задание о проверке и уточнении этих сведений». Естественно, что, получив это донесение, Москва потребовала «более внятного освещения вопроса». 4 января 1941 г. из Берлина пришло подтверждение достоверности этой информации, основанной «не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который является сугубо секретным и о котором известно очень немногим лицам». Однако источник не видел этого документа, и в его сообщении содержались следующие сведения: «Подготовка наступления против СССР

началась много раньше, но одно время была несколько приостановлена, так как немцы просчитались с сопротивлением Англии. Немцы рассчитывают весной Англию поставить на колени и освободить себе руки на востоке». К тому же в повторном сообщении в вопросе о сроке начала войны речь шла уже не о марте, а о весне 1941 г.⁷

Сам по себе этот факт является крупным успехом советской разведки, однако эта информация была неточна. 18 декабря Гитлер не отдавал приказа о подготовке войны с Советским Союзом (он сделал это еще в июне — июле 1940 г.), а подписал стратегический план войны с СССР — основной документ дальнейшего военного планирования. Сведения о возможном начале войны в марте 1941 г. после вывода из войны Англии были безусловной дезинформацией, так как в директиве № 21 «Барбаросса» был указан примерный срок завершения военных приготовлений — 15 мая 1941 г. и подчеркивалось, что СССР должен быть разгромлен *«еще до того, как будет закончена война против Англии»*⁸. Таким образом, советской разведке удалось получить сведения о том, что Гитлер принял какое-то решение, связанное с советско-германскими отношениями, но его точное содержание осталось неизвестным, как и кодовое слово «Барбаросса».

Имеющиеся материалы не подтверждают версию о том, что советской разведке *«удалось раскрыть замысел германского командования»* и *«своевременно вскрыть политические и стратегические замыслы Германии»*⁹. Как правило, для обоснования

этой версии цитируют те положения доклада начальника Разведуправления генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова от 20 марта 1941 г. «Высказывания, оргмероприятия и варианты боевых действий германской армии против СССР», где сказано, что «из наиболее вероятных военных действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимание следующие: Вариант № 3, по данным на февраль 1941 года "... для наступления на СССР, написано в сообщении, создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Петрограда; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта — в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба — в направлении Киева. Начало наступления на СССР — ориентировочно 20 мая"». Далее со ссылкой на донесение военного атташе указывалось, что «начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года».

Правда, при этом забывают о выводах, которые сделаны в этом докладе: «1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира. 2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки». Как пра-

вило, исследователи, вслед за Г.К. Жуковым, осуждают Голикова, лишь В. Сахаров отмечает, что вывод о том, что весной войны не будет, оказался совершенно правильным¹⁰. Ныне, когда этот доклад опубликован, стало ясно, что он представляет собой подборку имевшихся разведанных. При этом составители документа отмечали, что *«большинство агентурных данных, касающихся возможностей войны с СССР весной 1941 года, исходит из англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией»*, хотя и признавали необходимость учета некоторых сведений. Приведенные в докладе материалы давали слишком мозаичную и противоречивую картину, а сведения о англо-германских переговорах, казалось бы, подтверждали вышеприведенный вывод Голикова¹¹. Зная дальнейшее развитие событий, современные исследователи могут точно указать, какие сведения соответствовали действительности, а какие — нет, но в момент составления этого документа советская разведка не обладала такими знаниями и в силу своих возможностей старалась из всего потока информации выявить достоверную.

До 1998 г. исследователи были вынуждены пользоваться цитатами из мемуаров Жукова, который почему-то забыл упомянуть, что, когда в 1965 г. этот документ ему показал В.А. Анфилов, маршал заявил, что впервые его видит, поскольку Голиков *«не подчинялся мне»* и *«докладывал непосредственно Сталину, а иногда и Тимошенко. Но об этом документе он, по-ви-*

димому, наркома не информировал, потому что тот делился со мной основными сведениями разведки, полученными от Голикова»¹². Довольно странное заявление, если учесть, что Голиков был заместителем начальника Генерального штаба и в силу своего служебного положения вполне подотчетен Жукову. Кроме того, как отмечает П.И. Ивашутин, «тексты почти всех документов и радиোগрам, касающихся военных приготовлений Германии и сроков нападения, докладывались регулярно по следующему списку: Сталину (2 экземпляра), Молотову, Берии, Ворошилову, наркому обороны и начальнику Генерального штаба»¹³. Доклад от 20 марта 1941 г. также был направлен Сталину, Молотову и Тимошенко¹⁴. Помимо этого, будучи структурным подразделением Генерального штаба, Разведуправление регулярно доводило до сведения начальников других подразделений наиболее важную информацию о потенциальных противниках.

Возвращаясь к приведенной цитате из доклада Голикова, следует отметить, что эта информация отразилась в телеграмме английского посла в Москве С. Криппса в Лондон от 24 марта 1941 г. Среди прочего в ней отмечалось, что «вторжение будет осуществлено тремя большими армиями: первой, базирующейся в Варшаве под командованием Бека (? — М.М.), второй, базирующейся в Кенигсберге, третьей, базирующейся в Кракове под командованием Листа». В Лондоне эту информацию расценили как часть «войны нервов» против России, чтобы заставить ее еще теснее объединиться с Германией, «а соответственно, данная информация распространяется с целью заставить советское правительство

с помощью угроз заключить с Германией союз»¹⁵. Как видим, оценки в Москве и Лондоне совпали.

В литературе часто цитируется докладная записка наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова от 6 мая с сообщением военно-морского атташе в Берлине со слов немецкого офицера, что *«немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах»*. *«Полагаю, — делал вывод Кузнецов, — что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы дошли до нашего Правительства и проверить, как на это будет реагировать СССР»*. Авторы, считающие, что эти сведения *«имели исключительную ценность»*, а выводы их дезавуировали, не желают признать, что это сообщение, как справедливо показал В. Сахаров, было дезинформацией, и вывод адмирала был совершенно правилен. Ныне, когда этот документ опубликован полностью, выяснилось, что сведения были получены от советского подданного Бозера, которому они стали известны со слов германского офицера, причем *«попытка выяснить первоисточник сведений и расширить эту информацию пока результатов не дала, т.к. Бозер от этого уклонился. Работа с ним и проверка сведений продолжаются»*. Следовательно, вывод адмирала был вполне обоснован¹⁶.

В итоге советской разведке не удалось раскрыть стратегический замысел германского командования. Сведения о направлениях наступления вермахта

были слишком противоречивы и далеко не всегда соответствовали действительности. Готовясь к использованию основных сил в Белоруссии, германское командование было заинтересовано в ослаблении противостоящей группировки Красной Армии. Для этого распространялись слухи о возможном ударе по Украине или Прибалтике. Более того, советская разведка не имела точных сведений о возможном характере боевых действий против СССР. Как отмечает П.А. Судоплатов, все предвоенные оценки исходили из идеи затяжной войны, тогда как Германия делала ставку на «блицкриг»¹⁷. Причем эта уверенность Москвы поддерживалась поступающей развединформацией.

Одной из целей советской разведки накануне войны было выявление военных приготовлений Германии, сосредоточения войск на границах СССР и определение их количества. Опубликованные в последние годы материалы позволяют в целом проследить результаты этой работы.

В работе советской разведки большую роль играли оценочные данные о германском военном потенциале. К сожалению, они, как правило, были значительно завышены. Так, в конце 1938 г., по оценке Разведуправления, вермахт располагал 7300 танками и 5160 самолетами. В действительности, на 1 сентября 1939 г., т.е. спустя 8 месяцев, германские вооруженные силы насчитывали 3474 танка и 4288 самолетов. Ставшие основой дальнейших расчетов, эти завышенные оценки постоянно возрастали. Так, по последующим оценкам, самолетный парк германских

ВВС достиг к октябрю 1939 г. 5500—6000 самолетов, хотя в реальности на 1 октября люфтваффе насчитывали всего 4756 самолетов. Производственные же мощности германской авиапромышленности, наоборот, занижались. Например, среднемесячная производительность в 1939 г. по этим оценкам составляла 330—350 самолетов, вместо действительных 690 самолетов¹⁸.

В марте 1940 г. появились новые оценки германских ВВС, которые исходили из расчета, что на 1 сентября 1939 г. самолетный парк люфтваффе составлял 13 900 самолетов и оставался таковым до лета 1940 г., поскольку ежемесячное производство 600—700 самолетов восполняло потери. В реальности, в ВВС Германии на 1 мая 1940 г. насчитывалось 5895 самолетов, а среднемесячное производство в 1940 г. составляло 902 самолета¹⁹. Оценивая военно-экономические возможности Германии, Разведуправление в докладе от 11 марта 1941 г. отмечало, что она способна ежегодно производить 25—30 тыс. самолетов и 18 — 20 тыс. танков. На самом деле эти показатели были достигнуты по самолетам в 1943 г. (произведено 24,8 тыс.), а по танкам в 1944 г. (произведено 18,3 тыс.)²⁰.

Столь же завышенными были и оценки германских вооруженных сил, причем активные боевые действия Германии в Скандинавии и Западной Европе способствовали еще большему их увеличению. Результаты деятельности советской разведки по установлению численности германских вооруженных сил представлены в таблице 1 (цифры в скобках — реальное положение). Согласно общей оценке на 1 марта

1941 г. в вермахте насчитывалось 8 млн. человек, 260—270 дивизий (221 пехотная, 22 танковых, 20 моторизованных), 11—12 тыс. танков, свыше 52 тыс. орудий, ВВС были объединены в 5 воздушных флотов и имели на вооружении 20 700 самолетов. В действительности вермахт насчитывал 6954 тыс. человек (на 15 марта) и располагал на 1 марта 175 дивизиями, 5008 танками, 33 189 орудиями (на 1 апреля), а ВВС насчитывали 5259 самолетов (на 22 февраля)²¹.

С октября 1939 г. советская разведка занялась выявлением германской военной группировки у советских границ. Было установлено, что с окончанием активных боев в Польше германское командование начало переброску войск на Западный фронт. К сожалению, сведений о разведанных, отражающих численность германских войск на Востоке осенью 1939 г. — зимой 1940 г., не публиковалось, поэтому эффективность разведработы не ясна. Германские

Таблица 1

ОЦЕНКА БОЕВОГО СОСТАВА И ЧИСЛЕННОСТИ ВЕРМАХТА²²

Дата	Дивизии	Численность (тыс. чел.)
1 марта 1940 г.	190 (116)	—
15 апреля 1940 г.	200 (123)	7000 (5367)
15 июня 1940 г.	235 (157)	8000 (5765)
1 октября 1940 г.	255 (156)	—
15 марта 1941 г.	265 (191)	8000 (6954)
31 мая 1941 г.	290 (206)	—

силы в Польше и Восточной Пруссии оценивались в марте 1940 г. в 32 дивизии, тогда как в реальности их имелось всего 10, а на конец мая 1940 г. — в 20 пехотных и 2 танковые дивизии, хотя в действительности там находилось всего 7 пехотных дивизий²³. После капитуляции Франции, по оценке Разведуправления, из действовавших на Западе 170—180 дивизий в период с 25 июня по 1 августа 1940 г. 70—80 дивизий были рассредоточены по Центральной Европе, 30—40 дивизий переброшены на Восток, а дислокация войск в Германии была неизвестна. В действительности на Восток было переброшено лишь 15 дивизий²⁴. Таким образом, советская разведка правильно определила переброску войск на Восток после окончания боев на Западном фронте, но преувеличивала их численность.

Каких-либо опасений в связи с этими перебросками в имеющихся документах не просматривается. Тем более что 9 июля 1940 г. германский военный атташе в Москве уведомил заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии о предстоящей передислокации и организационных мероприятиях в вермахте²⁵. Например, в разведсводке разведотдела штаба Киевского особого военного округа (КОВО) № 20 (20 — 31 июля 1940 г.) делался следующий вывод: *«Прибытие германских войск в пределы генерал-губернаторства объясняется, с одной стороны, стремлением Германии усилить свою восточную границу, поскольку она была значительно ослаблена в период решительных операций на Западе, с другой стороны, необходимостью размещения войск, освободившихся после заключения перемирия*

с Францией, на территориях, более богатых продовольственными ресурсами. переброска германских войск на территорию бывшей Польши, начиная с 20 июля, значительно сократилась по сравнению с первой половиной июля. Вместе с прибывшими войсками численность германских войск на территории генерал-губернаторства составляет 35 дивизий»²⁶.

В имеющихся материалах наблюдается определенное расхождение в оценке германских войск на Востоке. Так, по сведениям разведки НКВД, на 16 июля 1940 г. здесь имелось 40 пехотных и 2 танковые дивизии, а по данным Разведотдела штаба Западного особого военного округа (ЗапОВО) — 28 пехотных дивизий. На 23 июля Разведотдел штаба КОВО оценивал германскую группировку в 50 пехотных дивизий, 2 танковые бригады и 2 танковых полка, разведка НКВД — в 50 пехотных и 4 танковые дивизии, а Разведотдел штаба ЗапОВО — в 40 пехотных дивизий и 5 танковых бригад. По одним сведениям, на 1 августа 1940 г. на территории Польши и Восточной Пруссии насчитывалось 41 пехотная, 1 танковая и 1 кавалерийская дивизии, а по другим — на 8 августа там находилось 54 пехотные, 6 танковых и 2 кавалерийских дивизии²⁷. Почему возникли эти разночтения и каким образом они повлияли на оценку германской группировки на Востоке, к сожалению, остается неизвестным.

Германские войска пока имели на Востоке оборонительные задачи и занимались инженерным оборудованием будущего театра военных действий²⁸. Советская разведка внимательно следила за этими работами,

причем они не вызывали никаких опасений. По ее сведениям, фортификационные сооружения на территории восточнее Вислы устарели, а частично были разрушены в 1914 — 1918 и 1939 гг. *«Все эти старые укрепления не могут являться серьезным препятствием для наступающих с востока войск без значительной модернизации»*, поэтому немцы и начали строить оборонительные сооружения в приграничной полосе. В начале сентября 1940 г. Разведотдел штаба КОВО сделал заключение, что *«возводимые укрепления по р. Висла показывают, что р. Висла, вероятно, будет вторым оборонительным рубежом на территории генерал-губернаторства»*²⁹.

Сопоставление разведанных о численности германских войск, развернутых у советских границ, с действительными данными (см. таблицы 2 и 3, цифры в скобках — реальное положение) показывает, что, правильно вскрыв факт переброски германских войск к границе СССР, советская разведка не располагала точными сведениями о количестве сосредоточенных войск и в своих оценках исходила из завышенных сведений об общей численности вермахта³⁰.

«С первой половины октября начинается постепенное ослабление сосредоточения германских войск на наших границах за счет перебросок их на Балканы (Румыния), а также в Венгрию и Словакию...» — сообщал 5-й отдел ГУГБ НКВД 6 ноября 1940 г. Схожий вывод сделал и Разведотдел штаба КОВО, отметив, что усиленная переброска войск в Польшу в сентябре сменилась в ноябре их переброской в Румынию³¹.

Таблица 2

ОЦЕНКА ЧИСЛЕННОСТИ ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК НА ГРАНИЦЕ С СССР

Дивизии	23.07.40	1.10.40	1.11.40	4.04.41	15.05.41	1.06.41	20.06.41
Пехотные	50 (22)	70 (25)	78 (25)	70 (43)	93 (3)	94 (79)	95 (95)
Танковые	1 (0)	8 (3)	5 (6)	7 (3)	13 (3)	14 (3)	15 (17)
Моторизованные	0 (0)	5 (1)	5 (0)	6 (0)	12 (1)	13 (1)	18 (15)
Кавалерийские	0 (0)	6 (1)	0 (1)	0 (1)	1 (1)	1 (1)	1 (1)
Всего	51 (22)	89 (30)	88 (32)	84 (47)	119 (71)	122 (84)	129 (128)

Таблица 3

**ОЦЕНКА ЧИСЛЕННОСТИ ГЕРМАНСКИХ
ВОЙСК ПО НАПРАВЛЕНИЯМ**

Дата	Дивизии				
	Пехотные	Танковые	Моторизованные	Кавалерийские	Всего
Группа армий «Север»					
1.10.40	17 (6)	3 (2)	2 (0)	2 (0)	24 (8)
1.11.40	16 (6)	0 (2)	0 (0)	0 (0)	16 (8)
15.05.41	19 (15)	2 (2)	3 (0)	0 (0)	24 (17)
1.06.41	19 (19)	2 (2)	3 (0)	0 (0)	24 (21)
20.06.41	21 (23)	3 (3)	5 (3)	0 (0)	29 (29)
Группа армий «Центр»					
1.10.40	23 (9)	2 (0)	1 (0)	2 (1)	28 (10)
1.11.40	34 (8)	2 (0)	1 (0)	0 (1)	37 (9)
15.05.41	24 (17)	4 (1)	1 (1)	1 (1)	30 (19)
1.06.41	24 (32)	4 (1)	1 (1)	1 (1)	30 (35)
20.06.41	24 (34)	4 (9)	1 (7,5)	1 (1)	30 (51,5)
Группа армий «Юг»					
1.10.40	24 (10)	3 (1)	2 (1)	1 (0)	30 (12)
1.11.40	28 (11)	3 (4)	4 (0)	0 (0)	35 (15)
15.05.41	44 (22)	7 (0)	8 (0)	0 (0)	59 (22).
1.06.41	45 (28)	8 (0)	9 (0)	0 (0)	62 (28)
20.06.41	44 (35)	8 (5)	12 (3,5)	0 (0)	64 (43,5)

Это привело к сокращению количества германских войск на границах СССР. К сожалению, разведданных с оценками германской группировки на Востоке в ноябре 1940 — марте 1941 г. не публиковалось, поэтому невозможно их сопоставить с действительным положением. Доступные документы относятся к периоду с апреля 1941 г. до начала войны. К ним и обратимся.

Но сначала следует сказать о воспоминаниях В.А. Новобранца о его работе в Разведуправлении в 1940 — 1941 гг., которые довольно широко используются в новейшей отечественной историографии для подтверждения тезиса о честных разведчиках и руководителях-конъюнктурщиках. Особенно часто встречаются ссылки на утверждения мемуариста, что разведсводка по Западу № 8 от декабря 1940 г. содержала сведения о 110 германских дивизиях (из них 11 танковых), развернутых у наших границ. При этом никто не обратил внимания на то, что ранее автор пишет, что в этой группировке на рубеже 1940 — 1941 гг. было 70 дивизий. Из текста следует, что в декабре 1940 г. Новобранец не был исполняющим обязанности начальника Информационного отдела и не мог готовить эту сводку по Западу, поскольку являлся заместителем начальника отдела по Востоку и занимался оценкой вероятных противников в Азии. Кроме того, разведсводка № 8 содержала сведения о группировке германских войск на 15 ноября 1940 г., которые, как отмечается в книге В.А. Гаврилова и Е.А. Горбунова, оценивались в 91 — 96 дивизий (из них 76 — 79 дивизий

находились в Восточной Пруссии и Польше и 15 — 17 дивизий — в Румынии)³². Вероятно, в Разведуправлении были расхождения в оценке численности германской группировки на Востоке, и Новобранец, если он вообще занимал указанную должность, мог придерживаться отличных от мнения руководства взглядов, за что, видимо, и был снят с должности, но не в начале мая, как он уверяет, а начале апреля 1941 г., что подтверждается документами. Эти разногласия могли иметь место в марте 1941 г., на что косвенно указывает сам мемуарист и приводимая А.Г. Хорьковым оценка германской группировки у границ СССР на 25 марта 1941 г. в 120 дивизий, которая была пересмотрена уже через 10 дней³³.

Советская разведка смогла обнаружить в феврале — марте 1941 г. новую переброску германских войск на Восток, куда, по ее данным, прибыло 6 пехотных и 3 танковые дивизии. В действительности с 20 февраля по 15 марта 1941 г. на Восток было передислоцировано 7 пехотных дивизий, и их количество увеличилось с 26 в феврале до 33 на 15 марта³⁴. 16 апреля Разведуправление докладывало о перебросках 3 пехотных и 2 моторизованных германских дивизий в первой половине апреля, что привело к увеличению группировки в Восточной Пруссии и Польше до 78 дивизий. Вновь правильно отметив факт переброски войск, Разведуправление сообщало неверные данные. В действительности с 16 марта по 10 апреля на Восток были передислоцированы 18 пехотных и 1 танковая дивизии, что увеличило общее число германских войск до 52 ди-

визий. От внимания советской разведки не ускользнуло сосредоточение у границ СССР в январе — первой половине апреля 1941 г. 6995 вагонов боеприпасов и 993 вагонов горючего³⁵.

Разведуправление вновь верно отмечало перегруппировку германских войск в конце апреля — начале мая 1941 г., что вело к усилению группировок у границ СССР, в Африке, на Ближнем Востоке и в Норвегии. Как отмечалось в спецсообщении Разведуправления от 5 мая, *«сущность перегруппировок немецких войск, производившихся во второй половине апреля, после успешного завершения балканской кампании и до настоящего времени сводится: 1. К усилению группировки против СССР на протяжении всей западной и юго-западной границы, включая Румынию, а также в Финляндии. 2. К дальнейшему развитию операций против Англии через Ближний Восток (Турция и Ирак), Испанию и Северную Африку. 3. К усилению немецких войск в Скандинавии, где они могут быть использованы с территории Норвегии против Англии, Швеции и СССР...»*³⁶

На 25 апреля Разведуправление оценивало группировку вермахта на Востоке в 95 — 100 дивизий, на 5 мая — в 103—107. По имевшимся данным, войска из Югославии возвращались в Протекторат Богемия и Моравия, где воссоздавалась группировка из 10 дивизий. Докладывая эту информацию, Разведуправление делало следующий вывод: *«1. За два месяца количество немецких дивизий в приграничной зоне против СССР увеличилось на 37 дивизий (с 70 до 107). Из них число танковых*

дивизий возросло с 6 до 12 дивизий. С румынской и венгерской армиями это составит около 130 дивизий. 2. Необходимо считаться с дальнейшим усилением немецкого сосредоточения против СССР за счет освободившихся войск в Югославии с их группировкой в районе Протектората и на территории Румынии. 3. Вероятно дальнейшее усиление немецких войск на территории Норвегии, северо-норвежская группировка которых в перспективе может быть использована против СССР через Финляндию и морем. 4. Наличные силы немецких войск для действий на Ближнем Востоке к данному времени выражаются в 40 дивизиях, из которых 25 в Греции и 15 в Болгарии. В этих же целях сосредоточено до двух парашютных дивизий с вероятным их использованием в Ираке»³⁷. Как видим, констатация факта сосредоточения германских войск на Востоке сопровождается ожиданием действий Германии на Ближнем Востоке, а не нападением на СССР.

По данным Разведуправления, в германских ВВС имелось 8—10 парашютно-десантных дивизий, из которых 1—2 находились в Греции, 5—6 на севере Франции и в Бельгии, 2 — в Германии. К сожалению, это была германская дезинформация, распространяемая в соответствии с директивой от 15 февраля 1941 г., в которой указывалось, что «особо важное значение имеет распространение дезинформационных сведений об авиационном корпусе, которые бы свидетельствовали о намерении использовать его против Англии». В действительности в ВВС имелась лишь 7-я воздушно-десантная дивизия, а 22-я пе-

хотная дивизия сухопутных войск считалась авиапосадочной. Докладывая эти данные, Разведуправление делало вывод, что *«увеличение германских войск на границе с СССР продолжается. Основными районами сосредоточения является: южная часть генерал-губернаторства, Словакия и северная часть Молдавии»*³⁸.

31 мая 1941 г. Разведуправление представило очередную доклад о группировке вермахта на 1 июня, в котором отмечалось, что переброски войск после Балканской кампании на другие ТВД в основном завершены. Считалось, что против СССР было развернуто 120—122 германских дивизии, 44—48 находились в резерве на территории Германии, а 122—126 было развернуто против Англии. Эти данные завершались констатацией: *«Что касается фронта против Англии, то немецкое командование, имея уже в данное время необходимые силы для развития действий на Ближнем Востоке и против Египта (29 дивизий, считая Грецию с островом Крит, Италию и Африку), в то же время довольно быстро восстанавливает свою группировку на Западе, продолжая одновременно переброску в Норвегию (из порта Штеттин), имея в перспективе осуществление главной операции против английских островов»*³⁹. Советская разведка предполагала наличие у границ СССР штабов двух групп армий и шести армий, хотя в действительности к 1 июня там находились штабы трех групп армий, семи армий и трех танковых групп вермахта. Эти данные вошли в очередную разведсводку по Западу № 5, которая 4 июня была сдана в производство, а 23 июня подпи-

сана в печать⁴⁰. Только к вечеру 21 июня состав германской группировки у границ СССР приблизительно совпал с оценками Разведуправления, которое по данным на 20 июня оценивало германскую группировку на границе с СССР от Баренцева до Черного моря в 133 дивизии. Кроме того, считалось, что в резерве в центральных районах Германии находятся 17 дивизий, в Силезии — 6—9 дивизий, в западных районах Румынии — 11 дивизий (из них 4 танковые и 4 моторизованные), и еще может быть использовано 11 дивизий из Болгарии⁴¹. Однако в действительности Германия развернула для вторжения три группы армий, 7 армий и 4 танковые группы, в которых насчитывалось 124 дивизии, 1 бригада и 1 пехотный полк, еще 4 дивизии находились в Северной Норвегии⁴².

Кроме того, следует обратить внимание на ставшие доступными документы советского военного планирования, в которых оценивалась вероятная численность германских войск для войны с СССР. Так, в документах от июля и 18 сентября 1940 г. отмечалось, что Германия развернет для войны с СССР до 173 дивизий (140 пехотных, 15—17 танковых, 8 моторизованных, 5 легких и 3 авиадесантных). В документе от 11 марта 1941 г. эта оценка возросла до 200 дивизий (165 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных), а согласно документу от 15 мая ожидалось развертывание 180 дивизий (137 пехотных, 19 танковых, 15 моторизованных, 4 кавалерийские и 5 авиадесантных)⁴³. Эти расчеты были чрезмерно завышены, а их сопоставление с оценкой гер-

манской группировки у советских границ показывало, что процесс сосредоточения вермахта для войны с СССР еще далек от завершения. Из данных Разведуправления Генштаба РККА следовало, что если с 4 апреля до 1 июня к советским границам было переброшено 38 германских дивизий, то для сосредоточения ожидавшихся еще 58 дивизий понадобится не менее 2 месяцев. Как уже отмечалось, по сведениям Разведуправления, на 1 июня на Востоке было сосредоточено всего 41,6% германских дивизий, а против Англии — 42,6%. Исходя из этих показателей, никто в Москве не стал бы делать вывод о завершении подготовки удара по СССР. На самом деле к 21 июня против СССР было развернуто 62% дивизий вермахта.

Таким образом, советской разведке не удалось достоверно установить состав вооруженных сил Германии и ее группировку на Востоке, что затрудняло оценку угрозы Советскому Союзу.

Состояние войсковой разведки западных приграничных округов накануне войны показано в работе А. Прановича. Агентурная разведка была слабо укомплектована подготовленными кадрами, агентов вербовали из местных жителей, большинство из которых не имело доступа к важным сведениям, а их донесения доставлялись курьерами, что вело к потере времени. Агенты не готовились к работе в условиях войны или к диверсиям, поскольку считалось, что война будет вестись на территории противника. Германской контрразведке удалось ограничить утечку информации, ужесточив контроль на границе. Воз-

душную разведку осуществляли 10 разведывательных авиаполков, имевших всего 157 самолетов, и из-за нехватки фототехники и подготовленных специалистов ее эффективность была невысока. Только в мае 1941 г. было решено к 1 июля укомплектовать авиаполки квалифицированным летным составом и на 50% самолетами СБ. Войсковая и радиоразведки, будучи не укомплектованными опытными кадрами и техникой, действовали неэффективно. Агентурная разведка пограничных войск лишь с 24 мая 1941 г. была ориентирована на выявление подготовки Германии к войне против СССР. Разведорганы округов не привлекались для подготовки планов прикрытия, взаимодействие всех видов разведки было налажено слабо, как и обмен информацией между разными ведомствами. Отсутствие агентов в штабах противника не позволяло добывать документы о планах Германии, этого не произошло даже тогда, когда 18 июня германское командование уведомило о предстоящем вторжении командный состав, до роты включительно. Низкая эффективность разведки приграничных военных округов не позволяла командованию видеть четкую картину ситуации и делать соответствующие выводы. Зачастую штабы округов ничего не знали о противостоящих группировках противника, что, естественно, сказалось на ходе боевых действий Красной Армии в условиях стратегически внезапного нападения⁴⁴.

К сожалению, этот вывод подтверждают доступные документы разведотделов штабов приграничных округов, опровергающие версию о том, что на

местах четко представляли складывавшуюся ситуацию. Так, Разведотдел штаба Прибалтийского особого военного округа (ПриБОВО) в сводке № 02 от 21 июня 1941 г., в которой отмечалось дальнейшее выдвижение германских войск к границе, делал следующие выводы: «1. Продолжается сосредоточение немецких войск к госгранице и из глубины в районы Восточной Пруссии. 2. Общая группировка войск продолжает оставаться в прежних районах. 3. Требуется установить достоверность дислокации в г. Кенигсберг штаба 3-го ак, штаба 1-й армии (нашими данными в течение продолжительного времени отмечался штаб 18-й армии. Данных о его убитии не поступало). Продолжают ли оставаться части, не указанные в этой сводке, ранее нами отмечаемые?» (так в тексте. — М.М.)⁴⁵.

Разведотдел штаба ЗапОВО в разведсводке от 21 июня 1941 г., в которой противостоящая германская группировка определялась в 45—46 дивизий, сделал заключение: «1. По имеющимся данным основная часть немецкой армии в полосе против Западного ОВО заняла исходное положение. 2. На всех направлениях отмечается подтягивание частей и средств усиления к границе. 3. Всеми средствами разведки проверяется расположение войск у границы и в глубине»⁴⁶.

Разведотдел штаба КОВО в сводке № 3 от 20 июня 1941 г. констатировал: «1. Движение немецких войск к нашим границам подтверждается различными источниками, главная масса прибывающих войск концентрируется на томашев-сандомирском направлении

севернее Таневских лесов. [...] 3. Данные о нумерации армий требуют проверки и уточнения, но наличие двух штабов армий на люблинском и томашев-сандомирском направлениях вполне возможны. 4. Замена ранее находившихся частей на краковском направлении заслуживает внимания, тем более что вновь прибывшие части относятся к менее устойчивым частям германской армии. 5. Крупное движение всех родов войск и транспорта южнее Томашов преследует какую-то демонстративную цель или связано с проводимыми учениями»⁴⁷.

К чему привело заблуждение в оценках, видно на примере боевых действий Юго-Западного и Южного фронтов, силы которых превосходили войска противника. В работе А.А. Гурова о действиях Юго-Западного фронта в начале войны отмечается, что *«штаб КОВО в целом выявил сосредоточение войск противника. Однако разведка не сумела определить его главную группировку»,* что *«в дальнейшем отрицательно повлияло на ход боевых действий»*. К тому же, как видно из приводимого автором материала, разведка КОВО не точно определила и общую численность войск противника, что не позволяло верно оценить грозящую опасность⁴⁸. Еще более неблагоприятно разведывательные оценки повлияли на действия войск Южного фронта. На 2 июля 1941 г. численность группировки противника в районе Стефанешты была определена в 9—10 дивизий (в том числе 5—6 танковых и моторизованных), хотя в действительности там находилось всего 5 пехотных дивизий и 5 бригад (в

том числе танковая). Разведка предполагала наличие в этом районе 900—960 танков вместо имевшихся там 60. Эти сведения повлекли неправильное предположение о направлении возможного удара противника, а неправильная общая оценка его сил перед Южным фронтом в 40 пехотных и 13 танковых и моторизованных дивизий вызвала решение на отвод советских войск к Днестру. Авторы статьи справедливо указывают, что невысокая эффективность действий войск Южного фронта вызвана ошибками разведки, которая не проясняла, а искажала реальную обстановку⁴⁹.

В литературе утверждается, что большую ценность представляли сообщения из Берлина источников «Старшина» и «Корсиканец», передавших советской разведке обширную и достоверную информацию о военных приготовлениях Германии⁵⁰. Действительно, в опубликованных донесениях содержится немало любопытных и важных сведений, но эти люди не имели доступа к секретным документам и поэтому их сведения о наиболее важном вопросе — сроке нападения на СССР — были противоречивыми, что значительно снижало ценность и прочей информации. Особенно нагляден в этом отношении «Календарь сообщений «Корсиканца» и «Старшины» о подготовке Германии к войне с СССР за период с 6 сентября 1940 г. по 16 июня 1941 г.»⁵¹

Сообщая 20 марта 1941 г. о подготовке к войне с СССР, «Старшина» отметил, что «имеется лишь 50% шансов за то, что это выступление произойдет, все это вообще может оказаться блефом». 14 апре-

ля, по их данным, перед началом войны, которая может начаться после поражения Югославии и Греции, следует ожидать германского ультиматума. 24 апреля они сообщили, что акция против СССР уступила место удару на Ближнем Востоке, а 30 апреля — что окончательно решено начать войну с СССР. 1 мая поступила информация о готовящемся германском ультиматуме с целью прояснить отношения с СССР до решительных операций на Ближнем Востоке, а 14 мая последовало сообщение, что нападение на СССР отложено. 11 мая они передали, что предъявлению ультиматума будет предшествовать «война нервов» для деморализации СССР. 9 июня источники вновь сообщили об ожидаемом германском ультиматуме и о том, что решение о нападении на СССР отложено до середины июня, 11 июня поступило сообщение, что решение принято, а 16 июня — что все готово к нападению. Последовательность донесений позволяет понять раздражение Сталина, отразившееся в его очень грубой резолюции на имя наркома госбезопасности на последнем из них: *«Т-щу Меркулову. Можете послать ваш «источник» из штаба герм. авиации к еб-ной матери. Это не «источник», а дезинформатор»*⁵². Конечно, теперь-то мы знаем, что сообщения «Старшины» и «Корси-канца» от 11 и 16 июня содержали наиболее важную информацию о подготовке нападения на СССР, но это противоречило их же недавним донесениям, что, естественно, затрудняло оценку ситуации в июне 1941 г.

Вплоть до германского нападения в сводках раз-

ведки НКГБ не было сделано вывода о непосредственной угрозе войны. Так, в сводке № 1510 от 20 июня 1941 г. отмечалось, что *«продолжаются переброски войск из Франции и Греции в направлении на Люблин, Брест и Восточную Пруссию. Отмечены санитарные и бензозаправочные автоколонны», а в приграничной полосе было «официально объявлено о том, что на днях будут проводиться большие маневры германской армии, в связи с чем население призывается к соблюдению спокойствия»*⁵³. Так же как и военная разведка, разведка НКГБ верно установила факт сосредоточения германских войск, но не смогла определить его цели.

Как справедливо отмечает ряд авторов, это было результатом стремления германского командования скрыть свои военные приготовления на Востоке⁵⁴. Берлин умело распространял слухи о подготовке германского наступления на Ближнем Востоке или к высадке на Британские острова, о сосредоточении войск на советской границе с целью прикрытия этих операций, о готовящихся или уже идущих переговорах с Москвой, в ходе которых Германия готовится предъявить некие ультимативные требования. Так, 26 мая советская разведка в Англии добыла документ из отдела политической разведки английского МИДа, в котором речь шла о советско-германских переговорах, которые, возможно, уже идут. 31 мая президент Финляндии Р. Рюти на заседании правительства заявил, что Германия и СССР ведут секретные переговоры, о чем было доложено в Москву. В мае — июне 1941 г. начальник рейхсканцелярии и статс-секретарь

Гитлера О. Мейснер уверял советского посла в Берлине В.Г. Деканозова, что Гитлер готовится сделать важный шаг, направленный на укрепление отношений с СССР, и намекал на его желание встретиться со Сталиным, ставшим председателем СНК СССР⁵⁵. Контакты Деканозова и германского посла в СССР Ф.-В. фон дер Шуленбурга в Москве 5, 9 и 12 мая 1941 г. также были связаны с вопросом о возможных советско-германских переговорах, а не были «предупреждениями» германского посла, как считают некоторые авторы⁵⁶. В результате Москва не только ожидала начала переговоров, но и пыталась во второй половине июня инициировать их.

По свидетельству Г.К. Жукова, 11 июня 1941 г. в ответ на просьбу военных разрешить привести войска западных приграничных округов в полную боевую готовность Сталин заявил, что *«для ведения большой войны с нами немцам, во-первых, нужна нефть и они должны сначала завоевать ее, а во-вторых, им необходимо ликвидировать Западный фронт, высадиться в Англии или заключить с ней мир»*. Для большей убедительности Сталин подошел к карте и, показав на Ближний Восток, заявил: *«Вот куда они (немцы) пойдут»*⁵⁷. Одновременно появились слухи об ответном характере германского сосредоточения в условиях аналогичных действий Красной Армии и неясных перспектив советской политики. 15 июня по дипломатическим каналам была распространена версия, что к началу июля Германия внесет ясность в отношения с СССР, предъявив определенные требования.

В дезинформационной кампании принял участие даже германский министр пропаганды Й. Геббельс, который с согласия Гитлера в полной тайне от всех подготовил статью «Крит как пример», содержащую намек на то, что воздушно-десантная операция на Крите была своеобразной репетицией вторжения на Британские острова. Статья получила одобрение Гитлера и была помещена в газете НСДАП «Фелькишер беобахтер» от 13 июня 1941 г. Однако рано утром большая часть тиража была изъята из продажи, но иностранные посольства в Берлине успели получить ее. *«Внутри страны и за границей одновременно поднимается шумиха, — записал в своем дневнике Геббельс 14 июня. — Все удастся безупречно... Огромная сенсация — налицо. Английские радиостанции уже заявляют, что сосредоточение наших войск против России — блеф, которым мы прикрываем свои приготовления к высадке в Англии. Такова и была задумка!»* Одновременно в Берлине распространялись слухи о стычке, якобы произошедшей между Гитлером и Геббельсом, который впал в немилость, и о подготовке визита Сталина в Германию, для чего-де изготавливаются красные знамена⁵⁸. В результате, *«к огромному сожалению, политическое руководство нашей страны вплоть до самого начала войны находилось в плену дезинформационной деятельности немецкой разведки»*⁵⁹.

Кроме того, Германия всеми способами распространяла версию, что война с СССР является для нее крайним средством по сравнению с переговорами, в ходе которых возможно выдвижение ультимативных

требований. Не случайно с апреля 1941 г. сведения о возможном германском ультиматуме становятся не-пременным содержанием развединформации, поступавшей из разных источников и стран, что как бы повышало ее достоверность⁶⁰. Английский посол в Москве Криппс также был уверен в том, что Германия предъявит СССР ультиматум, о чем и сообщил в Лондон в конце апреля 1941 г. Сведения об ультиматуме поступали и от «Лицеиста». Под этим псевдонимом действовал О. Берлинкс, работавший и на германские спецслужбы. В своих воспоминаниях П.А. Судоплатов пишет, что в Москве знали, что это двойной агент. По материалам В. Пещерского, оценка этого агента была довольно осторожной: с одной стороны, от него поступала ценная информация, но с другой — в ней содержалось много слухов и домыслов, почерпнутых из журналистских и дипломатических кругов. Любопытно отметить, что резидент НКГБ в Берлине А. Кобулов, на связи у которого находился «Лицеист», вел с ним беседы, содержание которых докладывалось Гитлеру. В июне 1941 г. Кобулов уверял «Лицеиста», что Москва хочет мира с Германией. Доложенная Гитлеру, эта информация вызвала его негативную реакцию. Скорее всего, «Лицеиста» обе стороны использовали для дезинформации друг друга⁶¹.

В итоге, как отмечает ряд авторов, советское руководство знало о неизбежности войны с Германией, но связывало момент ее начала с исходом будущих советско-германских переговоров и с возможным урегулированием вопроса о прекращении англ-

ло-германской войны⁶². В поступавших донесениях неоднократно указывалось, что нападение Германии на СССР возможно лишь после разгрома Англии или достижения с ней мира. Советские агенты в Англии и США сообщали, что *«вопрос о нападении на СССР зависит от тайной договоренности с британским правительством, поскольку вести войну на два фронта было бы чересчур опасным делом»*⁶³. Как указывает ряд авторов, Сталин не верил в то, что Германия решится на ведение войны на два фронта⁶⁴, тем более что она не располагала ресурсами для затяжной войны. Экономические контакты с Германией позволили СССР достаточно хорошо изучить ее экономический потенциал, и в Москве хорошо знали, что затяжная война является для Берлина непозволительной роскошью. По свидетельству Г.К. Жукова, Сталин считал, что *«Германия по уши увязла в войне на Западе, и я верю в то, что Гитлер не рискнет создать для себя второй фронт, напав на Советский Союз. Гитлер не такой дурак, чтобы не понять, что Советский Союз — это не Польша, это не Франция и что это даже не Англия и все они, вместе взятые»*⁶⁵. Видимо, советское руководство вполне допускало, что Гитлер может предпринять определенные шаги для запугивания СССР своей военной мощью, но дальше этих достаточно аморфных угроз дело не пойдет, поскольку нападение на СССР сразу же поставило бы Германию в чрезвычайно невыгодное положение. Вряд ли Гитлер захочет отказаться от экономических и политических выгод сохранения мира с СССР, и бросит Германию в кольцо войны на два фронта.

В этих условиях советская разведка уделяла большое внимание выявлению возможных контактов между Германией, Англией и США⁶⁶. Поскольку никаких изменений не происходило, Сталин, будучи уверенным, что Германия не нападет на СССР, не ликвидировав угрозу со стороны Англии, вероятно, окончательно перестал воспринимать «предупреждения». Тем более что в Москву поступали сведения о действиях английской разведки, направленных на провоцирование столкновения Германии с СССР. Стремясь отвести от Англии угрозу вторжения, ее разведка распространяла слухи о том, что *«Советский Союз намерен немедленно предпринять дальнейшие агрессивные военные действия, как только Германия будет втянута в крупные операции»*. По сообщениям К. Филби, английское руководство всеми средствами стремилось нагнетать среди германского руководства страх перед советскими военными приготовлениями, чтобы стимулировать напряженность и конфликты в советско-германских отношениях. По мнению Ю. Бокарева, Англии удалось спровоцировать советско-германскую войну. В США английские агенты распространяли слухи о неизбежности советско-германской войны по инициативе Советского Союза, который нанесет удар по Южной Польше⁶⁷. В данном случае эти сведения соответствовали реальному советскому военному планированию, в котором действительно указывалось именно это направление главного удара Красной Армии⁶⁸.

В эту деятельность хорошо вписываются сведе-

ния о «предупреждениях» Черчилля Сталину. В отечественной историографии эта версия распространена чрезвычайно широко. Что же писал английский премьер-министр в Москву? *«Я получил от заслуживающего доверия агента достоверную информацию о том, что немцы после того, как они решили, что Югославия находится в их сетях, то есть после 20 марта, начали переброску в южную часть Польши трех из находящихся в Румынии пяти бронетанковых дивизий. В тот момент, когда они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше Превосходительство легко оценит значение этих фактов»*⁶⁹. Это письмо, написанное 3 апреля, было передано Сталину 21 апреля и, как убедительно доказал В. Суворов, являлось не «предупреждением» Черчилля, а его попыткой получить помощь со стороны СССР в период боев на Балканах. Любопытно, что этот вывод полностью разделяет давнишний оппонент В. Суворова Г. Городецкий, который, опираясь на английские документы, показал, что вплоть до начала июня 1941 г. английская разведка отрицала возможность нападения Германии на СССР⁷⁰. Таким образом, «предупреждения» Черчилля в апреле — мае 1941 г. были всего лишь еще одной попыткой втянуть СССР в войну с Германией для облегчения положения Англии. К. Эндрю и О. Гордиевский пишут, что советские агенты в Англии докладывали, что английское правительство иначе оценивает военную ситуацию в Европе, нежели Черчилль в своих посланиях в Москву. Даже когда в начале июня 1941 г. английское правительство пришло к выводу, что

Германия готовится к войне с СССР, оно вплоть до 22 июня считало, что Берлин предъявит Москве ультиматум, подкрепленный угрозой применения силы, а не начнет внезапное вторжение⁷¹.

16 июня 1941 г. английское руководство передало советскому послу в Лондоне И.М. Майскому карту со схемой германской группировки у советских границ. Согласно этим данным в Польше находилось 76 дивизий (из них 2 танковые и 2 моторизованные), в Румынии, Венгрии и Словакии — 29 дивизий (из них 4 танковые и 2 моторизованные), предполагалась переброска еще 2 дивизий по Балтийскому морю и 2 дивизий из Скандинавии в Северную Финляндию. Всего на схеме было показано 109 германских дивизий, что, по мнению В.Я. Сиполса, представляло собой заниженные данные. В действительности к этому времени было развернуто 104 дивизии (75 пехотных, 1 горнопехотная, 3 легкопехотных, 1 кавалерийская, 3 охранные, 10 танковых и 11 моторизованных), из которых в Румынии находилось всего 7 пехотных дивизий. С учетом 4 дивизий в Финляндии их общее количество достигало 108⁷². Нельзя не признать высокой точности данных британской разведки об общей численности германских войск на Востоке, но их сведения о количестве танковых и моторизованных дивизий были значительно заниженными. Кроме того, советская разведка считала, что на границах СССР сосредоточена большая группировка, поэтому вряд ли эту информацию в Москве восприняли иначе, нежели очередную английскую дезинформацию.

Одним из постоянных сюжетов отечественной историографии является версия о ценнейших материалах Р. Зорге, которые не были приняты во внимание Сталиным. Однако даже выборочно опубликованные донесения Зорге показывают, что в них много неточных и противоречивых сведений о намерениях Германии. Получая информацию в германском посольстве в Японии, Зорге невольно стал каналом распространения германской дезинформации. К наблюдениям и выводам В. Сахарова и В. Суворова по этому вопросу⁷³ следует добавить еще несколько штрихов. Так, 11 марта 1941 г. Зорге сообщил в Москву, что, по мнению германского военного атташе в Токио, *«по окончании теперешней [англо-германской] войны должна начаться ожесточенная борьба Германии против Советского Союза»*⁷⁴. 6 мая было сообщено: германское руководство уверено, что *«война с СССР нисколько не мешает ведению войны против Англии»*, а решение о начале войны против СССР будет принято Гитлером *«либо уже в мае, либо после войны с Англией»*⁷⁵. 21 мая он передал в Москву, что *«война между Германией и СССР может начаться в конце мая»*, но *«в этом году опасность может и миновать»*⁷⁶. 1 июня Зорге сообщил, что *«немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня»*⁷⁷.

17 июня было доложено о том, что *«война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня. Военный атташе не знает — будет война или нет»*⁷⁸. 20 июня в Москву поступило сообщение, что, по мнению германского посла в Токио, *«война между Германией и СССР неизбежна»*⁷⁹. Интересно, какие вы-

воды о намерениях Германии должны были сделать в Москве из этих противоречивых сведений? К тому же, следует помнить, что далеко не все сообщения Зорге в Москву докладывались в Кремль. Не ясно также, на чем основан вывод составителя новейшего сборника документов о Р. Зорге А.Г. Фесюна, что *«на сообщения о близящемся нападении Германии Центр не прореагировал»*⁸⁰. Ведь в этих сообщениях увидеть «близящееся» германское нападение можно лишь теперь, зная, что произошло в 1941 г. Во всяком случае, до сих пор никаких других сообщений от Зорге не публиковалось. Любые другие сведения на сегодня являются лишь легендами. Кроме того, следует учитывать, что, как указывает П.А. Судоплатов, Зорге, получивший санкцию Москвы на сотрудничество с германской разведкой в Японии, с 1937 г. не пользовался полным доверием. Кроме него на Дальнем Востоке имелись и другие агенты, например, германский консул в Шанхае или начальник службы жандармерии Квантунской армии, чьи донесения не публиковались. Наверняка в Москву поступала информация об оценке ситуации в Европе японским руководством, которое полагало, что военные приготовления Германии на Востоке являются дезинформацией для прикрытия вторжения в Англию⁸¹. Таким образом, сведения, поступавшие от Зорге, по ряду причин не могут считаться наиболее ценными⁸². Хотя, с высоты сегодняшнего дня, понятно желание многих авторов цитировать некоторые сведения из его донесений для подтверждения устоявшейся версии.

В последние годы было издано несколько работ по истории разведки, которые позволяют более подробно рассмотреть вопрос о механизме оценки в центральном аппарате спецслужб поступавшей информации. П.А. Судоплатов утверждает, что до начала Великой Отечественной войны ни разведка НКВД, ни Разведуправление Генерального штаба не имели отделов обработки и анализа поступающей информации, которые были созданы уже в ходе войны. Однако Информационно-аналитическое отделение 5-го отдела ГУГБ как раз и занималось обработкой и анализом развединформации, в его состав входила аналитическая группа, которой руководил М.А. Алахвердов. В Разведуправлении функционировал информационный отдел, докладные записки которого утверждались начальником Разведуправления и направлялись руководству страны и армии. Другое дело, что качество работы этих подразделений было невысоким, и, как отмечает Л.А. Безыменский, разведка зачастую сама дискредитировала поступающие сведения, передававшиеся Сталину без какого-либо анализа. По мнению А.Г. Павлова, выводы военной разведки были своеобразной данью существовавшей деспотичной атмосфере и своего рода пропуском для доклада Сталину, который мог сам делать выводы из докладывавшихся сведений, а на выводы Разведуправления не обращать внимания⁸³.

Составители сборника документов «Секреты Гитлера на столе у Сталина» также полагают, что поступавшая информация *«в своей совокупности позволяла сделать вывод, что Германия интенсивно и все-*

сторонне осуществляла подготовку к нападению на Советский Союз». Но далее они признают, что спецслужбы «не оценили совокупность добытых сведений, не проанализировали поступившей информации, не сделали необходимого вывода», а отсутствие обобщающих докладов было минусом в их работе. В результате, «будучи доложенной руководству страны в разобращенном виде, информация о военных приготовлениях не создавала убедительной целостной картины происходящих событий, не отвечала на главный вопрос: с какой целью эти приготовления осуществляются, принято ли правителями Германии политическое решение о нападении, когда следует ожидать агрессии, каковы будут стратегические и тактические цели ведения противником военных действий»⁸⁴. Кроме того, не ясно, оценивал ли кто-либо в Москве поступавшие донесения как нарастание угрозы германского нападения. К сожалению, документы, подтверждающие это, до сих пор не известны, поэтому вряд ли правомерно возлагать ответственность за отсутствие подобных выводов только на Сталина.

По мнению Г.К. Жукова, Сталин *«даже из того, что докладывалось ему по линии военной разведки, мог видеть безусловное нарастание угрозы войны, но этого им сделано не было»*, так как он поверил исходивший от Гитлера дезинформации и с помощью осторожной политики стремился оттянуть или избежать войны. *«Так думало и все сталинское руководство страны»*, — пишет Жуков, намекая, что военное руководство придерживалось другого мнения. Прав-

да, далее читаем следующее: *«Могло ли руководство наркомата обороны своевременно вскрыть выход вражеских войск на границу СССР — непосредственно в исходные районы, откуда началось их вторжение 22 июня? В тех условиях, в которые было поставлено военное руководство, сделать это было затруднительно. Нам категорически запрещалось ведение воздушной разведки, а агентурные данные запаздывали»⁸⁵*. То есть военное руководство тоже не смогло определить момент завершения подготовки германского нападения, что несколько обесценивает обвинения в адрес Сталина.

Приведенные цитаты интересно сравнить с рукописью маршала, в которой вместо этого сказано следующее: *«Я не знаю, что давала Сталину разведка, находившаяся не в руках Генштаба, но разведка, которую возглавлял перед войной генерал Голиков Ф.И., не смогла вскрыть мероприятий, которые в глубокой тайне отрабатывались в штабах немецких войск по плану войны. Разведка не сумела проникнуть в тайники, где планировались цели и задачи немецких войск в войне с Советским Союзом. Обо всем этом мы узнали только после войны, читая трофейные документы»⁸⁶*. Далее Жуков высказался еще более категорично: *«Сейчас бытуют разные версии о том, что мы знали о выдвижении войск противника на исходные рубежи и даже конкретно о дне нападения немцев. Эти версии лишены основания и не могут быть подтверждены официально. Военному руководству были известны лишь общие предположительные сведения, которые были известны многим»⁸⁷*. Более того,

Г.К. Жуков и А.М. Василевский свидетельствуют, что в Москве не знали не только о сроках германского нападения, но и о том, будет ли это нападение вообще⁸⁸. Понятно, что подобные свидетельства оседали в архивах.

Нельзя забывать, что советской разведке не удалось добыть ни одного документа о намерениях Германии на Востоке. Как справедливо отмечает П.А. Судоплатов, разведка имела источники в окружении военно-политического руководства Германии, но не имела доступа к документам германского командования. Поэтому получаемая информация во многом строилась на слухах и отражала колебания в германском руководстве по вопросу об отношениях с СССР⁸⁹. Все это также затрудняло Москве правильную оценку обстановки. Заметим, что не только советское руководство, но и руководство других стран не имело точной информации о намерениях Германии в июне 1941 г. Ближе всех к правильной оценке действий Германии оказалась английская разведка, располагавшая системой дешифровки некоторых германских военных шифров, но и ее выводы не полностью отражали действительные планы Берлина. Подобная ситуация, безусловно, является результатом успешных действий германской контрразведки и мер по сохранению секретности и дезинформации противника. Это следует помнить исследователям, которые, как правило, исходят в своих оценках из антисталинской конъюнктуры «хрущевского» периода.

Традиционно в отечественной историографии

проблема внезапности практически не поднималась, поскольку и так было ясно, что Германия совершила внезапное, вероломное и неспровоцированное нападение на Советский Союз. Однако в конце 1980-х — начале 1990-х гг. этот вопрос стал предметом оживленной дискуссии. Под влиянием некритически воспринятой концепции разведорганов об их деятельности накануне войны некоторые авторы утверждали, что поскольку советское руководство получало много развединформации и располагало всеми данными о подготовке Германией нападения вплоть до дня, часа и направлений ударов врага, то и говорить о внезапности германского нападения затруднительно. Тем не менее, исследователи признают, что Сталин не верил в достоверность этих сведений, и начало войны оказалось внезапным для войск приграничных округов⁹⁰. Более явственно эта концепция формулируется в работах представителей разведорганов, отстаивающих «честь мундира». Так, П.И. Ивашутин, изложив успехи разведки, делает вывод, что *«нападение фашистской Германии на Советский Союз ни в стратегическом, ни в тактическом плане не было внезапным. Другое дело, что вторжение фашистских войск на нашу территорию застало советские войска врасплох, так как они не были заблаговременно приведены в полную боевую готовность»*. Схожую позицию занимает и А. Байдаков, отмечающий, что разведка не смогла убедить Сталина в скором нападении Германии, хотя

при этом он возлагает вину за ошибку на политическое руководство⁹¹.

В работе А.Г. Павлова утверждается, что *«военная разведка свою задачу выполнила. В этих условиях не представляется правомерным утверждать, что нападение Германии на СССР было неожиданным»*. Но через две страницы он пишет следующее: *«Некоторые авторы выражают мнение, что скоординированной дезинформацией немецкие агрессоры сумели обеспечить внезапность нападения на СССР. Но им этого удалось достигнуть также вследствие просчетов, допущенных политическим и военным руководством СССР. Трудно не согласиться с этим выводом»*⁹². По мнению В.А. Кирпиченко, *«разведка в предвоенный период свой долг выполнила. Она использовала все имевшиеся сведения о приготовлениях Германии к войне. Была масса неопровержимых материалов из очень солидных источников. То, что им не было придано должного значения, — это уже от разведки не зависело»*. Хотя он признает, что от разведки *«проскальзывала и дезинформация»*, тем не менее, по его мнению, приведенная позиция является окончательным словом разведки и *«пересмотра нашей концепции не будет»*⁹³. Вместе с тем многие авторы продолжают признавать внезапный характер германского вторжения, как правило, объясняя это ошибками Сталина в оценке обстановки⁹⁴.

Ныне страсти вокруг вопроса о внезапности германского нападения несколько поостыли. Тем более что противникам ее наличия так и не удалось доказать свою правоту, поскольку ясно, что, если даже в

распоряжении руководства и имелись важные разведанные, но им не верили, то об отсутствии внезапности нападения говорить затруднительно. На сегодня ясно, что противоречивые данные советской разведки и характерное для Кремля собственное видение международной ситуации, в том числе и уверенность, что Гитлер не решится пойти на авантюру затяжной войны на Востоке, не позволили объективно оценить обстановку в мае — июне 1941 г., и советское руководство допустило роковую ошибку. Однако причины, по которым она была допущена, все еще остаются дискуссионными. Лишь решение этого вопроса позволит приблизиться к пониманию ситуации кануна войны. Наличие нескольких каналов получения развединформации, казалось, должно было способствовать высокому уровню осведомленности советского руководства. Однако, к сожалению, этого не произошло. Скорее всего, это было результатом отсутствия координации работы спецслужб и централизованной оценки поступавших разведанных. Взаимодействие разведок, которое и так было невелико, подрывалось соперничеством между ними. При этом следует отметить, что взаимоотношения советских разведслужб все еще не стали объектом исследований.

Анализ доступных материалов по истории советской разведки накануне войны показывает, что, несмотря на наличие довольно развитой разведсети, она не смогла добыть и представить политическому руководству страны материалы, которые давали бы однозначный ответ на вопрос о намерениях Германии ле-

том 1941 г. В такой же ситуации оказались и разведки других великих держав, поэтому вряд ли стоит, как это делает Ю.А. Горьков, утверждать, что советская разведка работала плохо как до войны, так и в ее начале. Скорее, ближе к истине мнение В. Сахарова, который считает, что агенты добыли максимально возможный объем информации, но в условиях целенаправленной дезинформации и высокоэффективных мер по сохранению секретности, проводимых германскими спецслужбами, эта информация оказалась слишком противоречивой⁹⁵. Слабость аналитического аппарата спецслужб в Москве не позволила сузить поступление германской дезинформации в Кремль, что в итоге дезориентировало советское руководство, которое не сумело верно оценить угрозу германского нападения. Правильно отмечая нарастание кризиса в советско-германских отношениях, Кремль полагал, что до окончательного разрыва еще есть время как для дипломатических маневров, так и для завершения военных приготовлений.

Прямым следствием допущенной ошибки в оценке обстановки стало то, что Красная Армия, начав в мае 1941 г. стратегическое сосредоточение и развертывание на Западном ТВД, которое должно было завершиться к 15 июля, оказалась 22 июня 1941 г. застигнута врасплох и не имела ни наступательной, ни оборонительной группировки. Советские войска не были отобилизованы, не имели развернутых тыловых структур и лишь завершали создание органов управления на ТВД. На фронте от Балтийского моря до Карпат из 77 дивизий войск прикрытия Красной

Армии в первые часы войны отпор врагу могли оказать лишь 38 не полностью отмобилизованных дивизий, из которых лишь некоторые успели занять оборудованные позиции на границе. Остальные войска находились либо в местах постоянной дислокации, либо в лагерях, либо на марше. Если же учесть, что противник сразу бросил в наступление 103 дивизии, то понятно, что организованное вступление в сражение и создание сплошного фронта советских войск было крайне затруднено. Упредив советские войска в стратегическом развертывании, создав мощные оперативные группировки своих полностью боеготовых сил на избранных направлениях главного удара, германское командование создало благоприятные условия для захвата стратегической инициативы и успешного проведения первых наступательных операций.

Несмотря на развертывание на Восточном фронте основных сил вермахта, германское командование не смогло добиться подавляющего превосходства не только в полосе всего будущего фронта, но и в полосах отдельных групп армий. Однако Красная Армия не была отмобилизована и не закончила процесс стратегического сосредоточения и развертывания. Вследствие этого части первого эшелона советских войск прикрытия значительно уступали противнику, войска которого были развернуты непосредственно у границы. Подобное расположение советских войск позволяло громить их по частям. На направлениях главных ударов групп армий германскому командованию удалось создать превосходство над войсками Красной Армии, которое было близ-

ко к подавляющему. Общее соотношение сил позволяло советскому командованию не допустить превосходства противника даже на направлениях его главных ударов, но в действительности произошло обратное⁹⁶. Не будучи развернутыми и укомплектованными, советские войска должны были с ходу вступать в сражение с превосходящими их в каждом отдельном бою силами противника, который действовал в целом более профессионально. К сожалению, героизм воинов Красной Армии не мог компенсировать недостатки в боевой подготовке личного состава и отсутствие налаженной системы управления войсками.

Немаловажной причиной неудачного хода военных действия летом 1941 г. стали неумелые действия командования всех степеней на фронте. Это было результатом как слабой подготовки командно-начальствующего состава Красной Армии к ведению высокоманевренных боев, так и нарушения системы связи и управления войсками. В итоге советское командование запаздывало с реагированием на действия противника, а нередко вообще не успевало принять какое-либо осмысленное решение до нового изменения обстановки на фронте. Не случайно серьезной проблемой боев 1941 г. было восстановление сплошного фронта, периодически прорывавшегося противником. Эту проблему советское командование, как правило, решало путем разрозненного введения в сражение вновь создаваемых резервов. Отсутствие развернутой системы тыла в первые недели войны порождало проблему снабжения войск Красной Армии всем необходимым для ведения боев, а быстрое

продвижение вермахта и захват советских складов еще больше подрывали боеспособность советских войск. Все это, вместе взятое, вынуждало советские войска к отступлению и в свою очередь вело к подрыву морального духа военнослужащих Красной Армии, порождало панику, танко- и самолетобоязнь, а также страх окружения.

Однако по мере накопления опыта Красная Армия действовала все более организованно. Имея возможность, благодаря развитой военной экономике, вооружить призванные в армию все новые людские контингенты, советское руководство неоднократно восстанавливало прорванный противником фронт. Германское командование просто не располагало резервами, которыми могло бы наращивать свои войска на Восточном фронте. В результате, несмотря на значительные успехи, «Восточный поход» вермахта провалился. Даже в самых благоприятных оперативно-стратегических условиях 1941 г. задача разгрома СССР оказалась не по силам Германии, бросившей на Восток все свои наиболее боеспособные соединения. Сделав ставку на молниеносный разгром Советского Союза, тщательно подготовив нападение, выбрав наиболее удобный момент для вторжения и с самого начала войны захватив стратегическую инициативу, германское командование не сумело использовать свои преимущества, поскольку совершенно не представляло, с каким противником придется столкнуться на Востоке. Как признал после войны генерал Г. Блюментрит, *«нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам*

*когда-либо приходилось встречаться на поле боя»⁹⁷. К концу ноября 1941 г. Германия оказалась на пороге крупнейшего военно-экономического кризиса, разразившегося в декабре 1941 г.⁹⁸ Уже 24 ноября в беседе с начальником штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковником Ф. Гальдером командующий армией резерва генерал-полковник Ф. Фромм, обрисовав *«общее военно-экономическое положение»*, сделал вывод, что *«необходимо перемирие»⁹⁹*. 29 ноября министр по делам вооружений и боеприпасов Ф. Тодт заявил Гитлеру, что *«в военном и военно-экономическом отношении война уже проиграна»* и необходимо политическое урегулирование¹⁰⁰.*

Несмотря на тяжелые потери (см. таблицу 4), советским вооруженным силам удалось сорвать германский план молниеносной войны и, измотав противника, создать условия для перехода в контрнаступление под Москвой, которое началось 5—6 декабря. Зимнее контрнаступление Красной Армии наглядно показало, что германская ставка на «блицкриг» окончательно провалилась, и Германия оказалась перед перспективой затяжной войны на два фронта. Поэтому неудача «Восточного похода» была не просто поражением вермахта на одном из театров военных действий, а явилась полным и окончательным крахом германской стратегии ведения войны, потребовала коренной перестройки военно-экономического организма Германии для ведения затяжной войны, выиграть которую в сложившихся условиях она не могла¹⁰².

Таблица 4

ПОТЕРИ СТОРОН НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ К 31 ДЕКАБРЯ 1941 Г.¹⁰¹

	Красная Армия	Противник	В том числе		
			Германия	Финляндия	Румыния
Убито	802 191	273 816	177 963	17 254	77 456
Ранено	1 269 978	802 705	631 659	59 527	108 172
Пропало без вести	3 906 965	57 245	38 151	3835	15 023
Итого	5 979 134	1 133 766	847 773	80 616	200 651
Винтовки, автоматы, пулеметы, противо- танковые ружья	5 799 600*		106 537*****		
Орудия и минометы	104 000**		12 827*****		
Танки и САУ	23 200***		2859*****		
Самолеты	21 200		4400*****		
Автомшины	159 000****		103 671*****		

* Из них 244 744 стали трофеями вермахта.

** Из них 30 275 стали трофеями вермахта.

*** Из них 13 405 стали трофеями вермахта.

**** Из них 52 247 стали трофеями вермахта.

***** Данные только по германским войскам.

Источники

¹ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. М., 1961. С.191 — 193; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 — 1945. В 6 т. Т.2. М., 1961. С. 48 — 50; История второй мировой войны 1939 — 1945 гг. В 12 т. Т.4. М., 1975. С.58 — 59; Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984. С.123; *Хорьков А.Г.* Грозовой июнь. Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны. М., 1991. С.216 — 239; Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг. Военно-стратегические очерки. В 4 кн. Кн.1. Суровые испытания. М., 1998. С.165 — 166.

² *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С.10.

³ *Анфилов В.А.* Крушение похода Гитлера на Москву. 1941 год. М., 1989. С.88 — 94; *Волкоготовов Д.А.* Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. В 2 кн. М., 1989. Кн.2. Ч.1. С.137 — 148; *Исаев С.И., Раманичев Н.М., Чевела П.П.* Советский Союз накануне Великой Отечественной войны. М., 1990. С.53 — 55; Канун и начало войны: Документы и материалы. Л., 1991. С.21 — 22; *Куршин Ю.Я., Раманичев Н.М.* Накануне 22 июня 1941 г.//Новая и новейшая история. 1991. № 3. С.15 — 17; *Хорьков А.Г.* Указ. соч. С.131 — 152; *Язов Д.Т.* Впереди была война//Военно-исторический журнал. 1991. № 5. С.4 — 14; *Киселев В.Н.* Упрямые факты начала войны//Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С.15 — 16; *Павленко Н.Г.* Была война... Размышления военного историка. М., 1994. С.227 — 235; *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны (Очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны). М., 1995. С.129 — 136; *Анфилов В.А.* Грозное лето 41 года. М., 1995. С.78 — 91; *Некрич А.М.* 1941, 22 июня. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1995. С.154 — 172; Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг. Кн.1. С.116 — 117; *Безыменский Л.А.* Советская разведка перед войной//Вопросы ис-

тории. 1996. № 9. С.79, 81; *Орлов А.С.* Роковой 41-й: готовил ли Советский Союз нападение на Германию?//Россия XXI. 2001. № 3. С.74 — 76, 82, 86.

⁴ *Горчаков О.* Накануне, или Трагедия Кассандры//Горизонт. 1988. № 6. С.31 — 43, № 7. С.51 — 63; Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С.198 — 222; Накануне войны (из разведсводок военных округов)//Советские архивы. 1990. № 2. С.3 — 8; Военные разведчики докладывали...//Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С.36 — 41, № 3. С.40 — 42; Москве кричали о войне//Военно-исторический журнал. 1994. № 6. С.21 — 26; «Теперь главный враг — Россия»//Военно-исторический журнал. 1995. № 3. С.66 — 70; *Двойных Л., Тархова Н.* О чем докладывала военная разведка//Наука и жизнь. 1995. № 3. С.2 — 11; Два досье «Красной капеллы»//Военно-исторический журнал. 1995. № 6. С.18 — 30; Неуслышанные сигналы войны. Докладные записки Л.П. Берия и И.И. Масленникова И.В. Сталину, В.М. Молотову, С.К. Тимошенко, Г.К. Жукову, А.Я. Вышинскому. Апрель — июнь 1941 г.//Исторический архив. 1995. № 2. С.4 — 22; Органы Государственной безопасности в период Великой Отечественной войны. Т.1. Кн.1 — 2. М.,1995; Секреты Гитлера на столе у Сталина: Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР, март — июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России. М.,1995; Новые документы из Архивов СВР и ФСБ России о подготовке Германией войны с СССР 1940 — 1941 гг.//Новая и новейшая история. 1997. № 4. С.94 — 104; Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т.3. М.,1997; 1941 год. Документы. В 2 кн. М.,1998.

⁵ *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.,1996. С.134.

⁶ *Розанов Г.Л.* Сталин — Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939 — 1941 гг. М.,1991. С.187. А.Г. Павлов пишет об ознакомлении с содержи-

ем директивы № 21 (*Павлов А.Г.* Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны//Новая и новейшая история. 1995. № 1. С.54), а П.И. Ивашутин считает, что «основное содержание плана «Барбаросса» было известно через 11 дней после утверждения его Гитлером» (Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С.10).

⁷ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С.219; Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С.36; *Городецкий Г.* Миф «Ледокола»: Накануне войны. Пер. с англ. М., 1995. С.135 — 136; 1941 год. Документы. Кн.1. С.466, 508.

⁸ 1941 год. Документы. Кн.1. С.452.

⁹ *Ивашутин П.И.* Докладывала точно//Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С.56; Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг. Кн.1. С.117.

¹⁰ *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т.1. М., 1990. С.363 — 364; *Сахаров В.* Крушение мифа. (Если бы Сталин поверил Зорге...)//Молодая гвардия. 1991. № 10. С.232 — 238; 1941 год. Документы. Кн.1. С.683.

¹¹ 1941 год. Документы. Кн.1. С.776 — 780.

¹² «...Разговор закончился угрозой Сталина». Десять неизвестных бесед с маршалом Г.К. Жуковым в мае — июне 1965 года//Военно-исторический журнал. 1995. № 3. С.40.

¹³ *Ивашутин П.И.* Указ. соч. С.57; *Новобранец В.А.* Накануне войны//Знамя. 1990. № 6. С.174 — 175.

¹⁴ 1941 год. Документы. Кн.1. С.776.

¹⁵ *Городецкий Г.* Указ. соч. С.155 — 156.

¹⁶ *Жуков Г.К.* Указ. соч. Т.1. С.364 — 365; *Сахаров В.* Указ. соч. С.236; Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С.39 — 40.

¹⁷ *Судоплатов П.А.* Указ. соч. С.149; *Сахаров В.* Указ. соч. С.232 — 243; *Сиполс В.Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939 — 1941. М., 1997. С.394 — 397.

¹⁸ РГВА. Ф.35077. Оп.1. Д.68. Л.2 — 3, 5; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Stuttgart.1979 — 1988. Bd.2. S.268; Bd.5/1. S.554 — 555, 718 — 719; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933 — 1945 гг. Пер. с нем. Т.2. М.,1958. С.144; *Groehler O.* Geschichte des Luftkrieges. Berlin.1981. S.494.

¹⁹ РГВА. Ф.35077. Оп.1. Д.66. Л.9 — 10; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd.5/1. S.554 — 555; *Groehler O.* Op. cit. S.494.

²⁰ *Городецкий Г.* Указ. соч. С.142; 1941 год. Документы. Кн.1. С.751, 753; История второй мировой войны 1939 — 1945 гг. Т.9. М.,1978. С.449; *Groehler O.* Op. cit. S.494.

²¹ *Павлов А.Г.* Указ. соч. С.55; 1941 год. Документы. Кн.1. С.746 — 747; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd.5/1. S.641, 826, 959, 963; Bd.4. S.184; *Senger und Etterlin M. von.* Deutsche Panzer 1926 — 1945. München. 1966. S.346.

²² Советские архивы. 1990. № 2. С.5; РГВА. Ф.35077. Оп.1. Д.66. Л.1 — 5; Д.70. Л.23; Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С.203; Наука и жизнь. 1995. № 3. С.10 — 11; *Павлов А.Г.* Указ. соч. С.55; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd.5/1. S.826, 959.

²³ Советские архивы. 1990. № 2. С.5; РГВА. Ф.35077. Оп.1. Д.70. Л.31; *Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht* (далее — КТВ ОКВ). Frankfurt am Main. 1965. Bd.1. S.97E; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd.5/1. S.826, 959.

²⁴ РГВА. Ф.35077. Оп.1. Д.66. Л.1 — 5; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т.2. С.83.

²⁵ Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С.36.

²⁶ РГВА. Ф.35077. Оп.1. Д.70. Л.54об.

²⁷ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С.203; РГВА. Ф.35077. Оп.1. Д.68. Л.16; Д.66. Л.1 — 5; Ф.25874. Оп.2. Д.526. Л.3 — 4.

²⁸ *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т.2. М.,1973. С.75.

²⁹ РГВА. Ф.35077. Оп.1. Д.66. Л.11 — 16; Д.70. Л.69об.

³⁰ Таблицы 2 — 3 составлены по: Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С.203; РГВА. Ф.25874. Оп.2. Д.526. Л.10 — 12; Ф.37977. Оп.2. Д.327; Наука и жизнь. 1995. № 3. С.6 — 7, 9 — 11; 1941 год. Документы. Кн.2. С. 46 — 47, 213 — 215, 289 — 290; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart.1983. Bd.4. S.208, 218; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т.2. С.82, 103 — 104, 207 — 208; КТВ ОКВ. Bd.1. S.97E, 1131 — 1134; Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып.18. М.,1960. С.66 — 68, 79 — 85.

³¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С.203 — 204; РГВА. Ф.35077. Оп.1. Д.70. Л.78 — 97.

³² РГВА. Ф.20. Оп.38. Д.3197. Л.10; *Гаврилов В.А., Горбунов Е.А.* Операция «Рамзай»: Триумф и трагедия Рихарда Зорге. М.,2004. С.288.

³³ *Новобранец В.А.* Указ. соч. С.165 — 188; *Хорьков А.Г.* Указ. соч. С.145; Наука и жизнь. 1995. № 3. С.9.

³⁴ 1941 год — уроки и выводы. М.,1992. С.195.

³⁵ Там же; Наука и жизнь. 1995. № 3. С.7 — 9.

³⁶ *Раманичев Н.М.* Сталин не верил разведке?//Коммунист вооруженных сил. 1991. № 8. С.15 — 17.

³⁷ Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С.39; Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С.219 — 220; 1941 год. Документы. Кн.2. С.171 — 173.

³⁸ *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т.2. С.109; Наука и жизнь. 1995. № 3. С.9 — 10; *Гове А.* Внимание, парашютисты! Пер. с нем. М.,1957. С.48 — 49; 1941 год. Документы. Кн.2. С.213 — 215.

³⁹ Наука и жизнь. 1995. № 3. С.10 — 11; Коммунист вооруженных сил. 1991. № 8. С.17; 1941 год. Документы. Кн.2. С.289 — 290.

⁴⁰ Наука и жизнь. 1995. № 3. С.7, 10 — 11; Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып.18. С.66 — 68, 79 — 85.

⁴¹ РГВА. Ф.37977. Оп.2. Д.327.

⁴² Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd.4. Beilage 2.

⁴³ Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С.17 — 18; 1992. № 1. С.24; 1992. № 2. С.18 — 19; Новая и новейшая история. 1993. № 3. С.40; 1941 год. Документы. Кн.1. С.181 — 182, 237 — 238, 742; Кн.2. С.215.

⁴⁴ *Пранович А.* Состояние боевой готовности оперативной и тактической разведки Красной Армии накануне нападения фашистской Германии на СССР в июне 1941 года (критический анализ)// Военный вестник АПН. 1992. № 2 — 3. С.1 — 15.

⁴⁵ Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С.49 — 50.

⁴⁶ На земле Беларуси: канун и начало войны. М., 2006. С.390 — 391.

⁴⁷ Лето 1941. Украина: Документы и материалы. Хроника событий. Киев. 1991. С.94 — 95.

⁴⁸ *Гуров А.А.* Боевые действия советских войск на Юго-Западном направлении в начальном периоде войны//Военно-исторический журнал. 1988. № 7. С.36.

⁴⁹ *Киселев В.Н., Раманичев Н.М.* Последствия оценок//Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С.19.

⁵⁰ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С.202.

⁵¹ Органы Государственной безопасности в период Великой Отечественной войны. Т.1. Кн.2. С.286 — 296; на неоднозначность этого источника указал В.Я. Сиполс (Указ. соч. С.393 — 394).

⁵² Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С.221; 1941 год. Документы. Кн.2. С.382 — 383.

⁵³ Великая Отечественная война. 50 лет. Вып.1. М., 1991. С.28 — 29.

⁵⁴ *Сахаров В.* Указ. соч. С.229 — 243; Наука и жизнь. 1995. № 3. С.4 — 5; *Вишлев О.В.* Дезинформационная политика Гитлера накануне нападения на СССР//Россия XXI. 2001. № 3. С.96 — 113; *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т.2. С.74, 107 — 109, 120 — 121.

⁵⁵ *Анфилов В.А.* Незабываемый сорок первый. М., 1989. С.77 — 78, 84 — 85, 95 — 96; *Вишлев О.В.* Почему медлил И.В. Сталин в 1941 году?//Новая и новейшая история. 1992. № 2. С.74, 77, 82 — 85; *Якушевский А.С.* Фактор внезапности в нападении Германии на СССР//История СССР. 1991. № 3. С.7 — 10; Новая и новейшая история. 1995. № 3. С.217 — 218; Секреты Гитлера на столе у Сталина. С.15; *Пещерский В.* «Большая игра», которую проиграл Сталин//Новое время. 1995. № 18. С.22 — 24; *Судоплатов П.А.* Указ. соч. С.148; Коммунист вооруженных сил. 1991. № 8. С.5; *Вишлев О.В.* Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. С.37 — 62.

⁵⁶ Дипломатический ход во имя мира//Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. № 20. С.57 — 63; Дипломатия накануне нападения Германии на СССР (Советско-германские контакты в мае 1941 г.)//Дипломатический вестник МИД Российской Федерации. 1993. № 11 — 12. С.74 — 78; *Павленко Н.Г.* Указ. соч. С.230 — 231; *Якушевский А.С.* Указ. соч. С.12; 1941 год. Документы. Кн.2. С.167 — 169, 181 — 184, 193 — 195.

⁵⁷ Военно-исторический журнал. 1995. № 3. С.41.

⁵⁸ *Вишлев О.В.* Почему медлил И.В. Сталин в 1941 году?//Новая и новейшая история. 1992. № 2. С.77, 82 — 85; *Якушевский А.С.* Указ. соч. С.7 — 10; Новая и новейшая история. 1995. № 3. С.217 — 218.

⁵⁹ Наука и жизнь. 1995. № 3. С.6.

⁶⁰ Секреты Гитлера на столе у Сталина. С.15.

⁶¹ Новая и новейшая история. 1992. № 2. С.74; *Пещерский В.* Указ. соч. С.22 — 24; *Судоплатов П.А.* Указ. соч. С.148.

⁶² *Анфилов В.А.* Крушение похода Гитлера на Москву. С.89.

⁶³ *Судоплатов П.А.* Указ. соч. С.135 — 136; Сиполс. В.Я. Указ. соч. С.394.

⁶⁴ *Анфилов В.А.* Указ. соч. С.89; *Жуков Г.К.* Указ. соч. Т.1. С.357, 366 — 367; *Майоров А.М.* На пороге войны//Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С.37.

⁶⁵ Жуков Г.К. Указ. соч. Т.1. С.366 — 367.

⁶⁶ Безыменский Л. Как сэр Стаффорд Криппс, Ким Филби и Рудольф Гесс Иосифа Сталина напугали//Новое время. 1992. № 23. С.42 — 44; Розанов Г.Л. Указ. соч. С.202, 206; Новая и новейшая история. 1992. № 2. С.72, 76; Вишнев О.В. Накануне 22 июня 1941 г. С.56.

⁶⁷ Судоплатов П.А. Указ. соч. С.136; Хайд М. Комната 3603. Пер. с англ. М.,1967. С.98 — 99; Бокарев Ю. Директива № 21//Россия XXI. 1996. № 7 — 8. С.116 — 136, № 11 — 12. С.114 — 137; 1997. № 1 — 2. С.134 — 159.

⁶⁸ Подробнее о разработке оперативных планов Генштаба РККА см.: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939 — 1941 гг. (Документы, факты, суждения). 2-е изд., исправ. и доп. М.,2002. С.301 — 336.

⁶⁹ Документы внешней политики. Т.23. Кн.2. М.,1998. С.829.

⁷⁰ Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М.,1992. С.292 — 303; Городецкий Г. Указ. соч. С.157 — 175.

⁷¹ Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М.,1992. С.283; Городецкий Г. Указ. соч. С.259 — 260; Сиполс В.Я. Указ. соч. С.370 — 381.

⁷² Городецкий Г. Указ. соч. С.329, иллюстрация 20; Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. С.66 — 68, 79 — 85; Сиполс В.Я. Указ. соч. С.381 — 382.

⁷³ Суворов В. Указ. соч. С.303 — 314; Сахаров В. Указ. соч. С.230 — 242.

⁷⁴ 1941 год. Документы. Кн.1. С.740. Под другими датами эти сообщения приводятся в сборнике: Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. СПб.,2000. С.113.

⁷⁵ 1941 год. Документы. Кн.2. С.175; Дело Рихарда Зорге. С.116.

⁷⁶ 1941 год. Документы. Кн.2. С.252; Дело Рихарда Зорге. С.117 — 118.

⁷⁷ 1941 год. Документы. Кн.2. С.303; Дело Рихарда Зорге. С.119 — 120.

⁷⁸ 1941 год. Документы. Кн.2. С.380; Дело Рихарда Зорге. С.120 — 121.

⁷⁹ 1941 год. Документы. Кн.2. С.398 — 399; Дело Рихарда Зорге. С.121.

⁸⁰ Дело Рихарда Зорге: Известные документы. С.16.

⁸¹ Коммунист вооруженных сил. 1991. № 8. С.16; *Судоплатов П.А.* Указ. соч. С.167; *Эндрю К., Гордиевский О.* Указ. соч. С.284; *Сиполс В.Я.* Указ. соч. С.397 — 398; *Израэлян В.Л., Кутаков Л.Н.* Дипломатия агрессоров. М., 1967. С.175 — 180; *Хаттори Т.* Япония в войне 1941 — 1945. Сокр. пер. с яп. М., 1973. С.43 — 44.

⁸² *Горбунов Е.А.* Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002. С.454 — 469.

⁸³ *Судоплатов П.А.* Указ. соч. С.149; Новое время. 1995. № 18. С.23; Вопросы истории. 1996. № 9. С.84 — 85; Новая и новейшая история. 1995. № 1. С.57.

⁸⁴ Секреты Гитлера на столе у Сталина. С.10 — 12.

⁸⁵ *Жуков Г.К.* Указ. соч. Т.1. С.341, 343, 363.

⁸⁶ РГВА. Ф.41107. Оп.1. Д.9. Л.35.

⁸⁷ Там же. Д.10. Л.95. В 10-м издании воспоминаний Г.К. Жукова этот текст изложен несколько по-иному: «С первых послевоенных лет и по настоящее время кое-где в печати бытует версия о том, что накануне войны нам якобы был известен план «Барбаросса», направление главных ударов, ширина фронта развертывания немецких войск, их количество и оснащенность... Позволю со всей ответственностью заявить, что это чистый вымысел. Никакими подобными данными, насколько мне известно, ни Советское правительство, ни нарком обороны, ни Генеральный штаб не располагали» (Указ. соч. С.365), в первом издании этот текст отсутствовал.

⁸⁸ РГВА. Ф.41107. Оп.1. Д.12. Л.48; *Василевский А.М.* Накануне войны//Новая и новейшая история. 1992. № 6. С.7.

⁸⁹ *Судоплатов П.А.* Указ. соч. С.145.

⁹⁰ *Данилов В.Д.* Советское Главное Командование в преддверии Великой Отечественной войны//Новая и новейшая история. 1988. № 6. С.17 — 19; *Спирин Л.М.* Сталин и война//Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С.100 — 101; *Прозектор Д.М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М.,1989. С.312 — 314; *Волков Ф.Д.* Взлет и падение Сталина. М.,1992. С.178 — 188.

⁹¹ *Ивашутин П.И.* Указ. соч. С.55 — 59; *Байдаков А.* По данным разведки//Правда. 8 мая 1989 г.

⁹² *Павлов А.Г.* Указ. соч. С.58, 60.

⁹³ Новая и новейшая история. 1997. № 4. С.87 — 88.

⁹⁴ *Самсонов А.М.* Вторая мировая война. 1939 — 1945. М.,1990. С.118; *Петров Б.Н.* О стратегическом развертывании Красной Армии накануне войны//Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С.14 — 17; *Хорьков А.Г.* Указ. соч. С.227 — 228; *Павленко Н.Г.* Указ. соч. С.227 — 235; *Якушевский А.С.* Указ. соч. С.3 — 16; *Ржешевский О.А.* Начало//Партийная жизнь. 1991. № 12. С.28 — 31; *Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А.* Сталинизм и война: Из непрочитанных страниц истории (1930 — 1990-е). М.,1994. С.232 — 255.

⁹⁵ *Горьков Ю.А.* Кремль, Ставка, Генштаб. Тверь. 1995. С.180; *Сахаров В.* Указ. соч. С.241 — 243.

⁹⁶ Подробнее о проблеме соотношения сил сторон к 22 июня 1941 г. см.: *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. С.382 — 394.

⁹⁷ Роковые решения. Пер. с англ. М.,1958. С.98.

⁹⁸ *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой: Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 г. Пер. с нем. М.,1980. С.203 — 341.

⁹⁹ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Пер. с нем. Т.3. Кн.2. М.,1971. С.70.

¹⁰⁰ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С.219.

¹⁰¹ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С.146 — 147, 351 — 363; *Гуркин В.В.* Потери союзников Германии в войне против СССР//Военно-исторический журнал. 1998. № 5. С.16 — 21; КТВ ОКВ. Bd.1. S.1120 — 1121; *Hahn F.* Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres 1933 — 1945. Bd.2. S.220 — 221; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd.4. S.699, 974 — 975; Bd.5/1. S.635; Suomen Sota 1941 — 1945. Osa.1. S.433; *Schustereit H.* Vabanque. Hitlers Angriff auf die Sowjetunion 1941 als Versuch, durch den Sieg im Osten den Westen zu bezwingen. Bonn. 1988. S.73, 100 — 102, 103.

¹⁰² *Рейнгардт К.* Указ. соч. С.215 — 218; *Мягков Ю.М.* Битва под Москвой в документах группы армий «Центр»//Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С.265; *Мягков Ю.М.* Вермахт у ворот Москвы 1941 — 1942. М., 1999. С.239 — 240; *Фалин В.М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С.279 — 283, 296 — 297; *Детуайлер Д.С.* Эскалация Второй мировой войны//Новая и новейшая история. 2000. № 2. С.70 — 79.

Содержание

<i>Юрий Мухин</i>	
«Кадры решают всё!»	5
<i>Марк Солонин</i>	
Простая причина Великой Катастрофы	99
<i>Виктор Суворов</i>	
СССР готовился не к той войне	163
<i>Михаил Барятинский</i>	
«К походу и бою не готовы»	181
<i>Мирослав Морозов</i>	
Поражение летом 1941 года было закономерным .	227
<i>Михаил Мельтюхов</i>	
Роковая ошибка	321

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КАТАСТРОФА

Ответственный за выпуск *А. Кошелев*
Художественный редактор *П. Волков*
Компьютерная верстка *М. Яблокова*
Корректор *В. Авдеева*
OCR - Давид Титиевский, апрель 2017 г., Хайфа

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

**International Sales: For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at
foreignseller@eksmo-sale.ru**

**По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении
обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо» E-mail: project@eksmo-sale.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-26-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

- В Санкт-Петербурге:** ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
- В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
- В Казани:** ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
- В Ростове-на-Дону:** ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60.
- В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
- В Екатеринбурге:** ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
- В Киеве:** ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
- Во Львове:** ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
- В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 19.06.2007.

Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 20,16. Доп. тираж 4000 экз.

Заказ № 1341.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат», 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ПОБЕДА ИСТОРИЧЕСКАЯ СБОРНИК

Несмотря на целые библиотеки книг, посвященных трагедии 1941 года, эта величайшая военная катастрофа до сих пор остается одной из самых спорных и загадочных страниц отечественной истории.

Что произошло летом 41-го на западных границах СССР? Почему могучая и хорошо вооруженная Красная Армия была непоправимо разгромлена за считанные недели боя? И Советский Союз оказался на грани полного военного и политического краха?

В чем главные причины Великой Отечественной катастрофы 1941 года?

Свой ответ на эти долгие пор-борзанные и спорные до сих пор самые известные, самые популярные современные историки:

Юрий Мухомин
Виктор Суворов
Марк Солонин

Михаил Барятинский
Михаил Мельников
Мирослав Морозов

ISBN 978-5-899-21304-6

8-99-00